

ФГБОУ ВПО Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина (Мининский университет)

На правах рукописи

Савин Максим Владимирович

**Массовизация науки в контексте современности:
социокультурный аспект**

09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор Касьян Андрей Афанасьевич

Нижний Новгород – 2015

Содержание

Введение	3
Глава I. Массовизация науки в рамках массовой культуры современного общества	17
§ 1. Характеристика и доминантные модусы феномена социокультурной массовизации	18
§ 2. Динамика массовизации науки.....	41
§ 3. Массовизация и личность ученого. «Экстремассофикация» и «интромассофикация»	61
Глава II. Грани бытия науки в условиях массовизации социокультурной сферы	80
§ 1. Проблемные контуры массовизации научного знания	83
§ 2. Особенности массовизации науки как деятельности	117
§ 3. Специфика массовизации науки как социального института ...	133
Заключение	150
Библиографический список	155

Введение

Наука выступает краеугольным камнем современного социокультурного универсума, несет на себе его специфический исторический отпечаток и, в свою очередь, оказывает постоянно возрастающее влияние на различные его составляющие и измерения. При этом заслуживают исследовательского внимания не только вопросы о роли науки в развитии современного общественного организма и его культурной сферы, но и проблемы изменения граней бытия самой науки, происходящих в контексте социальных и культурных процессов индустриальной и, особенно, продолжающейся сегодня постиндустриальной эпохи. Одной из отличительных черт данных периодов стало развитие в их недрах массовых социокультурных процессов, перманентное нарастание которых оказало значительное влияние на все сферы культурного бытия, в том числе и на науку. Иными словами, массовое общество и массовая культура во многом формируют исторический облик нашего времени, а потому данные феномены закономерно удостоены сегодня пристального внимания многочисленных исследователей в самых разных областях знания. Однако проблема воздействия указанных феноменов на науку – ведущую производительную силу современной цивилизации – на сегодняшний день не только не рассмотрена, но и, по большому счету, отдельно в рамках философского познания не поставлена, комплексных исследований по ней фактически нет.

Обозначенное обстоятельство требует своего исправления, поскольку очевидно, что бытие науки, несущее на себе отпечаток культуры,¹ не могло остаться в стороне от всепроникающих массовых процессов современности, которые принято объединять интегрирующим понятием «массовизация». Массовизация – процесс формирования массового общества и массовой культуры и их возрастающего воздействия на все сферы социума – проблема комплексная, междисциплинарная, заслуживающая, в том числе и философского осмысления. В настоящей работе будет сделан

¹ См.: Мамчур Е.А. Образы науки в современной культуре. М., 2008. С. 277.

познавательный акцент на изучении вопросов, связанных с феноменом массовизации науки в современной культуре и обществе. Наука рассматривается как самобытная сфера культуры, которая, вбирая в себя основополагающие духовные и мировоззренческие импульсы современности, преобразует их с учетом своих специфических культурных особенностей. При этом под культурой нами понимается все произведенное человеком, все созданное им искусственно в результате работы разума, интеллекта и души, а не существующее естественно, подобно природному миру с закономерностями и особенностями его развития. Культура исторична, временна, преходяща, в отличие от природы она существует только вместе с человеком, вбирая все его сильные и слабые стороны, все возвышенное и низменное в нем. Наука – это подчеркнута культурная сфера, сфера сознательной человеческой активности, основанная на врожденном стремлении разумного человека познавать и активно преобразовывать окружающий мир.

Сфера науки теснейшим образом связана со сферой образования, часто данные культурные области взаимно перетекают одна в другую. Именно благодаря образованию обеспечивается преемственность и целенаправленное развитие современной науки, формируются научные кадры, во многом сохраняется и сберегается ее высокий духовный статус и классический элитарный этос. Действительно этос науки и ученого – совокупность морально-нравственных норм, принципов и ограничений в рамках профессиональной научной деятельности – это важнейшая основа созидательного, гуманного и успешного научного развития, которая закладывается именно в рамках образования. В этом ракурсе можно отметить, что процессы массовизации науки тесно связаны с аналогичными тенденциями в образовательной сфере. Однако проблема массовизации образования и его воздействия на науку и другие культурные области – это большая тема для отдельного исследования, в данном же случае мы предметно и целенаправленно рассматриваем социокультурную сторону

массовизации науки, понимая, что она множеством нитей вплетена в образовательную сферу современности.

Актуальность заявленной темы исследования обуславливается высокой ролью науки в социокультурной сфере современности, ее возрастающим влиянием на пути развития и судьбы человеческой цивилизации. При этом игнорирование фактора воздействия массовых процессов на научное бытие формирует искаженное представление о нем в целом и его системообразующих гранях, в частности, что является не критичным, поверхностным и требующим последовательного исправления. Действительно, массовое общество и массовая культура выступают, в том числе и по отношению к науке, ключевыми социокультурными декорациями современности. Пребывая в них, наука, взятая во всем многообразии своих элементов и измерений, не может не претерпевать определенных изменений. Осмысление данных изменений представляется актуальным не только с точки зрения необходимости более точного и глубокого понимания специфики современной науки в культуре, но и с позиции заботы о будущем человечества, в котором достижения науки, по всей видимости, сыграют одну из ведущих ролей.

Говоря о степени изученности данной темы, следует отметить, что проблема массовизации науки является на сегодняшний день фактически не разработанной, специальных систематических исследований по ней практически нет, данная тематика кратко затрагивается лишь в контексте изучения иных вопросов. Дело, на наш взгляд, во многом заключается в том, что значительное число авторов, анализируя различные процессы и симптомы в бытии современной науки, и фактически указывая на массовизированную природу многих из них, тем не менее, не говорят о наличии у них единой массовой основы и не используют при этом соответствующих терминов, которые, будучи введены в научный оборот профессиональными исследователями сравнительно недавно, пока не получили широкого распространения в академических кругах и философской

литературе. В результате складывается такая ситуация, когда исследователи, решая, по сути, одну и ту же проблему в различных ее проявлениях, называют ее разными именами, используя при этом разнообразные понятия. Такое обстоятельство создает общую познавательную неразбериху и терминологическую путаницу вокруг феномена массовизации, объективность характерных черт и проявлений которого в бытии современной науки признают и фиксируют многие, но при этом используют данный термин и целенаправленно анализируют стоящий за ним единый социокультурный процесс единицы.

Собственно о феномене массовизации и его базовых модусах – о массовлении и массофикации – одними из первых в отечественной философии заговорили исследователи Самохвалова В.И. и Климова Л.Е., которые провели анализ и дали примерно схожую общую характеристику данных понятий и скрывающихся за ними культурных и общественных процессов и явлений.¹ При этом указанные исследователи не делали каких-либо познавательных акцентов на массовизации науки, их интересовал процесс массовизации как таковой, взятый в двуединстве его ключевых измерений, применительно ко всей культуре и обществу, а не отдельным их сферам. Иными словами, они говорят о массовизации как об универсальном процессе современной культуры, но о его влиянии и специфике протекания в различных ее областях, в том числе и в области науки, не упоминают. Тем не менее, данные исследователи формируют в своих работах обширное проблемное поле, связанное с необходимостью изучения и осмысления массовизации – глобального социокультурного процесса и феномена – действующего в масштабах всей культуры и оказывающего специфическое воздействие на ее самобытные области. В настоящей работе будет предпринята попытка детального осмысления современной социокультурной

¹ См.: Самохвалова В.И. Массовый человек – реальность современного информационного общества // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М., 2003. С. 104-107; Климова Л. Е. Массовая культура и личность. Культурфилософский аспект. Дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2005. С.95-98.

массовизации применительно к науке и во взаимодействии с элементами и основополагающими гранями научного бытия. Под данными гранями мы в рамках прочно сложившейся традиции понимаем научное триединство: знание, деятельность и социальный институт, которые аккумулируют в себе всю социокультурную сферу науки. Именно данное триединство формирует бытие науки в культуре и обществе.

В рамках феномена массовизации синтезирован противоречивый процесс формирования и развития массовой культуры в массовом обществе, их инвариантной специфики и общих закономерностей, проявляющихся с теми или иными особенностями в различных областях социокультурного универсума. Поэтому изучение феномена массовизации, в данном случае в рамках сферы науки, требует привлечения обширного массива философского и частнонаучного знания по вопросам функционирования массовой культуры в современном обществе. Использование данного теоретического ресурса позволяет не только глубже проникнуть в суть феномена массовизации и его базовых модусов, вскрывая их характерные черты в становлении и развитии, но и дает возможность проанализировать воздействие этих модусов на различные стороны бытия науки, увидеть в особенностях и тенденциях развития современной науки проявления и последствия процесса массовизации как самой науки, так и всей социокультурной сферы, в целом.

Проблемам массовой культуры и массового общества, посвящено на сегодняшний день значительное количество исследований, как в отечественной, так и в зарубежной философии и науке, формирующих общий теоретический фундамент настоящей работы. Среди них следует выделить основополагающие работы, раскрывающие сущность и инвариантные черты данных феноменов. К таковым следует отнести труды Т. Адорно, Н.А. Бердяева, Г. Лебона, Г. Маркузе, Р. Миллса, С. Московичи, Ф. Ницше, Х. Ортеги-и-Гассета, М. Хоркхаймера, З. Фрейда, У. Эко, К. Ясперса и др. Данные работы отличает, в целом, негативное отношение к массовой культуре и порождающему ее массовому

индустриальному обществу, формирующим особый тип личности, который Г. Маркузе назвал «одномерным человеком»¹. Один из наиболее ярких критиков массового общества и массовой культуры Х. Ортега-и-Гассет, говоря о подобном массовом человеке, смог разглядеть его черты и в ученом, прозорливо уловив связь между становлением массового общества и развитием современной ему научной сферы: «В итоге «человек науки» оказывается прототипом массового человека. И не эпизодически, не в силу какой-то сугубой личной ущербности, но потому, что сама наука – родник цивилизации – закономерно превращает его в массового человека»². И, несмотря на то, что данный его тезис представляется и в настоящее время довольно категоричным, тем не менее, в нем испанский мыслитель отразил некоторые тенденции, которые являются, на наш взгляд, отнюдь не беспочвенными в реалиях техногенной цивилизации.

В ходе развития философской и научной мысли XX столетия отношение отдельных исследователей к массовому обществу и массовой культуре постепенно менялись – примерно с середины 70-х гг. XX века намечается определенный отход от «классических» негативных оценок данных феноменов, что мы находим в работах Д. Белла, Г. Кана, Э. Тоффлера, А. Турена, Ж. Фурастье, Э. Шилза и др. Указанные мыслители усматривают в массовизации социокультурной сферы значительный положительный потенциал, свидетельствующий о широкой демократизации, индивидуализации и либерализации общества, где культура становится гибкой и универсальной – способной удовлетворить любые, в т.ч. и самые высокие духовные запросы³.

Дело «легитимизации» массовой культуры в масштабах массового постиндустриального общества активно продолжили постмодернисты, в числе которых следует особо отметить Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, Ж. Деррида, М. Фуко и др. В свойственной им философской манере они

¹ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 17.

² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2003. С. 103.

³ См.: Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2003. С. 248-249.

констатировали утрату актуальности вопроса о противостоянии «высокого» и «низового» в культуре и обществе, поскольку в рамках массовой социокультурной сферы эти слои слились и перемешались, свидетельствуя, по их мнению, о новом витке духовного развития культуры и цивилизации, который постмодернисты приветствовали.

В числе современных отечественных исследователей, обращавшихся к проблемам массовой культуры и массового общества, взятым как отдельно, так и во взаимодействии, следует отметить К. З. Акопяна, М.С. Галину, И.В. Гибелева, А.В. Костину, Е.И. Кузнецову, А.В. Кукаркина, Н.А. Руднева, Е.Г. Соколова, Т.В. Чередниченко, Е.Н. Шапинскую и др. Их работы, в целом, отличает взвешенный подход в оценках специфики и результатов массовых процессов современности, охвативших практически все сферы культуры и общества.

Другой стороной рассмотрения проблемы массовизации науки является проблема изучения исторической специфики бытия современной науки, в т.ч. российской, в культуре техногенной цивилизации¹. Данной проблеме посвящены работы В.Г. Горохова, В.В. Казютинского, В.Е. Кемерова, В.П. Кохановского, А.А. Лазаревича, Х. Лейси, Е.А. Мамчур, Н.И. Мартишиной, В.В. Миронова, А.Л. Никифорова, В.Н. Поруса, Б.И. Пружинина, А. Радова, А.И. Ракитова, В.М. Розина, В.А. Садовниченко, Ю.В. Сачкова, В.С. Степина, М.Н. Эпштейна и др. Несмотря на то, что в трудах данных исследователей наука, как правило, не рассматривается под призмой массовых процессов, происходящих как в ней, так и в окружающем ее социокультурном контексте, осмысление их концепций и взглядов предоставляет богатый теоретический материал для анализа специфики и проблем современной науки, многие из которых, так или иначе, связаны с массовым характером постиндустриального общества и его культурной сферы.

¹ Понятие «техногенная цивилизация» получило детальное рассмотрение и обоснование в работах В.С. Степина. См.: Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. №10. С. 3-18; Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994.

Таким образом, на сегодняшний день в философии и науке поставлены и подробно изучены темы, раскрывающие специфику массового общества и массовой культуры, а также рассматривающие современное массовым социокультурным процессам научное бытие, а потому опосредовано тесно связанные и перекликающиеся с проблемой массовизации науки. При этом исследователи нередко говорят о проявлениях научной массовизации, но не связывают данные проявления с развитием массовой культуры и массового общества, либо просто оставляют моменты их воздействия на науку за пределами своего внимания, несмотря на то, что проводят мысль о важности характера социокультурного воздействия на науку.

В результате **степень разработанности** вопросов и тем, формирующих проблемное поле массовизации науки, оказывается невысокой. По большому счету данная проблема, как таковая, в современных исследованиях находится в стадии постановки.

Объектом настоящего исследования выступает социокультурная сфера современности и изменения, происходящие с ней, в ходе формирования и развития массовой культуры и массового общества. Данная сфера рассматривается как единое целое во всем многообразии составляющих ее элементов, одним из которых является наука.

Предметом исследования выступают процессы и изменения, происходящие в гранях бытия современной науки в контексте массовой культуры и массового общества.

Целью настоящего исследования является осмысление и анализ проблемы массовизации современной науки – процессов и изменений, происходящих в ее системообразующих гранях под воздействием массовой культуры и массового общества.

Задачами данной работы выступают:

1. Формирование комплексного представления о феномене массовизации, его количественном и качественном измерениях – о массовлении и массофикации.
2. Осмысление специфики и движущих сил процессов социокультурной массовизации, рассмотрение их в контексте научного бытия.
3. Определение базовых измерений, движущих сил и факторов массовизации науки.
4. Изучение воздействия процессов массовизации на личность ученого.
5. Рассмотрение влияния массовизации науки на уровень социальной ответственности института науки и мировоззренческой ответственности ученого.
6. Анализ влияния процессов массовизации на системообразующие грани бытия науки – знание, деятельность, социальный институт.
7. Изучение вопроса о воздействии массовизации науки на соотношение фундаментальной и прикладной ее составляющих.
8. Осмысление проблемы последствий и перспектив массовизации науки.

Научная новизна исследования заключается в целенаправленном комплексном изучении проблемы массовизации науки в условиях современности. В частности, в работе впервые:

1. В целостном и систематическом виде поставлена и рассмотрена проблема массовизации науки.
2. Осмыслено развитие системообразующих граней науки в контексте массовых процессов современности.
3. Проведено исследование воздействия процессов массовизации на личность ученого и этос науки, сформулирован и рассмотрен феномен экстрамассофикации и интромассофикации науки.

4. Исследована проблема социальной ответственности института науки и конкретного ученого в рамках процессов массовизации науки. Рассмотрен фактор атомизации личностного (субъектного) пласта науки в контексте массовизации.

5. Рассмотрено воздействие процессов массовизации науки на динамику соотношения фундаментальных и прикладных научных исследований.

6. Исследована сущностная взаимосвязь феномена массовизации науки и процессов современной научной коммерциализации и имитации научной деятельности.

7. Проведен анализ перспектив развития науки в условиях массовизации социокультурной сферы современности.

Иными словами, вопросы о воздействии массовой культуры современного общества на науку в различных ее измерениях, целенаправленно поставлены здесь, по сути, впервые. Кроме этого, прежде в исследованиях не находили комплексного отражения такие проблемы как: социальная ответственность института науки и конкретного ученого в условиях массовизации, динамика соотношения фундаментальных и прикладных знаний и исследований в контексте массовой науки, влияние процессов массовизации на личность ученого, массовизация социокультурной сферы и аксиологическая самобытность науки в культуре и другие, поставленные и рассмотренные в данной работе.

Методологические и теоретические основания исследования. Исследование имеет в своей методологической основе универсальные принципы комплексного подхода, где специфика поставленных задач предполагает сочетание методов диалектики, системности, историзма, что предоставляет возможность рассмотреть изучаемые процессы и явления бытия науки в их развитии и взаимодействии с другими феноменами социокультурной сферы, обеспечивая необходимое единство исторического, теоретического и логического анализа и синтеза в процессе познания.

Теоретическую основу настоящей работы составляют труды отечественных (В.Г. Горохов, А.В. Костина, Е.А. Мамчур, В.В. Миронов, В.Н. Порус, Б.И. Пружинин, А.И. Ракитов, В.А. Садовничий, В.И. Самохвалова, В.С. Степин и др.) и зарубежных (Т. Адорно, Г. Лебон, Г. Маркузе, Р. Миллс, С. Московичи, Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет, М. Хоркхаймер, З. Фрейд, К. Ясперс и др.) философов, рассматривающих феномены массовой культуры, массового общества, массового сознания, массового мировоззрения, массовизации, омассовления, массофикации, проблемы бытия современной науки в культуре, вопросы социокультурной обусловленности науки, этоса науки, личности ученого, идеалов и ценностей научного поиска и т.д.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Процесс массовизации охватывает современную науку как отдельную социокультурную сферу.
2. Процесс массовизации несет в себе два основных модуса – количественно-онтологический (омассовление) и качественно-аксиологический (массофикация).
3. Исторически омассовление любого элемента социокультурной сферы, в том числе и науки, всегда предшествует его массофикации.
4. Омассовление науки затронуло, главным образом, предметное бытие науки, массофикация проявляется в аксиологической сфере научного бытия, затрагивает личностные пласты, сферу духа, этос ученого и уже через них проецируется на остальные грани науки.
5. Массовизация научного знания привела с одной стороны к значительному росту его объема в культуре, и, в тоже время, способствовала увеличению роли прикладного знания, его ценностному доминированию над знанием фундаментальным.
6. Массовизация научных знаний и научной деятельности привела к оформлению науки в отдельный социальный институт, который одновременно с ростом своей значимости в обществе (посредством роста

значимости производимого им продукта – знания), постепенно утрачивал персональную социальную ответственность своих представителей – ученых, индивидуальный вклад которых зачастую теряется в организме «большой науки». Иными словами массовизация науки ведет к атомизации места и значимости отдельного ученого в рамках социального института науки, снижению роли, а отсюда мировоззренческой и социальной ответственности, ученого.

7. Массовизация науки способствует всесторонней коммерциализации основных граней бытия науки – знания, деятельности, социального института.

8. Массовизация размывает классические идеалы науки, формирует в научном сообществе систему консюмеристских взглядов на научное знание, как, главным образом, на средство развития предметного мира, а не на одну из целей совершенствования мира духовного.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно позволяет заполнить определенный познавательный вакуум, который образовался сегодня вокруг проблемы взаимовлияния массовых процессов техногенной цивилизации и науки. Заявленная постановка проблемы дает возможность проследить как специфику протекания процессов массовизации в разных гранях науки, так и воздействия данных процессов на социокультурную сферу. Осмысление новой проблемной области исследования позволяет расширить представления о специфике функционирования науки, источниках и возможных последствиях ее изменений в контексте современности. В работе проведен комплексный анализ проблемы взаимодействия массового социокультурного и научного бытия в современных условиях, выстроен и обоснован терминологический ряд для осмысления и изучения проблемы массовизации науки и всей социокультурной сферы, проанализированы изменения этоса и идеалов науки в условиях массовизации и т.д.

В конечном счете, постановка и рассмотрение темы массовизации науки позволяет сформировать развернутый взгляд на современную науку как изначально самобытную, духовно элитарную культурную область, оказавшуюся под воздействием массовых социокультурных процессов.

Практическая значимость работы определяется тем, что ее результаты и положения могут лечь в основу последующей разработки данной проблематики, использоваться при подготовке лекционных занятий и спецкурсов по философии культуры, социальной философии, философии науки, философской антропологии, истории и теории культуры, культурологии, психологии, учитываться при составлении учебно-методических пособий и т.д. Положения настоящей работы являются базой для проведения философских и научных семинаров и конференций по проблемам современной науки, оказавшейся в нетипичных для своего изначального этоса аксиологических и мировоззренческих условиях.

Апробация и внедрение результатов исследования: Материалы диссертации неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры философии Нижегородского государственного педагогического университета. Идеи, положения и выводы работы были представлены автором на научных конференциях и симпозиумах разного уровня: международных («Современные проблемы социально-гуманитарных наук» (Нижний Новгород, 2008), «Проблемы языковой картины мира на современном этапе» (Нижний Новгород, 2008, 2009), всероссийских («Современные проблемы науки, образования и производства» (Нижний Новгород, 2007), «Время, событие, исторический опыт в дискурсе современного историка» (Нижний Новгород, 2009) , межрегиональных («Этнокультурные основания науки», Нижний Новгород, 2010) региональных («Нижегородская сессия молодых учёных. Гуманитарные науки» (Нижний Новгород, 2006, 2007, 2008), городских («Рождественские православно-философские чтения» Нижний Новгород, 2007, 2008, 2013) .

Основные положения и результаты исследования изложены в 14 публикациях по теме исследования, в том числе 3 статьи в изданиях, входящих в список ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация объемом 171 с. состоит из Введения, 2 глав, Заключения. Библиографический список включает 217 наименований работ отечественных и зарубежных авторов.

Настоящая работа направлена на постановку и последовательное рассмотрение проблемы массовизации современной науки – противоречивого и многопланового процесса ее фактического функционирования и развития в контексте массовой культуры и массового общества. При этом наука рассматривается как имманентная часть социокультурной сферы современности, несущая на себе ее характерные исторические отпечатки.

Глава I. Массовизация науки в рамках массовой культуры современного общества

Наука выступает интеллектуальной квинтэссенцией современной культуры, неотъемлемой частью и продолжением ее духовного, ментального и аксиологического пространства. Будучи вплетенной многими объективными и субъективными нитями в социокультурный контекст техногенной цивилизации, наука живет и развивается вместе с ней, неся на себе ее неизгладимый отпечаток. Иными словами, чтобы понять современную науку и комплексно проанализировать процессы и тенденции ее развития, необходимо учитывать общие условия и основания ее бытия в культуре.

Будучи релятивной культуре, неся на себе ее отпечаток, наука не теряет свою историческую самобытность, оставаясь теоретическим базисом культуры и общества, однако разнообразит и преобразует данную самобытность в русле парадигмальных социокультурных веяний. Поэтому восприятие науки как чего-то ставшего, состоявшегося, замкнувшегося в своих неизменных принципах, целях и идеалах, представляется ошибочным, хотя и довольно распространенным в широких общественных слоях. Парадокс здесь заключается в том, что наука, являющаяся сегодня источником многочисленных импульсов культурного развития традиционно воспринимается как наиболее консервативная и статичная ее часть.

Беспрецедентный импульс научному и, шире, культурному развитию техногенной цивилизации придал процесс формирования массового индустриального, а затем постиндустриального общества, выработавшего новые экзистенциальные императивы для своих представителей, решительно порвавшего с прежним делением социума на народ и элиту, последовательно трансформировавшего его во внутренне слитое и одновременно пестрящее внешним разнообразием пространство всепроникающей массы. Имманентная слитность науки с культурой определила ее вхождение в массовую эпоху.

§1. Характеристика и доминантные модусы феномена социокультурной массовизации

Современная действительность совместила и преломила в себе мир реальный и иллюзорно-виртуальный, мир подлинных духовных и материальных ценностей и мир их всепроникающих заменителей – симулякров. Человек в очередной раз оказался на перепутье культур, на перекрестке смыслов и идеалов, с той лишь принципиальной разницей, что сегодня он, фактически, имеет меньшую возможность сознательного выбора между ними, чем когда бы то ни было. Все возрастающий поток разнообразной, зачастую бесполезной информации дезориентирует его, ошеломляет и постепенно поглощает полностью, не оставляя времени для критической фильтрации, аналитического осмысления вновь поступающих данных, даруя лишь тривиальное право на их постоянное поглощение. Современное развитие техносферы и информационной среды намного опережает эволюцию познавательного аппарата любого, даже самого гениального человека. Люди все меньше работают сами и все больше поручают компьютерам, что, как это ни парадоксально, все равно не прибавляет им времени для полноценного творчества. Дело в том, что творчество требует высокой степени внутренней сосредоточенности и даже известной доли самоотречения личности, направленности на свой предмет, погружения в него, а реалии приобретающей планетарные масштабы новой цивилизационной эпохи оставляют минимум возможностей для соблюдения данных условий. Другими словами, «нарушается синхронизация культуры, когда новообразования в ней формируются столь стремительно, что не успевают адаптироваться к традиционной системе. Людям уже некогда «впитывать» новые ценности, постоянно соотнося их с предшествующими, и они начинают их потреблять»¹. Человек, выброшенный потоком истории в глобальное коммуникационное пространство современности, не выдерживает

¹ Миронов В.В Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. №2. С. 37.

его темпов, превращаясь из активного создателя различных областей культуры в пассивного заложника культуры массовой, получившей в эпоху социокультурных метаморфоз современности небывалые возможности для своего всепроникающего развития.

Текущий вариант искусственно форсированной глобализации, незримо, но прочно опутавшей мир миллионами экономических и информационных каналов, ознаменовавший собой развитие ряда элементов социал-дарвинизма, повсеместно подхлестнул рост уровня материальных и гедонистических потребностей, удовлетворения которых все чаще стали искать на путях к идолам масскульта. В результате массовая культура становится уже не просто отдельным измерением культурной жизни общества, но его доминантным модусом, стремящимся окончательно растворить в себе все остальные культурные формы: «Совершенно очевидно, что максимально возможный охват населения региона, страны, планеты является одной из важнейших задач массовой культуры, голубой мечтой ее апологетов, лидеров и производителей»¹. Сегодня массовая культура последовательно заменяет в любой духовной деятельности (в том числе и научной) элемент творчества элементом стандартизированного, часто имеющего коммерческие основания производства², а источник и процесс ее распространения – массовизация – приобретает беспрецедентные масштабы.

В современной научной литературе под социокультурной массовизацией понимается двуединство процессов «омассовления» и «массофикации», как качественного и количественного измерений генезиса и развития массовой культуры.³ Анализ сущности и специфики данных измерений позволяет установить и осмыслить базовые черты феномена массовизации в целом.

¹ Акопян К.З. По направлению к масскульту: наука и религия в эпоху шлягера // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М., 2003. С. 217.

² См.: Радов А. Наука как формальность // Свободная мысль – XXI. 2004. №10. С. 77-81.

³ См.: Самохвалова В.И. Массовый человек – реальность современного информационного общества // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М., 2003. С. 104-107; Климова Л. Е. Массовая культура и личность. Культурфилософский аспект. Дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2005. С.95-98.

Процесс массовизации – становления и развития массовой культуры в массовом обществе – был бы невозможен без складывания и постепенного увеличения концентрации определенной социальной массы индивидов, которые находятся в состоянии постоянного взаимодействия друг с другом, а потому постепенно становятся носителями схожих культурных норм и ценностей. Тенденция подобного пространственно-временного сплочения людей в масштабах всего общества отчетливо наметилась с началом массовой индустриализации и тесно связанной с ней урбанизации, прежде всего в Европе и США сер. XIX – начала XX в.. То есть индивидов объединяла в массы необходимость, потребность найти пути выживания среди множества себе подобных субъектов, сконцентрированных в промышленных центрах: «Массы образуются под давлением экономической или духовной необходимости («омассовление» индивидов») ... Буржуазное общество уже примерно с сер. 19 в., вследствие все более быстрого роста населения, стало приходить к убеждению, что оно преобразуется в общество масс»¹.

Другими словами, именно в постепенно растущих и параллельно становящихся все более тесными городах, и могло сформироваться массовое общество, которое традиционно «связывается с индустриализацией и урбанизацией, стандартизацией производства и массовым потреблением, бюрократизацией общественной жизни, распространением средств массовой коммуникации и массовой культуры»². В данном определении, не утратившем с годами актуальности, четко прослежена взаимосвязь массового общества и массовой культуры: последняя не могла возникнуть вне массового общества, а оно, в свою очередь, в силу внутренней специфики, едва ли могло продуцировать иную культуру. Поэтому массовизация социокультурной жизни изначально невозможна вне омассовления данной

¹ Философский энциклопедический словарь. Сост. Е. Ф. Губский и др. М., 1997. С. 258.

² Философский энциклопедический словарь. Сост. Л.Ф. Ильичев и др. М., 1983. С. 349.

жизни – без онтологического становления однородной массы индивидов – будущих носителей массовой культуры. Поскольку не массовая культура изначально создала массы, а массы, порожденные реалиями истории, постепенно генерировали имманентную их духу массовую культуру. Данное принципиально важное обстоятельство приводит нас к осознанию необходимости изучения феномена омассовления – основы и количественного измерения массовизации.

Приступая к осмыслению проблемы омассовления общественной жизни нужно отметить, что, по мнению отдельных современных исследователей, «омассовлением можно назвать всякий процесс становления массы как процесс количественный, означающий увеличение числа тех, кто образует более или менее однородную социальную массу, а также процесс становления массового характера того или иного явления. Подобные процессы естественно сопровождают становление крупной промышленности, крупных производств, интенсивную урбанизацию»¹. Из данного определения видно, что омассовление лишь формирует массу как некую социальную общность, при этом, изначально не наделяя ее никакими культурными характеристиками и особенностями, оно искусственно сплачивает индивидов, создавая потенциал, общественную почву для генезиса массовой культуры, но не саму эту культуру. Омассовление – это объективно-исторический процесс становления и развития массового общества, «процесс количественно-онтологического образования массы»².

Начавшись в Европе и США примерно с сер. XIX века, а затем перекинувшись на абсолютное большинство других стран мира, включая Россию, омассовление к началу XXI столетия приняло глобальные масштабы, так или иначе охватив все социальные слои и группы населения. В дальнейшем, в связи с лавинообразным увеличением населения планеты, а,

¹ Самохвалова В.И. Массовый человек – реальность современного информационного общества // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М., 2003. С. 104.

² Климова Л. Е. Массовая культура и личность. Культурфилософский аспект. Дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2005. С. 96.

следовательно, сужением малозаселенных территорий данный процесс только усилится, как отражение естественного сокращения приватно-интимного жизненного пространства личности, погружения ее в унифицирующее измерение всепроникающей массы. Духовные теснота и узость современного культурного универсума, при всей его внешней пестроте, во многом выступают следствием и отражением тесноты социальной, когда человеку не только некогда побыть наедине с самим собой, но зачастую и негде, что на фоне пугающего сокращения живого пространства дикой природы выглядит особенно фатально. Более того, общества своего собственного Я, самопостижения, самосозерцания ищут сегодня все реже, а именно данный путь и является главным путем познания всего мироздания и отражения этого познания в творчестве – вершине самореализации личности. Масса постепенно сдавливает человека, растворяет в суете общественного муравейника, скрывая за демократическими формами охлократическую сущность – сущность толпы. Здесь уместно отметить, что, давая характеристику массового человека, его сущностных особенностей и имманентных признаков, отдельные авторы, в частности Г. Тард и С. Московичи, говорили при этом не о человеке массы, а о человеке толпы, которую они еще именовали «публикой»: «Миллионы людей, которые спокойно читают свою газету, которые непроизвольно вторят радио, составляют часть нового типа толпы – нематериальной, распыленной, домашней. Речь идет о публике или, скорее, о публиках: читатели, слушатели, телезрители. Оставаясь каждый у себя дома, они существуют все вместе. При всей непохожести они подобны»¹. Действительно, социальная масса, взятая в совокупности ее представителей, традиционно считалась неким локальным, организованным, сплоченным на базе единых, в разной степени осознаваемых, идей, задач и интересов, образованием, способным к совместным, спланированным действиям, направленным на достижение тех или иных общих целей. Индивиды в

¹ Московичи С. Век толп. М., 1998. С. 238.

подобной массе, как правило, не теряют мировоззренческой индивидуальности, хотя и руководствуются в своих коллективных действиях некими едиными смысложизненными императивами. По отмеченным показателям толпа принципиально отличается от массы, характеризуясь, даже при условии аналогичной внешней слитности, внутренней аморфностью, разобщенностью, духовной отрешенностью составляющих ее субъектов – безликих социальных атомов, бессознательно и гипнотически унифицированных действием единого информационного поля массовых коммуникаций. Поэтому те факторы, что действительно интегрируют представителей толпы в некую социальную общность, как правило, не осознаются данными представителями и не могут быть вербализованы ими. Толпой, зачастую, движет не коллективный разум, преследующий посредством совместных действий своих носителей те или иные логично обоснованные экзистенциальные цели, а стадный инстинкт, эмоциональный порыв, настроение, аффект. Консолидация субъектов в толпе не является сознательной и обусловленной их личностной инициативой и устремлениями, поскольку «то, что их объединяет, исходит не столько из их воли или даже настроения, сколько из действия на них некой внешней по отношению к ним силы, стремящейся по-своему организовать их, чтобы сделать управляемыми»¹. Именно поэтому данные «внешне социализированные, но, по сути, разобщенные человеческие атомы, внутренне клишированные до безликости, хотя внешне сколь угодно разные»² и образуют не сплоченную на основе осознаваемых ее представителями целей и задач массу, а унифицированную толпу, существующую бессознательно для ее субъектов, которую С. Московичи обозначил как «толпа на дому»: «Организация поднимает интеллектуальный уровень людей, находящихся в массе. Коммуникация (посредством СМИ. –

¹ Самохвалова В.И. Массовый человек – реальность современного информационного общества // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М., 2003. С. 110.

² Там же.

М.С.) понижает его, погружая их в толпы на дому»¹. Указанный термин был использован исследователем далеко не случайно: пребывание индивида в толпе, обусловленное воздействием на него некоего силового аксиологического поля, главным источником которого служат средства массовой информации и коммуникации, отнюдь не предполагает буквального физического его нахождения в обществе себе подобных, это нахождение, «членство» в толпе является, скорее, духовным, бессознательным, а потому может «осуществляться» не выходя из дома: «Это означает вполне ясную мысль: будем ли мы разрознены или сконцентрированы, собраны на стадионе, на площади... или же уединены в нашей квартире, слушая радио, погруженные в чтение газеты, приклеенные к экрану телевизора... наше психологическое состояние одинаково – сопротивление разуму, подчинение страсти, открытость для внушения. Будучи рассеяны, мы, однако, разделяем одну и ту же иллюзию всемогущества, склонны к тем же преувеличенным суждениям и эмоциям, подвержены одним и тем же чувствам... как если бы мы вышли на улицу для массовой манифестации. <...> Однако в одном случае мы достигнем этого состояния внушением вблизи, в другом – внушением на расстоянии, когда масс-медиа преодолевают всякие пространственные ограничения»². Т.е. толпа в современных условиях, в отличие от массы, становится, под обозначенным здесь углом зрения, феноменом не столько пространственно-материальным и локальным, сколько пространственно-духовным и глобальным. В рамках массового информационного общества социальная общность людей все более отчетливо обнаруживает внутренние признаки аксиологически и мировоззренчески искусственно унифицированной толпы, «толпы на дому», которая в ходе массовизации цивилизационного универсума постепенно обретает планетарные масштабы.

Омассовление, интегрируя людей пространственно, опосредовано во

¹ Московичи С. Век толп. М., 1998. С. 238-239.

² Московичи С. Век толп. М., 1998. С. 239.

многим способствует их духовной отрешенности от реального окружающего мира, темпы развития которого ошеломляют и угнетают, приводя к ощущению тесноты и опустошенности экзистенции, бессознательной внутренней самоизоляции, снижению творческой активности – тому, что выступает питательной средой для формирования качественного модуса массовизации – массофикации. Результатом развития последней и станет современная массовая культура, однако, это тема для дальнейшего анализа. Здесь отметим лишь то обстоятельство, что постепенно, на рубеже XIX – XX вв. количественный модус массовизации в ходе своего развития приводит к формированию качественного ее измерения.

Итак, омассовление закономерно привело к образованию массового общества, в котором преемственность и развитие традиционных культурных ценностей оказались под угрозой, поскольку кардинально изменились сами социальные условия функционирования культуры. Масса с имманентно присущими ей акцентуациями и императивами постепенно наступала на личность, приватно-интимное пространство последней все более сокращалось. Это не означало автоматического исчезновения элитарного и национального культурных пластов, однако выступило главной причиной их последующего истощения. Ритм жизни индустриального, а затем постиндустриального и информационного общества оставлял человеку все меньше реальных возможностей для сохранения преемственности в культурной сфере, ее цельности и органичной сочетаемости различных элементов: «С ускорением научно-технического и социально-экономического развития инновации стали обычной повседневностью, и нарастающий прогресс зримо переживают на себе люди одного поколения... Отрыв от прошлого, стремление к обновлению становится нормой жизни и создает иллюзию ускоряющегося прогресса»¹. Иными словами, общество менялось с такой скоростью, что старшие поколения все хуже понимали

¹ Горохов В.Г. Междисциплинарные исследования научно-технического развития и инновационная политика // Вопросы философии. 2006. №4. С. 83.

младшие, а последние все реже обращались к культурному опыту предков, который в новых условиях нередко представлялся анахронизмом. При этом формирующееся общество не отказывалось от духовных потребностей, более того, в количественном плане они постоянно и неуклонно множились – массовое общество породило и массовые потребности не знающие границ: «Для такого общества характерны массовая потребность в материальных и культурных благах и соответствующее массовое потребление»¹. Иными словами, удовлетворения духовных потребностей в рамках массового общества все чаще начинали искать посредством одномоментного потребления готового культурного продукта, а отнюдь не на путях его постепенного индивидуального созидания или постижения. Растущий динамизм жизни оставлял все меньше места благородным «мукам творчества», требующим, как правило, значительного времени в любой культурной сфере, последовательно и повсеместно заменяя их формализованной по определенным канонам производственной деятельностью и аналогичным потреблением.

В результате процесс омащовления, вылившийся в становление новой, массовой формы общественной жизни, породил новые потребности и новую культуру их удовлетворения – массовую культуру. То есть новый тип культуры принципиально отличался от предшествующих тем, что это была одномерная культура потребления, элемент творчества в которой был во многом подменен стандартизированным по определенным лекалам конвейеризированным производством. Однако она отвечала главному критерию, который предъявляло к культуре массовое общество и его атомизированные, лишенные времени и желания для освоения высокой культуры, индивиды – массовая культура была общепонятной и общедоступной, способной удовлетворить множество запросов практически каждого человека. Иными словами, массовая культура явилась, по сути,

¹ Философский энциклопедический словарь. Сост. Е. Ф. Губский и др. М., 1997. С. 258

закономерной реакцией на доминантные потребности формирующегося массового общества: «В ответ на этот “запрос” масс и возникает та “культура” при помощи которой появляется возможность и поработить, и “накормить” этих страждущих. И беда не в том, что массовая культура возникает и распространяется как средство утоления этой почти физиологической жажды масс в квазидуховном удовлетворении. Беда в том, что припадающие к этому источнику либо постепенно забывают о культуре высокой... либо просто удовлетворяются тем суррогатом, который они потребляют и который зачастую с полной искренностью склонны принимать за культуру подлинную»¹.

Омассовление общественной жизни, являясь объективно-историческим социальным процессом, формирующим определенные условия и предпосылки для последующих аксиологических метаморфоз и новообразований в сфере культурно-психологического развития индивида, является базовым модусом массовизации и главным основанием последующей за ним массофикации. Количественные изменения общественной жизни индустриального общества подготовили и обусловили качественные сдвиги в его культурной сфере.

Таким образом, завершая рассмотрение основных черт феномена «омассовления», следует подытожить, что данный количественно-онтологический модус массовизации, стимулировав характерные новообразования в духовной и мировоззренческой сфере индивида, определил зарождение элементов второго, качественно-аксиологического, ее измерения - массофикации. Другими словами: «Выделение массового человека из недр массового общества означало окончательный переход процесса массовизации из количественной фазы в качественную, ибо сформировался новый тип личности со специфическим набором определенных свойств и характеристик, с определенными жизненными

¹ Акопян К.З. По направлению к масскульту: наука и религия в эпоху шлягера // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М., 2003. С. 241-242.

ролями и социальными функциями»¹. Общественное бытие человека-массы явилось прологом бытия культурного – омассовление выступило необходимым прологом и почвой массофикации, к осмыслению феномена которой теперь целесообразно обратиться.

Вторым базовым измерением процесса социокультурной массовизации является массофикация, которая насыщает созданные в ходе омассовления общественные формы характерным масскультовским содержанием.

Массофикация, как и омассовление является сравнительно новым научным понятием, под которым сегодня понимается «процесс становления массового человека, т.е. качественная характеристика процедуры “подгонки” личности под массовый стандарт, когда мышление и сознание личности подстраиваются под образцы, не просто господствующие в массе, но требуемые обществом постиндустриального, а теперь информационного типа»². Феномен массофикации – феномен в первую очередь культурно-исторический, открывший собой новую эпоху в развитии глобального социокультурного универсума – эпоху духовной идентичности, одинаковости, трафаретности, когда внешнее карнавальное разнообразие индивидов соседствует с их внутренней аксиологической одномерностью. Если омассовление интегрировало людей пространственно-территориально, формируя новый социальный организм – массовое общество, то массофикация постепенно унифицировала их духовно, наделив массу как количество, новыми качествами – стремлением к безграничному потреблению, творческой апатией, пассивной жизненной позицией, присваивающей акцентуацией. Проявления подобных свойств имели место и ранее – в рамках традиционных типов культуры, однако они не формировали интегрального облика данных типов, являлись скорее порочным исключением, нежели нормой жизни. Реалии массового общества кардинально изменили данную ситуацию: в тесно сплоченной массе сложно

¹ Самохвалова В.И. Массовый человек – реальность современного информационного общества // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М., 2003. С. 107.

² Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М., 2003. С. 507.

быть творцом чего-то принципиально нового, особенно в духовной сфере – она либо не понимает и игнорирует новации и их создателя, либо жестоко подавляет их. Поскольку эти новшества нарушают ее душевный комфорт и одномерно-присваивающую гармонию, пытаюсь привнести в нее новые мировоззренческие измерения, новые идеалы и смыслы. Непонимание массой высокого искусства рождает его отторжение, аллергическую реакцию на все, что требует духовного сосредоточения, а тем более прозрения. Отсюда рождается экзистенциальная трагедия массового человека, чья индивидуальность оказывается нивелированной творческой пассивностью его собственной личности, не столько не способной к внутреннему обновлению, сколько не желающей его: «Человек массового общества – это, прежде, всего неполный, частичный, несостоявшийся человек. Он не знает и не выполняет самой главной своей задачи – продвигаться по пути к преобразению. Он не очеловечивает, не одухотворяет мир вокруг себя: он застрял, он неподвижен»¹.

Атомизированные в рамках современного массового общества индивиды зачастую видят друг в друге собственное отражение, которому они постоянно стремятся соответствовать, дабы не утратить своей социальной идентичности. Здесь уместно вспомнить размышления М. Хайдеггера, о том, что бытие-в-мире есть не только бытие-самого-себя, но и бытие-с-другими. Последнее обстоятельство потенциально содержит в себе определенную тенденцию к обезличиванию человека, превращению его в такого, «как все»: «присутствие как повседневное бытие с другими оказывается на посылках у других. Не оно само есть, другие отняли у него бытие. Прихоть других распоряжается повседневными бытийными возможностями присутствия... Человек сам принадлежит к другим и упрочивает их власть...»². Не вызывает особых сомнений, что данная тенденция обезличивания индивида лавинообразно возрастает в рамках массового общества. Специфика

¹ Киселев Г.С. Смыслы и ценности нового века // Вопросы философии. 2006. №4. С. 5.

² Хайдеггер М. Бытие и время М., 1997. С. 257.

массовой культуры, на наш взгляд, заключается в том, что в ее рамках бытие-с-другими трансформируется в бытие-для-других – экзистенция человека, растворяясь в бессознательной необходимости отвечать вкусам и запросам других постепенно утрачивает внутреннюю самоидентичность и самобытность. В результате человек работает, занимается спортом, проводит досуг все чаще не для себя, а для других, которые незримыми арбитрами оценивают все его действия и поступки. Отсюда и ответственность у такого человека возникает не столько перед самим собой, сколько перед другими, а если эти «другие» в масштабах вездесущей массы безответственны, то и уровень его мировоззренческой ответственности минимален.

Массофикация формирует новый культурный психо-тип, образ человека безразличного к своей собственной душе, но всецело зависящего от мнения и вкуса толпы. Именно толпа окружает и воспитывает его, поскольку даже в редкие моменты одиночества он, живя интересами и идеалами толпы, фактически находится в ней, пребывая в той самой «толпе на дому» о которой говорил С. Москвичи. Человек и прежде, живя в традиционном, а не массовом обществе, ориентировался на его обычаи, нормы, императивы, но это была именно ориентация, сколь необходимая для индивидуальной социализации, столь и не препятствовавшая самореализации культурной. Массовое общество породило посредством массофикации такой тип культуры, который буквально колонизировал духовный мир человека, погруженного в непрекращающееся шоу: «Шоу – этот современный карнавал – вошло в нашу жизнь, но в условиях совершенно иной информационной среды (нежели в традиционной культуре. – С.М.). В результате мы живем в обществе, в котором карнавал затянулся и вместо одной-двух недель или месяца длится почти постоянно»¹.

Массофикация – это процесс генерирования массовым обществом особой системы ценностей, всецело обусловленной характером его

¹ Миронов В.В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. №2. С. 38.

доминантных потребностей и запросов. Массофикация наполняет массу новыми культурными качествами, новыми смыслами и ориентирами. Массофикация – порождение массы, ее духовное измерение и состояние, этот процесс производит культуру в масштабах всего современного общества и для данного общества. Другими словами, массовая культура – это культура, в первую очередь, не для отдельного человека, а для целого общества, ее подлинного носителя и вдохновителя. Прежде общество никогда не было всецело элитарным, или народным, оно совмещало в себе эти и другие социокультурные измерения, являясь калейдоскопом традиций и ценностей. С наступлением индустриальной эпохи и до сегодняшнего дня общество все более омащовлялось, унифицировалось – становилось доминантно массовым.

Генерируя в ответ на потребности массового общества новые ценности, массофикация по существу не предлагала, а навязывала их всем атомизированным членам данного общества: «если омащовление происходит естественно и закономерно, стимулированное внешними причинами, объективными социально-массовыми процессами, происходящими в обществе при изменении его структуры... то массофикация может осуществляться вполне направленно – с помощью моды, рекламы, организации информационных воздействий»¹.

Одним из главных современных результатов действия процесса массофикации, как качественно-аксиологического измерения массовизации, стало постепенное формирование у представителей самых разных социальных и национальных групп, профессиональных и конфессиональных субкультур унифицированной системы базовых смысложизненных ценностей и приоритетов, одинаковых материальных и духовных потребностей. Отличия сохранились, главным образом, в плане по-прежнему неодинаковых возможностей для удовлетворения данных потребностей.

¹ Климова Л. Е. Массовая культура и личность. Культурфилософский аспект. Дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2005. С. 97.

Если омассовление интегрирует социальный мир, выступая отражением объективных исторических изменений, то массовизация интегрирует, а в условиях информационного общества уже колонизирует мир духовный, поскольку не только синтезирует новые ценности, но и создает на их основе глобальный продукт – массовую культуру, спрос на которую никогда не превысит предложение. Поскольку в масштабах массовой культуры предложение легко предвосхитит ожидаемый и ей же постоянно стимулируемый спрос на одномерное потребление и развлечение. В результате то, что предлагает масскульт сегодня, станет модным, а, следовательно, вождленным для массы завтра. Поскольку «сегодня» родится новая потребность, которая настоятельно попросит своего удовлетворения «завтра», оставив определенный след на ценностной шкале индивида. Данное обстоятельство четко отразил Московичи: «Гигантский штамповочный станок уже выполняет свою роль фабрики коммуникаций: он отлиывает умы в единообразные, стандартные формы и обеспечивает каждой человеческой единице соответствие заданной модели»¹. Другими словами: «если омассовление указывает на процесс количественно-онтологического образования массы, то массофикация есть определение процесса перестройки сознания, типа мышления, стереотипов поведения человека, его как бы духовно-ценностной “мимикрии” в толпе и означает процесс качественной трансформации всех основных параметров, определяющих личность, когда приобретаются характеристики и качества, делающие из человека – человека массового... Пребывая в массе сегодня, человек вводит детерминанты в свое сознание на завтра»².

Индустриальное общество, став массовым по социальным формам, вскоре превратилось в массовое по культурному содержанию. Массофикация как процесс производства и потребления новых ценностей преобразовала

¹ Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998, С. 46.

² Самохвалова В.И. Массовый человек – реальность современного информационного общества // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М., 2003. С. 104-105.

культуру в обыкновенный товарный ресурс, способный удовлетворить главные запросы массового общества. Если прежде культура постигалась и проживалась внутренне, то теперь она, подобно любому другому массовому товару, стала просто потребляться: «в 20 в. культура стала представляться совокупностью знаний, приемов и методов, техник и технологий действия, т.е. чем-то внешним по отношению к человеку, тем, чем можно овладеть, выучив, затвердив, приняв к сведению, и что можно легко отбросить, когда отпала необходимость»¹. Массовая культура – культура поверхности и серых карнавальных будней, в ней нет, как правило, ни подлинной творческой глубины, ни высоты, есть лишь взаимно детерминирующие и стимулирующие друг-друга массовый спрос и массовое предложение. В ее рамках экономическая и культурная сфера общественной жизни во многом слились воедино, образовав прочный присваивающий и потребляющий симбиоз.

Таким образом, массофикация выступила сколь необходимым, столь и закономерным модусом массовизации: сформированное в процессе омассовления массовое общество и его атомизированный индивид объективно нуждались в качественно иной культурной продукции, поскольку для постижения традиционных областей культуры оставалось все меньше времени, возможностей и желаний. Этой продукцией, товаром и стала культура в ходе массофикации, перекроившей саму систему ценностей, акцентуаций и императивов человека, постепенно переродившегося из члена массового общества в человека-массы – носителя ее (массы) норм и идеалов, который «формируется как существо односторонне миметическое, ориентированное не на индивидуализацию, экзистенцию и творчество, а на соответствие ценностно-телеологической модели «большинства»².

¹ Философский энциклопедический словарь. Сост. Е. Ф. Губский и др. М., 1997. С. 482.

² Чернов Г.Ю. Понятие массовизации: антропосоциокультурный подход // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2012. №4 (258). Вып. 23. С. 87

Резюмируя, подчеркнем, что массофикация – это объективный процесс формирования специфических ценностей, норм, потребностей, идеалов и императивов массового общества и массового человека – качественно-аксиологическое измерение социокультурной массовизации.

Современная массовая культура – закономерный результат и продукт данного процесса, неизбежное последствие тех изменений в жизни индивида и социума, которые он обусловил и стимулировал. Выступив производным омассовления, разившись на сформированной им социальной почве, массофикация вскоре перевела его на новый территориально-пространственный уровень, насаждая внутреннюю специфику массового общества в глобальных масштабах. Генерированные в рамках массовой культуры ценности погружали человека – их носителя - в толпу на дому независимо от его реального физического местонахождения и частоты непосредственных контактов с себе подобными. В результате, где бы он не находился - в мегаполисе или деревне – данный индивид фактически пребывал в вездесущей массе, жил и развивался по ее нормам и установкам, внутренне являясь тем самым представителем массового общества.

Иными словами, на современном этапе цивилизационного развития массовость общества определяется и стимулируется не только и не столько ростом массовости его производства или увеличением пространственной концентрации растущего населения, сколько доминантной массовостью его духовной культуры, постепенной унификацией ее аксиологического поля. То есть сегодня общество становится массовым в первую очередь не по внешним критериям его развития, а по внутренним признакам его представителей, и главной почвой этой массовости выступает не экономика и не демография, а устало-огрубевшая и одновременно изнеженная бесконечным потреблением душа одномерного человека, легко воспринимающая ценности массовой культуры и бессознательно делающая их абсолютом и идеалом.

Таким образом, проблема взаимообусловленности и взаимовлияния измерений омассовления и массофикации в рамках массовизации не представляется однозначной, а потому требует отдельного рассмотрения.

Из всех предыдущих рассуждений вытекает наличие прямой связи между социальным омассовлением и процессами культурной массофикации. Действительно, сформировавшееся в ходе омассовления массовое общество нуждалось в культуре, которая отвечала его насущным потребностям и соответствовала постоянно ускорявшемуся ритму жизни. Масса индивидов, сконцентрированная в индустриальных центрах и занятая однотипной производственной деятельностью, постепенно обезличивалась, духовно унифицировалась, утрачивая внутренние связи даже со своей национальной культурой, не говоря уже о культуре высокой. Не вызывает особых сомнений, что проявившееся в период индустриализации в небывалых прежде масштабах сужение производственных функций работников, утрата ими знания конечной цели производства и потеря в их деятельности значительной части содержательных моментов их труда приводит к обеднению ума и чувств, не позволяя развиваться задаткам способностей, лишают инициативы, деформируют характер. В итоге массовый работник постепенно превращался в заменяемый придаток машины, что способствовало утрате ценности и самоценности конкретной личности, деградации чувства собственного достоинства индивида, обеднению его духовных потребностей и, как следствие, наметившемуся забвению прежних культурных форм. В массовом обществе человек все чаще терял подлинную индивидуальную самобытность, постепенно превращаясь в типовой общественный атом: «Важнейшей характеристикой массового общества является атомизация индивидов. Это означает, что общество состоит из людей, связанных подобно атомам... В результате в массовом обществе люди атомизированы социально и морально»¹.

¹ Шапинская Е.Н. Массовая культура в теоретических исследованиях // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М., 2003. С. 63.

Общественный организм современности, включая в себя миллиарды человеческих индивидов, постоянно усложняется и видоизменяется внешне, сохраняя при этом свою массофицированную сущность инвариантной: в его рамках практически любое новшество неизбежно пропускается через фильтр вездесущей массы, толпы на дому, которой оно либо отвергается, будучи непонятым, либо поверхностно ассимилируется. Массовое общество и его рядовые представители, живя в ускоряющемся ритме постоянного обновления, постепенно утрачивают понятие и представление вечного, неизменного, константного – морально-нравственные максимы уходят в прошлое, искреннее внутреннее переживание и сопереживание чего бы то ни было заменяется рефлекторной внешней реактивностью и условной манерностью. В итоге жизнь современным человеком не проживается, в полном смысле этого слова, а, скорее, просматривается подобно кинофильму.

Омассовление, погружая человека в безликую, однородную массу себе подобных, искажало в нем творческое начало, низводя его статус творца культуры до статуса пассивного наблюдателя и потребителя: «Массовый человек не меряет себя никакой особой мерой, ощущает себя таким, как все, и ничуть этим не удручен, наоборот, гордится своей одинаковостью с другими. Если неординарный человек старается открыть в себе талант, особое дарование, и, не открыв, чувствует себя бездарностью, серостью, то массовому человеку такие переживания не даны»¹. В данных условиях формирование базовых признаков и качеств массовой культуры в духовной сфере общества явилось закономерностью, а процесс этого формирования – массофикация – неизбежностью. Уставшая и огрубевшая в монотонных производственных буднях душа массового человека жаждала отдохновения и праздника, который зачастую не могли дать ни непонятная и бесконечно далекая элитарная, ни, забытая где-то в сельской глуши, народная культуры. Именно поэтому столь востребованными оказались демократические огни масскульта и его бесконечных шоу, которые позволяли уйти от тягот жизни и

¹ Философия: энциклопедический словарь. Под ред. А.А. Ивина. М., 2006. С. 482.

хоть на время растворить свои трудности в пестром вихре бесконечного карнавала. Иными словами, массовая культура позволяла и была призвана «веселить и развлекать уставшего от монотонности повседневной жизни «человека-массы», не способного развлечься и отвлечься, используя для этого только свои собственные силы и возможности»¹.

Набиравшая обороты индустриализация рекрутировала в ряды массового общества все новых членов, пространственная и духовная теснота мегаполисов толкали их идти по становящимся проторенными тропам легких культурных развлечений и увеселений – тропам формирующейся массовой культуры, расширившимся сегодня до интерконтинентальных магистралей. В результате массофикация, как процесс качественного преобразования культурной сферы, наполнения ее новым аксиологическим содержанием был подготовлен и обусловлен самими реалиями жизни социума: массовое общество породило массовую культуру, поскольку иной культуры породить просто не могло.

Таким образом, наличие прямой связи между процессами омассовления и массофикации (второй как производное и результат первого) представляется очевидным: «Омассовление как основа массофикации – это как бы объективный социальный процесс, составляющий условие для возможных изменений в сфере культурно-психологического становления личности»².

Итак, омассовление общества изначально стимулирует массофикацию культуры, в рамках двуединства процесса социокультурной массовизации. Но возможна ли обратная связь, обоюдное взаимовлияние между феноменами омассовления и массофикации? И если возможна, то каковы механизмы и направления ее действия?

¹ Акопян К.З. По направлению к масскульту: наука и религия в эпоху шлягера // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М., 2003. С. 221.

² Климова Л. Е. Массовая культура и личность. Культурфилософский аспект. Дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2005. С. 96.

Пытаясь ответить на поставленные вопросы, нельзя не принять во внимание точку зрения, согласно которой в информационном обществе процессы омассовления становятся частью неизбежной социальной стратегии, подчиненной целям управления обществом. Здесь речь идет уже не о омассовлении как объективно-историческом процессе становления массового общества, имевшем место в индустриальную и постиндустриальную эпоху, а как процессе искусственно форсируемом и манипулятивно стимулируемом в информационную эпоху XXI века. Не нужно в очередной раз пространно рассуждать о разнице между этими этапами цивилизационного развития – она четко прослеживается уже в их названиях: если в индустриальную и постиндустриальную эпоху ведущей основой общественного развития была промышленная индустрия, то в информационную эпоху ей стала информация. Социокультурная ситуация в информационную эру принципиально изменилась: не столько общество стало требовать, производить и накапливать необходимую для обеспечения его развития (в т.ч. и культурного) информацию, сколько информация, точнее те, кто ею владеет, стали конструировать общественную жизнь по своему усмотрению и в собственных интересах. При этом представляется очевидным тот факт, что социальный контроль и управление легче и эффективнее всего осуществлять над внешне интегрированной и однородной, а внутренне максимально взаимоизолированной и разобщенной массой индивидов. Такие индивиды образовали на заре XX века массовое общество в рамках крупнейших промышленных центров, однако это массовое общество было еще далеко не доминирующим даже в масштабах какой-то отдельно взятой страны. То есть управлять им на государственном, а тем более планетарном уровне в чьих-то интересах было весьма сложно – потенциал естественного омассовления, вызванного индустриализацией, урбанизацией и демократизацией оказался исчерпаемым, недостаточным, для того чтобы все общество стало массовым. Тогда, по-видимому, и настала пора искусственной массофикации, теснейшим образом связанной со

средствами массовой информации. Бурный всплеск СМИ середины XIX столетия стал началом настоящей информационной волны, накрывшей традиционное общество и принципиально изменившей всю его культуру – целенаправленного культивирования и насаждения ценностей и идеалов массовой культуры – распространившейся по опутавшим весь мир информационным каналам, закономерно получившим название «массовые»: «Пресса быстро научилась, как массивифицировать человека. Она сумела найти его, когда он один, дома, на работе, на улице. С тех пор радио и телевидение пошли дальше. Они приносят ему домой, воссоздают специально для него в четырех стенах то, зачем ему раньше нужно было идти в кафе, на площадь, в клуб. Таким образом, они используют гипноз в огромном масштабе. Вследствие этого каждый из нас входит в состав более или менее видимой, но вездесущей массы»¹. Другими словами, в условиях информационного общества сложилась беспрецедентная социокультурная ситуация, когда «средства коммуникации... не только влияют на массы, но и производят их – при современном уровне распространения информационных сетей и развития информационных технологий. И если в “доинформационный” период человек массы был скорее понятием, тенденцией, то информационные технологии, способные массово производить подобного человека по общим “лекалам”, делают его массовость неизбежной и естественной»².

Таким образом, если первоначально омассовление стимулировало массофикацию и, как ее результат – массовую культуру, то в современных условиях данная ситуация принципиально изменилась: сегодня массофикация, интегрируя общество на базе единых ценностей и императивов массовой культуры, последовательно омассовляет его, причем в глобальных масштабах. Иными словами, процесс перехода количественных социокультурных изменений в качественные особым образом трансформировался в прямопротивоположный. В результате двуединый

¹ Московичи С. Век толп. М., 1998. С. 246.

² Самохвалова В.И. Массовый человек – реальность современного информационного общества // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М., 2003. С. 109.

процесс массовизации жизни социума пошел вперед очень быстрыми темпами, но обусловлено это было уже активным, управляемым развитием ее качественно-аксиологического, а не количественно-онтологического измерения. Все это позволяет прийти к выводу о том, что если первоначально феномены омассовления и массовизации имели, преимущественно естественную природу, были обусловлены действием объективных исторических процессов, то в рамках растущего информационного общества источник, стимулирующий их развитие, стал искусственным.

Вопрос о природе данного источника является спорным, однако логично предположить, что за искусственно форсированными процессами социокультурного развития информационного общества стоят те силы, которые владеют его главным капиталом – информацией: «От коллективного влияния, производимого вождями, поскольку это всегда нужно там, где они находятся, совершается переход к влиянию вождей, которые действуют, как гравитация, там, где их нет»¹.

Действительно, современному человеку сложно сориентироваться и критично разобраться в постоянно растущем и становящемся все более навязчивым потоке разнообразной информации, в рамках которой жизненно важные и значимые сведения зачастую тонут среди бесполезных данных. В результате ему становится как никогда прежде «трудно ответить на новые вызовы социальности. А таких вызовов множество, и едва ли не самый опасный из них именно для человеческого в человеке – манипулирование сознанием»².

Итак, взаимодействие процессов омассовления и массофикации в рамках единого феномена социокультурной массовизации было неоднозначным: если первоначально, в масштабах индустриальной и постиндустриальной эпохи, естественное омассовление общественной жизни стимулировало массофикацию культурной сферы и развитие массовой культуры, как ее

¹ Московичи С. Век толп. М., 1998. С. 239.

² Киселев Г.С. Смыслы и ценности нового века // Вопросы философии. 2006. №4. С. 5.

производное, то в рамках информационной эры уже искусственно форсированная массофикация детерминировала внутреннее омассовление социума, придавая «толпе на дому» глобальные масштабы. Иными словами, первоначально во многом естественный феномен массовизации со временем приобрел четко выраженные искусственно форсированные черты.

Наука, являющаяся неотъемлемым элементом социокультурной сферы не могла остаться в стороне от данных, обозначенных в базовых теоретических чертах, процессов. При этом самобытность бытия науки в рамках универсума культуры определила определенную специфику развития феномена массовизации в масштабах данного бытия.

§ 2. Динамика массовизации науки

Процесс массовизации социокультурного универсума современности, доминантные измерения которого – омассовление и массофикация – были рассмотрены нами в предыдущей главе, затронул и сферу бытия науки, которая, выступая имманентной частью культуры и общества, не могла не воспринять, определенным образом аккумулировать и трансформировать в себе происходящие в них изменения.

Развитие науки в XX столетии было столь стремительным, столь и противоречивым, отмеченным рядом парадигмальных кризисов и мировоззренческих революций. На их волне, а также под влиянием тенденций развивающегося массового общества, аксиологические импульсы которого неизбежно проникали в науку, прежде всего как социальный институт, научная жизнь и деятельность постепенно теряли исторически присущий им оттенок элитарности, исключительности, эзотеричности, становясь все более массовыми, открытыми, общедоступными: «Стандартизованная во всех своих основных звеньях, характеризующаяся выраженной обезличенностью результатов, эта деятельность крайне далека от былых представлений о науке как об индивидуальном, «кабинетном» творчестве. Это подлинно массовое производство информации (знаний),

осуществляющееся в типично «фабричных», индустриальных формах»¹. Иными словами: «Став массовой профессией, наука тоже оказалась подверженной массовизации»².

Процесс массовизации науки включает в себя аналогичное двуединство базовых измерений, что и массовизация всей социокультурной сферы, и исторически пошел тем же самым путем: от омассовления к массофикации. Т.е. первоначально росли количество и пространственная концентрация ученых в индустриальных центрах – исходных очагах социального омассовления. Постепенно все большее число из них, вырастая и живя в условиях массового общества и продуцируемой им массовой культуры, подвергали свою экзистенцию испытанию «ферментом массофикации», перед гипнотическим действием которого стало особенно трудно устоять в складывающихся информационных условиях начала XXI века, где, как правило, «получает легитимность лишь то, что адаптировано под режим массмедиа и может быть представлено только при трансляции»³.

Как и применительно ко всему социуму, омассовление науки, активно начавшееся на рубеже XX столетия было закономерным процессом, обусловленным объективной необходимостью удовлетворения постоянно растущих потребностей развивающихся индустриальных государств в новых научно-технических знаниях, технологиях и разработках. К этому времени наука уже перестала быть малочисленной группой вольных энтузиастов, эволюционировав в постоянно растущее, заботящееся о собственной преэминентности и самовоспроизводстве сообщество квалифицированных профессионалов: «В конце XIX – начале XX столетия происходит качественное изменение в развитии науки, которая начинает осознаваться как производительная сила общества, оказывающая огромное влияние на

¹ Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М., 1987. С. 177.

² Мартишина Н.И. Наука и паранаука в духовной жизни современного человечества. Омск, 1997. С. 148.

³ Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2006. С. 191.

практически все стороны его жизни. Формируется так называемая «большая наука», которая характеризуется увеличением финансовых затрат на науку, количества научных работников, доли прикладных исследований, необходимостью управления, планирования, организации и прогнозирования развития»¹.

Итак, омассовление науки – количественно-онтологическое увеличение численности и концентрации ученых в социуме изначально явилось закономерным историческим процессом, столь же естественным, как и постепенное омассовление всего индустриального общества. Ценность развития различных областей науки и тесно связанного с ней образования в жизни и цивилизационном противостоянии государств становилась со временем все более очевидной для их властей и активных общественных сил. Как результат, развитостью науки «определяется сегодня в значительной степени место той или иной страны в мировой цивилизации. Количество научных организаций и работающих в них ученых, объемы финансирования являются сегодня не только общегосударственным делом тех или иных стран, но и заботой всего мирового сообщества»².

Научные открытия и изобретения, совершавшиеся в самых разных сферах, очерчивали все новые горизонты производственно-преобразующей мощи человечества, рождая у многих людей рубежа XIX-XX веков представление о всесии и бесспорно-безграничной пользе научного познания, получившие название сайентизм. И, несмотря на то, что последующий ход цивилизационного развития во многом опровергнул подобное одномерно-иллюзорное видение научного прогресса и его результатов, все же ценность науки в жизни современного человечества трудно переоценить. Исходя из этого, постоянно продолжающийся и сегодня рост численности и профессионализма мирового научного сообщества, получившие небывалый прежде импульс именно в индустриальный период,

¹ Горохов В.Г. Научно-техническая политика в обществе не-знания // Вопросы философии. 2007. №11. С. 68.

² Там же.

являются закономерным ответом на растущие количественно и качественно вызовы и угрозы, возникающие в ходе развития человечества.

Говоря об омассовлении научного сообщества, взятого в рамках вбирающего его социокультурного универсума, нельзя не отметить того принципиально важного обстоятельства, что ускоренная массовизация последнего, взятая в двуединстве своих базовых измерений, была бы просто невозможна без соответствующего научно-технического обеспечения процессов индустриализации, урбанизации и организации информационно-управляющего воздействия на массы. Т.е. в процессе омассовления – количественно-онтологического роста – научного сообщества, динамично росла созидательно-преобразующая мощь науки, ее открытий и достижений, в том числе и применительно к социальной сфере, которая последовательно трансформировалась в массовое общество потребления во многом благодаря всесторонней научно-технической оснащенности данной трансформации: «Аппарат производства и производимые им товары и услуги «продают» или навязывают социальную систему как целое. Транспортные средства и средства массовой коммуникации, предметы домашнего обихода, пища и одежда, неисчерпаемый выбор развлечений и информационная индустрия несут с собой предписываемые отношения и привычки, устойчивые интеллектуальные и эмоциональные реакции, которые привязывают потребителей, доставляя им тем самым большее или меньшее удовольствие, к производителям и через этих последних – к целому»¹. В результате, не вызывает особых сомнений тот факт, что на современном этапе развития «наука как социокультурный феномен вплетена во все сферы человеческих отношений, все формы деятельности, связанные с производством, обменом, распределением и потреблением вещей, она внедряется и в базисные основания отношений самих людей»².

¹ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 16.

² Основы философии науки. Под. ред. В.П. Кохановского. Ростов н/Д, 2007. С. 541-542.

Итак, превращаясь в массовую профессию, наука не только постепенно попадала во все большую зависимость от общества, но и последовательно наращивала воздействие на его развитие, в первую очередь, посредством своего предметного бытия, которое, несомненно, «оказывает (чем дальше, тем больше) влияние на мир человека»¹. Беспрецедентное расширение данного измерения бытия науки в начале XX века и последующие десятилетия, во многом определило собой расцвет эпохи потребления, способствуя тем самым всестороннему ускорению процесса социокультурной массовизации.

Рост потребностей (в первую очередь материальных) и возможностей для их удовлетворения в индустриальном обществе, стимулируемый, в частности, успехами развивающейся науки и тесно связанной с ней техники, породил все большую зависимость общества и составлявших его индивидов от направлений и специфики научно-технического развития. Последним обстоятельством, естественно, не могли не воспользоваться представители государственной власти, постоянно и многопланово применяя, координируя и направляя научные изыскания в целях управления развивающимся социумом, достижения все большей полноты контроля над ним. Иными словами: «Наука в функции фактора социальной регуляции воздействует на потребности общества, становится необходимым условием рационального управления»².

Таким образом, последовательное омасовление науки, активно начавшееся на рубеже XIX-XX вв., будучи стимулируемо омасовлением индустриального общества и ростом его потребностей, в конечном итоге, значительно подхлестнуло комплексную массовизацию всей социокультурной сферы цивилизации, наполнив данную сферу, через расширившееся предметное бытие науки, новыми мировоззренческими ценностями, смыслами и императивами – производным динамичного научно-

¹ Касьян А.А. Контекст образования: наука и мировоззрение. Н.Новгород, 1996. С. 28.

² Основы философии науки. Под. ред. В.П. Кохановского. Ростов н/Д, 2007. С. 67.

технического развития, координируемого властью. В обозначенном здесь контексте и под рассматриваемым нами углом зрения справедливо и корректно звучат слова Х. Ортеги-и-Гассета: «В итоге «человек науки» оказывается прототипом массового человека. И не эпизодически, не в силу какой-то сугубой личной ущербности, но потому, что сама наука – родник цивилизации – закономерно превращает его в массового человека»¹. Действительно, именно наука, оформившись на рубеже XIX-XX столетий в самобытный социальный институт и став мощнейшей производительной силой, во многом оказалась «родником цивилизации» напитавшим и всесторонне детерминировавшим динамичное развитие ее индустриальной, а затем постиндустриальной и информационной эпохи. Говоря о цивилизации, мы в первую очередь говорим именно о предметном бытии артефактов – рукотворных вещей и предметов материальной культуры, историческая совокупность которых и рождает определенную человеческую цивилизацию как таковую. В рамках индустриальной цивилизации интеллектуально-продуцирующим источником бытия большинства вещей, производимых в промышленных масштабах, становятся наука и техника – подлинные мыслительные локомотивы потребительского общества, вольнонаемные теоретические стимуляторы бесконечных нужд и запросов данного, опредмеченных в конкретных товарах и услугах, а, следовательно, опосредованные творцы его этики, морали и системы экзистенциальных императивов. Разумеется, при этом не следует забывать, что своими действиями «большая» наука современности, зачастую, выполняет определенный социальный заказ, однако это не меняет сути рассматриваемого здесь вопроса и не отменяет того факта, что растущее предметное бытие науки становится одним из главных источников роста потребительских настроений в массовом обществе, проявляемых во всех областях жизни, в том числе и в культурной.

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2003. С. 103.

В контексте наших размышлений уместно привести следующее определение общества потребления: «Общество потребления – это совокупность общественных отношений, в которых ключевое место занимает индивидуальное потребление, опосредованное рынком. Цементирующей основой этого общества являются социальные институты, которые все более явно поворачиваются в сторону организации потребления»¹. Подобным социальным институтом, во многом вынужденно, но неуклонно «поворачивающимся в сторону организации потребления», становится, начиная со времен индустриализации общества, наука, в первую очередь прикладная, теоретически продуцирующая все новые и новые объекты данного потребления.

Таким образом, в ходе омассовления науки, росли не только количество и пространственная концентрация ее представителей, объем производимой информации, но и ее предметное бытие, посредством которого массовизация всей социокультурной сферы получала новые аксиологические импульсы, со временем в значительной степени проявившиеся в рамках интегрированной этики общества потребления. При этом сама наука, в лице ученых, выступая имманентной частью массового общества, просто не могла постепенно не воспринять отдельные элементы данной этики, что явилось немаловажной предпосылкой включения ценностей массовой культуры, потребленческой по своей сути², в личностную сферу многих исследователей.

В целом, в свете всего вышеизложенного, омассовление науки, в контексте естественного омассовления общества рубежа XIX-XX веков, как отражения ускоряющихся в нем процессов индустриализации и урбанизации, представляется сколь закономерным, столь и преимущественно позитивным для человечества. Рост научного сообщества, окончательное оформление науки в самобытный социальный институт, повышение профессионализма и

¹ Ильин В.И. Россия: общество политического потребления // Философские науки. 2007. №7. С.49.

² См.: Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М., 2003. С. 506-507; Савенко С. Постмодернизм: между элитой и массами // Искусство XX века: Элита и массы (Сб. Статей). Н.Новгород, 2004. С. 44-45.

усиление специализации его представителей, объективно, во многом определили относительно устойчивое существование и дальнейшее развитие планетарной цивилизации до сегодняшнего дня, хотя опосредовано и обусловили преимущественно потребленческую экзистенциальную акцентуацию большинства ее представителей. При этом свою несомненную позитивную лепту в судьбу человечества внесли не только научные дисциплины естественно-математической направленности, но и многочисленные гуманитарные науки, обеспечившие комплексную преемственность исторической и культурной памяти, а также поливекторное совершенствование и развитие рациональных мировоззренческих представлений о сфере социального и духовного.

В последующие – постиндустриальную и информационную – эпохи цивилизационного развития, динамика процесса омассовления науки постоянно возрастала, результатом чего стал тот факт, что «около 90% всех ученых, когда-либо живших на Земле, являются нашими современниками»¹. Обозначенные количественные трансформации базовых элементов научной сферы непосредственным образом сказались на качественных аспектах функционирования науки: «В XX столетии мировая научная информация удваивалась за 10-15 лет. <...> Свыше 90% всех важнейших научно-технических достижений приходится на XX век»². Иными словами, в омассовлении науки, подготовленном и обусловленном действием объективных исторических причин, содержался значительный потенциал для ее последующего всестороннего развития и постепенного превращения в один из ведущих факторов модернизации жизни социума.

Став непосредственной производительной силой, наука во многом определила и направила дальнейший ход цивилизационного развития, сообщив ему мощнейший преобразовательный импульс. Однако, параллельно с ростом количества представителей научного сообщества,

¹ Философия и методология науки. Под ред. В.И. Купцова. М., 1996. С. 52.

² Там же.

автоматически росла и его всесторонняя, комплексная включенность, институциональная встроенность в массовое общество современности. Как мы уже отмечали, научная деятельность, обретая статус массовой профессии, постепенно утрачивала исторически присущий ей ореол исключительности, эзотеричности, перестав быть творческим уделом избранных, став каждодневным занятием многих. Обозначенная ситуация содержит потенциальную предпосылку того, что «в такой деятельности происходит становление соответствующей психологической ситуации «рядового научного работника», индивидуальный вклад которого теряется в массе рутинных исследований и выглядит не соответствующим затраченным усилиям»¹. Все эти закономерные последствия научного омассовления незримо, но непреодолимо размывали элитарную первооснову науки, нивелировали былой возвышенно-подвижнический этос ее представителей, этос единичных благородно-бескорыстных искателей истины. Постоянно растущий комплекс «большой науки», многопланово довлея над составляющими его индивидами-учеными, возраставшая численность которых последовательно развенчивала их представление о собственной субкультурной исключительности, оставлял последним все меньше свободного профессионального пространства для подлинного творчества, неограниченного ни парадигмальными рамками, ни корпоративно-директивными познавательными установками, приоритетами и акцентами. В результате, наука, всесторонне отвечая потребностям ускоряющегося общественного развития, стала подлинно массовым занятием, в контролируемых и координируемых институциональных масштабах которого ученый закономерно превращался, в первую очередь, в рядового наемного работника, предлагающего свой труд и профессиональные способности на растущем и конкурентном рынке интеллектуального производства.

¹Мартишина Н.И. Наука и паранаука в духовной жизни современного человечества. Омск, 1997. С. 148.

Трансформировавшись в массовую профессиональную общественно-полезную деятельность, наука в лице конкретного ученого, утратившего свой уникальный социокультурный статус, параллельно становилась все более открытой для доминантных экзистенциальных импульсов современности, средоточием которых выступила массовая культура – универсальная форма духовного самовыражения нашего времени, постепенно наполнившаяся одномерно-потребленческим содержанием. Иными словами, омассовление науки потенциально содержало в себе фермент ее последующей массофикации, процесс которой, однако, отличался рядом принципиальных особенностей и, будучи обусловлен и детерминирован комплексом специфических факторов, исторически протекал неравномерно.

Научная массофикация – процесс проникновения ценностей, императивов и акцентуаций массовой культуры в бытие науки, - выступая качественно-аксиологическим модусом массовизации, проходила на начальных этапах становления массового общества гораздо менее динамично, нежели омассовление науки. Дело в том, что, несмотря на свой быстрый, по сравнению с предыдущими эпохами, количественный рост, научное сообщество индустриального периода по-прежнему составляло незначительную в процентном отношении прослойку общества и преимущественно оставалось во многом закрытым для новых массофицированных культурных веяний.

В связи с этим утверждение Х. Ортеги-и-Гассета о том, что человек науки является типичным примером массового человека¹ представляется во многом излишне категоричным и пессимистичным. Как нами уже отмечалось, выступив в индустриальную эпоху доминантным «родником цивилизации» (Х. Ортега-и-Гассет), наука, через активное развитие своего предметного бытия, в том числе средств информационного воздействия на общество, опосредованно способствовала формированию массового человека с имманентно присущей ему этикой потребления. Естественно, что

¹Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2003. С. 102-103.

потенциальная возможность превращения в данного человека-массы существовала и для каждого ученого, всесторонне включенного в социокультурный контекст своего времени, однако это не дает реальных оснований называть его «типичным примером» подобного человека. В силу указанных обстоятельств, применительно к индустриальному периоду, корректнее говорить, скорее, о формирующейся в это время потенциальной опасности проникновения модуса массофикации в экзистенцию человека науки - члена массового общества, но отнюдь не ставшем действительностью активном протекании процесса массофикации в личностной сфере каждого исследователя, как, фактически, констатирует Х. Ортега-и-Гассет.

Иными словами, формирующееся научное сообщество, в отличие от широких промышленных слоев населения растущих мегаполисов, далеко не сразу подверглось массофикации: классические познавательные научные традиции и идеалы, выступая несомненным элементом высокой, элитарной культуры, оставались одними из самых стойких еще довольно долгое время. Ученые, все чаще ориентируясь в своей профессиональной деятельности на нужды и потребности массового общества и его представителей, что являлось в складывающихся исторических условиях объективной необходимостью, как правило, первоначально не растворялись в нем, сохраняя в большинстве своем адекватную субкультурную идентичность. В их среде формирующаяся массовая культура жестко и непримиримо критиковалась (гораздо более жестко, нежели в последующие – постиндустриальную и информационную – эпохи) и бойкотировалась¹ вплоть до середины XX столетия: «В работах европейских философов и социологов 50-х гг. XX в. утверждается негативная и разрушительная роль масс в истории и содержится глубокая и разносторонняя критика массовой культуры, формирующей «человека-локатора» (Д. Рисмен) или

¹См.: Шапинская Е.Н. Массовая культура в теоретических исследованиях // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М., 2003. С. 61-76.

«одномерного человека» (Г. Маркузе)»¹. Иными словами, естественная массофикация первой половины XX века, связанная с внутренней спецификой социокультурной жизни массового индустриального общества, существенно не затронула динамично растущее научное сообщество, несмотря на то, что деятельность ученого перестала быть исключительным социальным феноменом, постепенно трансформировавшись в распространенную профессию.

Все изменилось с развитием постиндустриального общества в его глобальном информационном аспекте, в рамках которого «для соискателей бесконтрольной экономической власти требовались изнеженные люди, предпочитавшие виртуальные химеры жизненному реализму»², а массофикация стала преимущественно искусственно-форсированной, постепенно охватив весь социокультурный универсум и, следовательно, проникнув во все базовые измерения научного бытия, в том числе в личностную сферу многих ученых. Обретя глобальную информационную основу, процесс массофикации, как нами уже отмечалось, получил небывалый импульс для фактически беспрепятственного проникновения в жизненный мир каждого современного индивида, так или иначе связанного со средствами массовой коммуникации, а потому бессознательно подверженного их аксиологическому влиянию: «Средства массовой информации постепенно, но очень скоро превратились из информационного канала в орудие навязывание «нужной» интерпретации фактов. Для массовой культуры это и стало центральной и единственной функцией СМИ, и только немногие зрители, сопротивляющиеся такому напору чужих интерпретаций, видят, так сказать, неизначальность этой характеристики.

¹ Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2006. С. 189.

² Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2003. С. 407.

Процесс культурной массовизации неотъемлем от складывания социальной мифологии»¹.

В современных информационных условиях процесс проникновения ценностей, акцентуаций и императивов глоболизирующей массовой культуры в экзистенцию индивида - представителя научного сообщества, приобретает искусственный гипнотическо-манипулятивный характер, что обеспечивает бессознательное, а потому фактически беспрепятственное их усвоение и личностное принятие. Данная ситуация во многом является отражением интересов правящих групп, грамотно использующих весь арсенал информационных ресурсов формирующейся цивилизации XXI века для их достижения: «Пропусту говоря, современному глобализованному человечеству нужны только такие люди, которые совместимы со всей системой стандартов и инфраструктур, которые обладают вполне предсказуемым набором стандартизованных вариантов поведения, и которые могут не задумываясь действовать как человек потребляющий, человек коммуницирующий, человек экономический, человек патриотический»². В активно складывающемся, начиная с постиндустриального периода интегрированном информационном поле³, научному сообществу в лице ученого становится все сложнее игнорировать его базовые аксиологические импульсы и императивы, подающиеся как норма стремительно меняющейся жизни, в условиях которой исследователю предстоит осуществлять свою экзистенцию. В результате ученый последовательно вовлекается в гравитационное поле глоболизирующей массовой психологии, ее норм и ценностей, манипулятивно колонизирующих его сознание. Постепенно, с развитием средств коммуникации, подобная аксиологическая интервенция приобретает постоянный характер. Следствием действия обозначенных

¹ Сурудина Н.Р. Культурная интроспекция XX столетия и современности. Материалы к спецкурсу. Волгоград, 2002. С.10.

² Шайхутдинов Р.Г. Современные технологии власти // Вопросы философии. 2007. №11. С. 10.

³ См.: Ковалев А.М. Промышленная цивилизация и судьба России. Идеи, размышления, гипотезы. М., 2003. С. 126.

процессов становится форсированное нивелирование высоких субкультурных устремлений и акцентуаций в личностной сфере ученого, размывание классического образа науки и его познавательных идеалов, исторически конституирующих научную сферу как имманентную область элитарной культуры, выдвижение на первый план коммерчески ориентированных исследований, призванных, главным образом, обеспечить материальное существование проводящих их индивидов в конкурентной общественной среде современности и т.д. Иными словами, в складывающихся информационных условиях постиндустриальной цивилизации, давление массового общества и его экзистенциальных императивов на сознание ученого многократно возрастает. Поэтому человеку науки становится все сложнее критически отфильтровывать постоянно возрастающий массив разнообразной социокультурной информации и реально противостоять гипнотическому проникновению мощных унифицирующих смысложизненных духовных импульсов массовой культуры в аксиологическую сферу собственной личности. В результате он, пусть, зачастую, и бессознательно, в той или иной степени подвергает свою экзистенцию испытанию массофикацией, которое выдерживают, сохранив адекватную субкультурную идентичность, далеко не все исследователи.

Иными словами, массовая культура, начиная со второй половины XX века, настолько опутала мировой общественный организм сетью своих коммуникаций, что первоначально стойкий иммунитет, проявляемый к ней научным сообществом, постепенно начал слабнуть, тонуть во мгле насаждаемых ею гедонистических инстинктов: «Культура, как духовное самостроительство человека, творчество, как метафизическая миссия, сменяются культурой как эффективным средством бегства от себя и мира, культурой, как общедоступными радостями фантомного бытия»¹.

¹ Блюменкранц М. Глобальные проблемы современного культурного процесса // Вопросы философии. 2006. №5. С. 162.

Косвенным отражением данных мировоззренческих метаморфоз выступают принципиально новые в научном познании подходы и отношения отдельных крупных исследователей и теоретиков постиндустриального общества к массовой культуре: «В различных вариантах концепции «постиндустриального общества» массовая культура перестает быть постоянным объектом критики, и более плодотворной начинает представляться идея ее конвергенции с культурой высокой. Трактую позитивно «массовое общество», его экономику, политику, социальные и культурные институты, Д. Белл, Э. Шилз, Ж. Фурастье, А. Турен, Д. Гэлбрейт, А. Тоффлер, Г. Кан, К.Э. Боулдинг утверждали, что под влиянием средств массовой коммуникации, массового производства и потребления, а также массовой культуры в современном обществе происходит процесс становления экономической, социальной, политической и культурной гомогенности. «Омассовление» при этом (в трудах указанных авторов. – М.С.) получило новое значение и стало пониматься, как процесс усреднения культуры, при котором ценности, бывшие лишь достоянием элиты, стали доступными массам»¹. При этом не принимались в расчет два следующих факта: во-первых, о том, что процесс «усреднения культуры» неизбежно приводит к обеднению ее высокого пласта, и, во-вторых, что доступность элементов высокой культуры, пусть и «усредненных», массам еще не означает автоматического желания и готовности последних к освоению данных элементов. Более того, как показывает историческая практика, массы данной реально открывшейся перед ними возможностью приобщения к высокой культуре, по существу, не воспользовались в силу характерных особенностей жизни массового общества: ее темпов, ритма и экзистенциальных императивов.

Из всего вышеизложенного вытекает один из культурных парадоксов современности: беспрецедентно широкая доступность и, параллельно, столь

¹ Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2006. С. 189-190.

же повсеместная не востребованность элементов высокой культуры массовым обществом и его атомизированными представителями. При этом последние, зачастую, либо не желают воспринимать и постигать элитарный культурный продукт, либо просто не способны к подобному восприятию и постижению, которые, как правило, требуют наличия определенных личностных способностей и значительных духовных усилий. В результате в информационных условиях современности «нарушается естественный баланс между высокой и низкой культурой в пользу последней, вплоть до того, что она начинает выступать в виде официальной культуры как ее превращенная форма. Карнавал, перейдя в самую жизнь и став постоянным явлением, отодвигает на периферию некарнавальные формы жизни. Более того, в этих условиях образцы высокой культуры могут стать столь тиражированными, что сами превращаются в предмет массового, упрощенного потребления»¹.

Таким образом, с наступлением постиндустриальной и, особенно, информационной цивилизационной эпохи, когда массовая культура окончательно и, фактически, безапелляционно утвердилась в социокультурном универсуме современности в качестве его духовного гегемона и поводыря, отношение к ней у многих представителей научного сообщества постепенно начинало меняться в сторону если не оправдания, то принятия этой культурной формы. Особенно данные тенденции усилились в рамках традиции постмодернизма, предпочитавшей с игровой легкостью развенчивать сложнейшие философские проблемы прошлого, впрочем, по сути, так и не решив ни одну из них: «В эпоху постсовременности массовая культура приобретает особый статус: если для классической философии дихотомия массового и элитарного была основополагающей идеей, определяющей поле ценностных значений и смыслов культуры, то в ситуации постмодерна данная оппозиция разрушается, а сама массовая

¹ Миронов В.В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. №2. С. 38

культура выступает в качестве полноправной культурной системы»¹. Иными словами, рассматривая эволюцию теоретических воззрений ученых и философов XX столетия на массовую культуру, нельзя не отметить в них устойчивую динамику к постепенной реабилитации и всесторонней легитимизации данной культурной формы в рамках современного общества. Разумеется, это не свидетельствует об автоматической массофикации духовной сферы подобных исследователей, внутреннем принятии ими смысложизненных идеалов, установок и ценностей массовой культуры. Однако, последовательно конституируя данную культурную форму как титульную для современного общества, имманентной частью которого они являлись, эти ученые подсознательно реабилитировали ее как в рамках всего социума, так и в масштабах собственной экзистенции, некритично заменяя тем самым ярлык априорного отторжения ярлыком неизбежного принятия и оправдания. Получив подобные «индульгенции» от ряда видных деятелей науки и философии второй половины XX века массовая культура потенциально обретала в масштабах научного сообщества не столько явных сторонников, количество которых по-прежнему оставалось невелико, сколько скрытых последователей, чья субкультурная бдительность притуплялась теперь не только обезличивающей спецификой окружающего их массофицированного социума, но и авторитетом коллег, приветствующих и оправдывающих его реалии. Иными словами, к внутренней манипулятивно-гипнотической экспансии масскульты в мировоззренческую сферу ученого добавлялось внешнее концептуальное оправдание этого процесса, контекстуально призывавшее не препятствовать данной экспансии, ввиду ее объективной неизбежности, а лишь определенным образом подстроиться под нее, чтобы, направив в нужное русло, обернуть во благо для каждого человека и всей цивилизации в целом.

¹ Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2006. С. 170.

Лояльное отношение к массовой культуре и ее элементам отдельных исследователей постиндустриального и информационного общества, было обусловлено, в частности, их надеждой на то, что с ростом потребления возрастут не только количественные, но и качественные его показатели. В результате появится индивидуализация потребления, ориентированность на конкретного индивида, который получит тем самым возможность беспрецедентно свободного выбора любой культурной продукции, в том числе и элитарной: «Поскольку (в современном обществе. - С.М.) удовлетворяется все больше и больше основных нужд покупателей, можно твердо предсказать, что экономика будет еще энергичней идти навстречу тонким, разнообразным и глубоко персональным потребностям покупателя, потребностям в красивых, престижных, глубоко индивидуализированных и чувственно приятных для него продуктах»¹. Однако подобное «приспособление к возрастанию жизненного уровня»² населения, совершаемое культурой, далеко не означало на практике ее постепенной демассификации за счет индивидуализации культурного продукта, как полагал Тоффлер, поскольку подлинной потребности в элементах элитарной культуры массовое общество, по уже указанным нами причинам, так и не обнаружило. В результате в современном потребительском обществе происходит не столько приобщение к высокой культуре и ее ценностям, действительно ставшим широко доступными, сколько покупка, банальное материальное приобретение, присвоение всевозможных продуктов номинально относящихся к высокой культуре, без их подлинного освоения и постижения. Массофицированный потребитель не приобщается к высокой культуре духовно, не проживает ее элементы в себе, он просто номинально обладает их объективированными формами. Иными словами, сегодня «ключевым моментом в превращении элитарного... художественного

¹ Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2003. С. 248.

² Там же. С. 290.

продукта в предмет массового потребления становится способ этого потребления, подчиняющегося своим специфическим законам»¹.

Внешнее, материальное обладание элитарным культурным продуктом отнюдь не является залогом внутреннего, личностного его постижения, приобщения к закодированной в нем талантом создавшего его мастера подлинной красоте и правде бытия. Поэтому, открывшаяся в постиндустриальном, а затем информационном массовом потребительском обществе, с ростом благосостояния их представителей, широкая возможность приобщения к высокой культуре, так, по существу, и осталась нереализованной. Более того, получившее распространение элементарное приобретение вещей номинально относящихся к высокой культуре тем самым нивелировало их внутреннюю элитарность, размываемую поверхностным, потребительским отношением, делая очередными фетишами, пустотелыми идолами массовой культуры, поскольку «сама по себе дихотомия элитарного и массового – далеко не абсолютная категория. Качество элитарности или массовости культурного продукта в очень значительной степени зависит не столько от него самого, сколько от способа его восприятия, или, иначе говоря, от способа потребления»². Проблема в том, что культурная элитарность – понятие относительное. Она является феноменом духовного порядка, не может быть опредмечена и присвоена индивидом посредством обладания теми или иными вещами или знаниями, выступая результатом внутреннего постижения определенного элемента культуры, а не его внешнего наблюдения или использования. Поэтому элитарность как таковая рождается не столько самим культурным продуктом, сколько определенным образом воспринимающим его человеческим сознанием, способным проникнуть за рамки культурной формы к ее внутреннему смыслу и лично обогатиться им. Продукты массовой культуры, как правило, изначально не рассчитаны на глубокое их

¹ Савенко С. Постмодернизм: между элитой и массами // Искусство XX века: Элита и массы (Сб. Статей). Н.Новгород, 2004. С. 45.

² Там же. С. 44.

постижение, прочувствование, проживание индивидом, их смысл лежит на поверхности, и, нередко, инвариантен, тривиален, что рождает механизацию их восприятия и потребления. Однако это отнюдь не означает, что любой элемент массовой культуры априори низкого духовного качества, напротив, подготовленное сознание может обнаружить в нем скрытые глубины смысла¹. Но данный смысловой пласт, как правило, так и остается нетронутым массофицированными обывателями, доминантно потребляющими культурные формы, а не постигающими их содержание².

В результате, надежды, возложенные отдельными теоретиками постиндустриального и информационного общества на массовую культуру, как перспективную духовную универсалию современности, открывающую для каждого индивида доступ к любому культурному продукту, в том числе элитарному, во многом не оправдались. Однако в их работах отчетливо прозвучали идеи, реабилитирующие данную культурную форму для современного социума и его членов, в том числе и представителей научного сообщества. Последнее обстоятельство содержало в себе очевидную мировоззренческую предпосылку к ослаблению тонуса духовного сопротивления ученого окружающему его массофицированному общественному пространству, которое и без того постоянно опутывало его незримыми манипулятивными нитями информационного воздействия.

Став мощнейшей производительной силой и оформившись в крупный социальный институт, наука, в ходе омассовления количественных элементов своего бытия, постепенно все более утрачивала субкультурную автономию в рамках массового общества. Экзистенциальные императивы и духовные акцентуации последнего настойчиво вторгались в сознание исследователя, становились частью его личности, через нее экстраполируясь на остальные грани растущего научного организма. В целом, глубинные

¹ См.: Миронов В.В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. №2. С. 39.

² См.: Блюменкранц М. Глобальные проблемы современного культурного процесса // Вопросы философии. 2006. №5. С. 162-163.

предпосылки массофикации науки были во многом заложены в рамках процесса ее омассовления, в ходе которого постоянно увеличивалась численность исследователей, а, следовательно, возрастала их совокупная включенность в социокультурный контекст современности, со всеми вытекающими отсюда аксиологическими последствиями. Широко войдя в ткань цивилизации, наука растворила в ней свою изначальную субкультурную сакральность.

Таким образом, следует резюмировать, что процесс научной массовизации, взятый в двуединстве его базовых измерений, протекал в рамках массовизации остальной социокультурной сферы с характерной спецификой: если омассовление науки закономерно началось уже на первоначальном – индустриальном этапе формирования массового общества, то модус массофикации, по существу, проник в научную сферу, начиная с постиндустриальной эпохи. Именно тогда к гипнотическому насаждению ценностей массовой культуры в личностное пространство ученого через растущие и динамично глобализирующиеся информационные каналы, выступившему главным фактором массофикации науки, добавилось концептуальное оправдание массовой культуры для современности, прозвучавшее в работах ряда известных исследователей.

§ 3. Массовизация и личность ученого.

«Экстрамассофикация» и «интромассофикация»

Исходной структурной единицей, первоисточником и первоосновой науки во все времена является личность ученого, с которой, по сути, начинается сама наука и в рамках которой она по-настоящему живет и развивается. Объективированные в научных публикациях знания – знания застывшие, ставшие частью истории, передний край науки всегда был и останется в душе и сознании исследователя. Иными словами, именно состояние души, сознания, аксиологической сферы ученого во многом детерминирует, определяет и обуславливает подлинное научное развитие,

развитие «здесь и сейчас». Поэтому, проводя комплексное осмысление феномена социокультурной массовизации применительно к науке, необходимо в первую очередь обратиться к тем изменениям, которые вызывает данный феномен, взятый в двуединстве своих базовых модусов, в личности ученого, поскольку все остальные метаморфозы бытия современной науки, в том числе и сама научная массовизация, будут во многом обусловлены данными изменениями.

Несмотря на то, что научное сообщество XX столетия сравнительно долго сохраняло свою субкультурную идентичность перед лицом набиравшей обороты массофикации, оно все же не могло избежать влияния массового общества, в котором жили и работали ученые. При этом не вызывает серьезных сомнений то обстоятельство, что «особый способ группирования людей в больших городах и коллективах порождает некую «заразительность» определенных психических настроений, переживаний, оценок. Сходство происходящих при этом процессов приводит к формированию и сходных типов возникновения и переживания психических состояний, сходных способов мотивации и оценки поступков»¹. Омассовляясь, научное сообщество, неизбежно растворялось в массовом индустриальном, а затем постиндустриальном и информационном обществе, становилось исполнителем его социальных заказов, носителем смысложизненных императивов и ценностей. Данный процесс включения научного сообщества в структуру формирующегося массового общества был далеко не одномоментным, относительно растянутым во времени. Однако он имел место, и омассовление науки, принявшее, начиная с рубежа XIX-XX вв., высокие темпы, все более частое вхождение в ее состав людей случайных, носителей ценностей новой цивилизационной эпохи и ее культуры, постепенно делали свое дело – интеграция науки в массовое общество становилась более полной и многоканальной. Ведь даже если

¹ Самохвалова В.И. Массовый человек – реальность современного информационного общества // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М., 2003. С. 106.

принять во внимание то обстоятельство, что «по подсчетам социологов наукой способно заниматься не более 6 – 8% населения»¹, приходится признать, учитывая, пусть и неравномерный, рост населения планеты, что данная цифра значительна и такого количества профессиональных ученых, носителей высокой культурной исследовательской традиции современный массофицированный социум дать не может. Масса постепенно размывает научное сообщество и его классические идеалы, которые многими учеными начинают восприниматься как «историческое предание», прекрасное, но прагматически бесполезное в сложившейся социокультурной обстановке с ее новыми экзистенциальными смыслами и императивами. Как результат – элитарная первооснова научного бытия постепенно нивелируется массовыми веяниями: «Обесценивание роли общей культуры неизбежно приводит к выходу на первый план культуры массовой – доступной, понятной, развлекательной, требующей от индивида уже не энциклопедической образованности, не интеллектуальной полноты, без которых «высокая» культура остается недоступной, непонятной, наводящей скуку, признается устаревшей и ненужной, а поверхностных общих знаний... и столь же поверхностной эмоциональной реактивности»².

Данные рассуждения в очередной раз приводят к тезису о том, что в условиях складывающейся постиндустриальной информационной цивилизации второй половины XX – начала XXI вв. процесс массовизации науки становится в полной мере двуединым и, подобно остальному обществу, к омассовлению науки добавляется ее комплексная массофикация – проникновение элементов массовой культуры в бытие науки посредством манипулятивной колонизации личности исследователя. Поэтому не вызывает особого удивления одно из определений современной массовой культуры, которое мы встречаем в одном философском энциклопедическом словаре: «Массовая культура – это «массовые» ученые, «массовые» писатели,

¹ Джегутанов Б.К. История и философия науки. СПб., 2006. С. 101.

² Акопян К.З. По направлению к масскульту: наука и религия в эпоху шлягера // Массовая культура и массовое искусство... С. 240.

«массовые» поэты, художники, даже философы»¹ - качественно-аксиологический модус массовизации действительно проник в данные традиционно «высокие» культурные области, наполнив их грани характерным содержанием.

Выше мы уже отмечали мысль о том, что массовый человек – это в значительной степени объект социокультурного манипулирования с помощью коммуникационных форм осуществления властных технологий. Таким объектом становится в современном обществе и ученый, личностная сфера которого, функционируя и развиваясь в глобальной массофицированной информационной среде, бессознательно впитывает в себя ее доминантные ценности, акцентуации и императивы, постепенно усваивая, принимая и рассматривая их как свои собственные.

Особенно легко подвержены массофикации молодые ученые, которые вырастают в аксиологическом пространстве масскультуры, экстраполируя его идеалы в сферу своей научной работы, и иной, «высокой» культуры научного творчества не знают, либо не понимают. Для подобных исследователей независимо от уровня их способностей и талантов наука - «это деятельность, а не Деятельность»², со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Результатом описанных процессов становится тот факт, что в информационном обществе «новые условия коммуникации пронизывают все уровни общественного сознания, в том числе и заведомо рефлексивные, по определению отдаленные от обыденности. Например, в современной науке возникает пласт адаптированных результатов, рассчитанных именно на массовое восприятие»³. Здесь мы непосредственно выходим на проблему определения тех черт и особенностей, которые возникают в науке, взятой в аспекте личности ученого, в результате массофикации – одного из базовых

¹ Философия: энциклопедический словарь. Под ред. А.А. Ивина. М., 2006. С. 482.

² Радов А. Наука как формальность // Свободная мысль – XXI. 2004. №10. С. 79.

³ Миронов В.В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. №2. С. 38-39.

измерений массовизации – качественно-аксиологической трансформации духовной сферы исследователя.

Но, прежде чем рассуждать о данных особенностях, дополнительно скажем несколько слов о том, какое влияние оказывает современная глобализация на культурную сферу общества в целом и научного сообщества, взятого в масштабах личности ученого, в частности, поскольку данное влияние, на наш взгляд, значительно и принципиально важно в рамках изучения феномена массовизации. Начиная осмысление текущего варианта глобализации, отметим, что «в самом общем виде глобализацию можно определить как процесс создания единого мирового информационного, политического, правового, социокультурного пространства»¹. Главными признаками современной глобализации являются ее искусственно-форсированный характер и насаждаемый ею доминантный экономоцентризм общественной жизни, который нашел выход в новом витке развития ряда новых элементов социал-дарвинизма. Причем последний активно насаждается и современной массовой культурой, пропагандирующей культ успеха и грубой силы, позволяющий беспринципно «брать от жизни все»², а также тесно связанный с ним гедонизм человеческого существования: «Главенствующим принципом вестернизированной массовой культуры... стала пропаганда вульгарного социал-дарвинизма, где человек человеку уже не “друг, товарищ и брат”, а “человек человеку - волк”»³. Специфика текущего глобализационного сценария во многом способствует насаждению потребительно акцентуированной массовой культуры в масштабах всего цивилизованного мирового сообщества, опутанного густой сетью коммуникационных каналов, постоянно тиражирующих и стимулирующих систему новых смысложизненных императивов и идеалов, гипнотически вплетаемую в сознание современного индивида: «Глобальные

¹ Леонова О.Г. Вызовы глобализации и актуальные тренды общественного сознания в России XXI века // Социально-гуманитарные знания. 2008. №1. С. 3.

² См.: Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М., 2003. С.506.

³ Сергеев В.В. О безопасности духовной культуры в российском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2007. №4. С. 48.

коммуникации породили глобальный рынок культуры и идеологии, активными агентами которого стали транснациональные корпорации, производящие продукты массовой культуры, и центры культурно-идеологической экспансии, “производящие” и транслирующие идеологические, культурологические и политические смыслы, ценности, символы и стандарты»¹. Разумеется, массовая культура, ее элементы, акцентуации и признаки активно развивались в массовом обществе еще до форсированного развертывания процессов современной глобализации, но именно в ее рамках они обрели небывалый территориальный охват и проникающую способность, обусловленные характером данных процессов и интересами стоящих за ними экономических и политических сил. Иными словами, массовая культура, как никакая другая культурная форма, органично вписывается в современный глобализационный сценарий, в качестве аксиологического вдохновителя, потенциально формируемого этим сценарием типа человека будущего – одномерного потребителя, космополита и формального либерала, действия которого можно манипулятивно направлять и контролировать. Параллельно с этим современная массовая культура, априори не признающая национально-культурных границ, особенностей и традиций, активно способствует их постепенному стиранию: «Глобальная система массовых коммуникаций выступает мощным фактором нивелировки культурных различий»². Таким образом, рассматривая и анализируя реалии современного цивилизационного развития нельзя не диагностировать отдельные черты симбиотического характера взаимодействия массовой культуры и глобализации, черпающих друг в друге дополнительные импульсы для дальнейшего распространения. Подобная синергия процессов массофикации и глобализации во многом стимулирует и

¹ Макаревич Э.Ф., Карпухин О.И. Глобальные коммуникации и культурно-политическая экспансия // Социально-гуманитарные знания. 2007. №3. С. 62.

² Захаров А.В. Массовое общество в России // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М., 2003. С. 98.

обуславливает их динамичное комплексное укоренение в мировую социокультурную почву.

В целом, являясь попыткой направить дальнейшее развитие цивилизованного человечества в единое русло, ориентированное по принципу: присваивающий центр – сырьевая периферия, текущий вариант глобализации исторически бесперспективен, поскольку бесперспективен продуцируемый в его рамках, во многом, посредством массовой культуры тип личности – «этот декадентский тип... не способен на длительное историческое существование на нашей планете. Поэтому антропологическую революцию американизма, задумавшего всюду на планете насадить в качестве господствующего единый «либеральный тип», следует признать авантюрой... В планетарном масштабе тип либерального мигранта, склонного безответственно покидать им же захламленные пространства в поисках более обжитых мест выглядит обреченным»¹. Тем не менее, данный вариант глобализации, встретив на своем пути множество преград объективного и субъективного плана², продолжает проводится в жизнь и поныне, являясь универсальным способом поддержания планетарной гегемонии его главных инициаторов.

В результате базовыми ценностями, которые распространяются и стимулируются в форсированно глобализирующемся мире посредством массовых информационных систем и ресурсов становятся ценности материально-экономического и гедонистического плана: коммерческий успех, богатство, роскошь, телесные удовольствия и т.д. Сама власть используется обладающими ею, главным образом, для собственного финансового процветания. Все это на фоне резкой имущественной дифференциации социума оформляет черты глобального неокapитализма, главным культом которого является культ денег, а центральным идолом –

¹ Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2003. С. 407.

² См.: Леонова О.Г. Вызовы глобализации и актуальные тренды общественного сознания в России XXI века // Социально-гуманитарные знания. 2008. №1. С.4.

капитал. Причем обретение последнего априори допускается фактически любыми путями и средствами.

В результате, реалии современной общественно-экономической жизни, во многом обусловленные спецификой текущего варианта глобализации, опирающегося на массовую культуру, с одной стороны активно формируют у человека высокие материальные потребности, а с другой предоставляют основной массе населения довольно скромные возможности для их удовлетворения. Данная ситуация порождает глубокий мировоззренческий и духовный кризис личности, кризис идентичности, когда человек любой профессии, в т.ч. и ученый, нередко превращается в обыкновенного дельца, коммерсанта, преследующего в своей деятельности в основном финансово-прагматические цели: «На этом фоне приходится признать устаревшим тезис о науке как непосредственной производительной силе. Современным корпорациям такая наука, ориентированная на открытие новых фундаментальных свойств материи, уже не нужна. Финансирование таких открытий обходится слишком дорого, а получение их всегда проблематично. Да и новый тип исследователя, привыкшего работать не в автономной системе под условным названием «Университет», а в научных корпорациях, связанных с рыночными заказами, значительно менее приспособлен для высоких научных дерзаний – он предпочитает брать то, что находится под руками и сулит быструю отдачу»¹. Данная позиция А.С. Панарина, хотя и представляется излишне категоричной, но набирающую сегодня обороты динамику коммерциализации научно-исследовательской деятельности, в целом, диагностирует обосновано.

Доминантно рыночная ориентация профессиональной активности, отчетливо наметившаяся в контексте развития современной цивилизации², закономерно рождает ориентацию на человека-массы – центральную и количественно наиболее крупную фигуру современности, которая, являясь

¹ Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2003. С. 333.

² См.: Юревич А.В. /Наука и культура (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. 1998. №10. С. 20-21.

марионеткой в экспериментах власти, тем не менее, выступает главным потребителем, а, следовательно, и центральным источником дохода.

Здесь же необходимо несколько детальнее прояснить специфику потребительства: «Потребительство – это способ жизнедеятельности, основанный на обладании в характерологическом смысле (т.е. не знающем меры, являющемся самоцелью, смыслом жизни. – М.С.). Оно имеет различные степени и формы, воплощаясь в неумеренном, вульгарном, эгоистическом, паразитическом потреблении, средством которого выступают как вещи, так и другие люди, даже целые социальные группы и народы. Крайняя его степень выражается в набивших оскомину призывах: “бери от жизни все”, “надо жить играючи”, “работай меньше, развлекайся вовсю”, “я потребляю, следовательно, существую” и т.д.»¹. В рамках силового аксиологического поля массовой культуры, последовательно приобретающего в ходе информационной глобализации наднациональное распространение, обладание характерологического плана (потребительство) всячески стимулируется и насаждается, делая индивида бессознательным рабом своих многочисленных и, зачастую, мнимых, искусственно спровоцированных, потребностей. В связи с этим массовое общество не случайно часто называют обществом потребления², подчеркивая тем самым знаковую экзистенциальную направленность большинства его представителей. Вектор развития массового общества от индустриальной до информационной его стадии был направлен в сторону динамичного роста потребительских настроений, что, как нами уже отмечалось, во многом являлось следствием постоянно ускоряющегося научно-технического прогресса и его результатов.

Трансформировавшись в процессе омащвления в важнейшую производительную силу и эволюционировав в крупный социальный

¹ Чинакова Л. О потребительстве и его носителях // Свободная мысль – XXI. 2002. №3. С. 86.

² См.: Философский энциклопедический словарь. Сост. Е. Ф. Губский и др. М., 1997. С. 258; Захаров А.В. Массовое общество в России // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М., 2003. С. 91-92; и др.

институт, наука неизбежно вынуждена была, во многом, поступиться своей изначальной социокультурной автономией. Данное обстоятельство явилось очевидной исторической закономерностью: став «большой», наука оказалась всесторонне встроенной в окружающий цивилизационный контекст. Собственно говоря, именно изменениям данного контекста, а именно, появлению и росту соответствующих общественных потребностей в разнообразных научно-технических знаниях, современная наука и обязана своим рождением. Но за то развитие, которое получила наука, начиная с индустриального периода, ей пришлось заплатить высокую цену – постоянно обслуживать, тем самым дополнительно стимулируя их дальнейший рост, неуклонно увеличивающиеся потребности общества, выполняя тот или иной социальный заказ. Иными словами, современной науке практически постоянно приходилось, так или иначе, отрабатывать вкладываемые в нее средства. Данные обстоятельства, несмотря на свою внешнюю оправданность и закономерность, потенциально содержали в себе источник глубинных мировоззренческих и аксиологических трансформаций, постепенно наметившихся в личностной сфере исследователя.

Итак, динамично растущее в рамках индустриальной, а затем постиндустриальной и информационной цивилизации научное сообщество, в лице конкретного ученого, вынуждено было, во многом, подстраиваться под массовое общество и его представителей, учитывать их интересы, запросы и вкусы. Различный характер данного приспособления научного сообщества к интересам массового потребителя и, шире, массового потребительского общества, и определил два основных варианта массофикации науки: внешнюю и внутреннюю, которые, на наш взгляд, корректно назвать соответственно «экстрамассофикацией» и «интромассофикацией». Между ними существует принципиальная разница, которую необходимо детально рассмотреть, проанализировать и осмыслить.

Экстрамассофикация (от латинского extra — сверх, вне), или внешняя массофикация науки – это процесс и результат ориентации

профессиональной деятельности исследователя на потребности массового общества, его титульной культурной формы и их главного представителя – человека-массы. Экстрамассофикация – реалья, во многом вынужденная базовой спецификой современного цивилизационного развития, а именно имманентной зависимостью научной работы от того или иного оплачивающего ее рыночного субъекта. Последним, исторически, чаще всего выступало государство, но в современных условиях довольно стремительно растет доля частного капитала в финансировании научных исследований¹. Корень «экстра» термина «экстрамассофикация» подчеркивает, что в его рамках зависимость личностной сферы ученого от аксиологии массового общества носит внешний, вынужденный характер – исследователь ориентируется на массовый социокультурный контекст, но ценности последнего существуют вне жизненного мира его личности.

Главными источниками экстрамассофикации становятся, как правило, либо определенный социальный заказ, либо неудовлетворенные материальные потребности исследователя, который стремится исправить данную ситуацию посредством целенаправленного создания востребованного массовым обществом и его культурой научного продукта, будь то компьютерная игра, туристический справочник, мобильный телефон, учебник и т.д.. При этом совершенно не обязательно, что данные товары будут низкого качества, принципиально другое – изначально «товарная», «рыночная» природа их происхождения. Экстрамассофикация науки, представляющая собой различные варианты профессиональной ориентации ученых на потребительские нужды массового общества и массовой культуры, ведет к выдвиганию на первый план коммерчески ориентированных исследований, авторы которых ищут не столько истину бытия, сколько выгоду быта: «подобные диспропорции в развитии науки определяются главным образом тем, что наука становится все больше и

¹ См.: Наука и государственная научная политика: теория и практика. М., 1998. С. 280-281.

больше похожа не на искательницу истины, а на коммерческое предприятие, где правит закон наживы»¹. Действительно, глубинные изменения, происходящие в самой природе современной научной деятельности, трудно не заметить: «В классической культуре ученый всегда выступал от имени истины, которая чаще всего была недоступна обывателю. Над ним могли смеяться – его могли уважать, но не все обязаны были понимать. Сегодня результаты науки зависят от простоты их понимания потребителями. Не потому ли... так трудно стало именно фундаментальной науке? Не потому ли и образование пытаются подогнать под упрощенную модель, связывая его непосредственно с рыночными потребностями? Ведь востребованными становятся не столько фундаментальные знания и творческая потенция ученого, оригинальные идеи и глубина замысла исследовательского проекта, сколько умение подать «товар» лицом, найти нужные формулировки и формы для рекламы... В итоге преимущество получают проекты прикладного характера, реализация которых сулит быстрые, конкретные и весомые результаты»². Несмотря на излишнюю тенденциозность и пессимизм, несколько присущие процитированному высказыванию, в нем довольно объективно и наглядно проведена принципиальная мысль о том, что в современных условиях наука все больше коммерциализируется, а это, несомненно, угрожает ее социокультурной самобытности и автономности.

Активно глобализирующееся массовое общество современности, становится универсальным плацдармом для расцвета неокapитализма, с его всепроникающими рыночными отношениями и ценностями. Наука, в лице ученого, являющаяся органичной частью социума и структурным элементом его культуры априорно не могла остаться в стороне от данных процессов. В результате: «В условиях рынка наука просто вынуждена утверждаться

¹ Садовничий В.А. Знание и мудрость в глобализирующемся мире // Вопросы философии. 2006. №2. С.15.

² Миронов В.В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. №2. С. 39.

сегодня в практической сфере»¹. Однако, это «утверждение» не должно становится ведущей самоцелью науки и ее представителей, поскольку в противном случае наука, как, преимущественно, искатель объективно-истинного знания в разных сферах бытия уступит место науке, как очередной области бизнеса со всеми вытекающими отсюда мировоззренческими и аксиологическими последствиями.

В целом, экстрамассофикация науки еще не означает автоматической утраты наукой ее самобытного культурного статуса: данный процесс является набирающей обороты тенденцией, а не ставшим в масштабах всего научного сообщества фактом. Являясь во многом вынужденной мерой, экстрамассофикация хотя и способствует тому, что ученый все больше профессиональных усилий тратит на выполнение социального заказа или на целенаправленное зарабатывание денег, но все же не дает оснований судить о нем как о ставшем человеке-массы – рядовом носителе ценностей и идеалов массовой культуры. Внешний характер данного варианта научной массофикации, отраженный в интегрированном для его обозначение термине – экстрамассофикация - подчеркивает принципиальное непроникновение аксиологического модуса массовой культуры в личность исследователя, который рассматривает свою «профессиональную коммерцию», преимущественно, как занятие вынужденное, дополнительное, вызванное реалиями сложившейся общественно-экономической обстановки.

В связи с этим, довольно широкое проникновение модусов экстрамассофикации в бытие современной науки, выступающее результатом, во многом, вынужденной ориентации ее представителей на нужды и потребности массового общества и массовой культуры, следует квалифицировать, скорее, как нежелательное, но, в целом, неизбежное явление. Однако дальнейшее развитие данного процесса всерьез угрожает вылиться в системный кризис науки, некоторые признаки которого,

¹ Пружинин Б.И. / Псевдонаучное знание в современной культуре (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. 2001. №6. С. 26.

обусловленные широкой зависимостью науки от потребительского общества, констатируются уже сегодня: «главной причиной кризиса науки я считаю то, что в современном – рыночном и демократическом – обществе основную траекторию ее развития определяет обыватель... Современному же обывателю свойственна «здесь и теперь» психология, и поэтому смутные перспективы полетов на Марс для него куда менее привлекательны, чем то, что может улучшить его быт уже сегодня. В результате львиная доля расходов на современную науку приходится на производство компьютеров, бытовой техники, косметическую промышленность и индустрию развлечений»¹. Действительно, значительная ориентация на потребительское общество и его культуру серьезно меняет социокультурный облик современной науки, накладывая характерный отпечаток на сознание и мировоззренческую сферу многих ученых. Тем не менее, экстремассофикация – внешняя массофикация – научного бытия затрагивает, главным образом, поверхностный пласт личностной сферы исследователя, практически не проникая в ее аксиологическое ядро.

Иное дело – массофикация внутренняя, или «интромассофикация» (от латинского *intro* - в, внутри), которая, по определению, происходит не вне (души, сознания, личности) ученого, а внутри них.

Интромассофикация – это процесс личностного постижения, усвоения и принятия ученым ценностей, норм, идеалов, потребностей и акцентуаций массовой культуры, в результате которого он из человека преимущественно преданного высоким идеалам науки вырождается в одномерного, потребительно-акцентуированного человека-массы. В ходе интромассофикации элитарный социокультурный статус научной деятельности постепенно уступает место своему массофицированному инобытию – активности субъекта, которая за внешне научными формами скрывает когнитивную пустоту, видимость науки, но не ее имманентно

¹ Юревич А.В. /Наука и культура (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. 1998. №10. С. 20-21.

познающую бытие сущность. Иными словами, процесс интромассофикации личностной сферы исследователя свидетельствует об отсутствии у него, либо утрате им подлинного осознания истинных целей научного познания, абсолютно не связанных ни с получением славы, высокого статуса, власти, коммерческой прибыли, ни с удовлетворением сиюминутных потребностей, как собственных, так и общественных, т.е. со всем тем, что навязывает современному индивиду в качестве экзистенциальных императивов массовая культура. Интромассофикация наделяет сознание и подсознательную сферу ученого императивом стяжательства, в результате чего он начинает рассматривать науку не как одну из важнейших задач и целей своей жизни, а лишь как средство к достижению иных целей, продиктованных, либо навязанных окружающим социокультурным контекстом. В рамках интромассофикации наука не исчезает как область знания, сфера деятельности или отдельный социальный институт, но она серьезно рискует утратить не менее важный свой компонент – бескорыстное стремление к объективно-истинностному знанию, осуществляемое посредством разума, которое исторически лежало у истоков научного бытия.

Данный модус массофикации особенно распространен в среде молодых исследователей, которые выросли на аксиологической почве массового общества и массовой культуры, а потому иной культуры, в сущности, не знали. Главная проблема здесь заключается в наркотическом характере массовой культуры и ее ценностей – человек, выросший на них, как правило, не отличается не только чувством истинного, гармоничного, прекрасного, но и развитой морально-волевой сферой. Проще говоря, он фактически лишен желания долго и кропотливо трудиться, а наука в масштабах отдельного ученого – это, как правило, несколько новых слов расшифрованных на страницах книги мироздания в течение многих лет напряженной интеллектуальной активности. Т.е. человек-массы, придя в науку, либо став таковым уже будучи ученым, чаще всего являет собой пример интеллектуального сибарита, привыкшего жить чужим умственным трудом,

для которого плагиат и компиляция становятся привычными нормами его научной жизни. В результате «неизбежно появляется имитация научной деятельности, подобная имитации на эстраде, когда поют под “фанеру”. Имитация научной деятельности к тому же хорошо финансируется различными премиями и грантами и пользуется бесконтрольностью данной ситуации в обществе»¹.

Говоря о взаимодействии процессов внешней и внутренней массофикации в рамках бытия современной науки, следует отметить то обстоятельство, что экстрамассофикация, по большому счету не затрагивая аксиологическую сферу личности ученого, создает определенные предпосылки для интромассофикации, поскольку исследователь все чаще ориентируясь на нужды и потребности массового общества и его культуры, серьезно рискует постепенно воспринять их как свои собственные. Последняя угроза становится более очевидной, если принять во внимания манипулятивно-наркотический характер массовой культуры. Иными словами, ученый, постоянно соприкасаясь с ее гипнотизирующим источником, пусть, формально, и вынужденно, постепенно привыкает к данному и нередко припадает к нему навсегда.

Таким образом, экстрамассофикация потенциально предшествует интромассофикации. Первая не ведет ко второй автоматически, но создает для нее очевидные мировоззренческие предпосылки. При этом очевидно, что последствия интромассофикации гораздо более пагубны для науки, взятой во всем многообразии ее модусов и измерений в целом, нежели последствия экстрамассофикации, поскольку в рамках первого процесса растворяется первооснова научного бытия – самобытная творческая личность ученого.

В целом, механизмы массофикации науки сложны и неоднозначны. Ученый сегодня выступает рядовым членом массового общества, былой элитарный статус научной деятельности фактически утрачен. Перед

¹ Миронов В.В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. №2. С. 39.

подобным исследователем открывается глобальный океан социально-экономической неопределенности и неизвестности, плыть по которому ему, зачастую, предстоит в одиночестве. В данной напряженной экзистенциальной ситуации массовая культура и иллюзорное царство порождаемых ей симулякров чрезвычайно опасна, поскольку представляется некой тихой бухтой легкого счастья, где можно, якобы, переждать непогоду, а в действительности существует высокая вероятность остаться навсегда.

Таким образом, массовизация социокультурного универсума современности, рассматриваемая в двуединстве составляющих ее модусов, оставляет характерный отпечаток на личностной сфере каждого ученого. Влияние данного процесса на аксиологическую сферу исследователя может быть различным, что во многом зависит от индивидуальных особенностей его социализации - включения в окружающий его общественный организм. Но полностью избежать данного влияния человек науки, фактически, не в состоянии, поскольку его профессиональная деятельность прочно вплетена в социальный контекст и в значительной степени направляется и определяется им. В связи с этим, процесс экстремассофикации – ориентации исследователя на потребности и запросы массового общества и его титульной культурной формы, осуществляемой в целях получения средств для существования – представляется явлением закономерным и неизбежным, отражая экзистенциальную зависимость ученого от имманентно включающей его социокультурной среды. Что же касается процесса интромассофикации – личностного приобщения исследователя к ценностям и императивам массовой культуры – то данный модус массофикации, выступая отражением той же органичной встроенности ученого в социокультурное пространство современности, свидетельствует о наличии глубинных аксиологических и мировоззренческих сдвигов в его сознании.

Хронологически процесс экстремассофикации науки постепенно и закономерно охватывает ее представителей, начиная с индустриального периода до сегодняшнего дня. Интромассофикация затрагивает сознание

исследователя в процессе становления постиндустриального информационного общества, посредством манипулятивного насаждения аксиологического пространства масскульта в глобальных коммуникационных масштабах.

Именно в рамках интромассофикации, динамично и, во многом, безвозвратно растворяется творческая и экзистенциально стойкая личность ученого – метафизическая первооснова и первоисточник подлинного, а не иллюзорного научного бытия.

Подводя познавательные итоги данной главы, следует подчеркнуть принципиальную неотделимость процессов массовизации от существования и развития всех сфер и элементов современной социокультурной жизни. Начавшись с количественных изменений, формирование массового общества быстро привело к трансформациям качественным – аксиологическим, духовным, мировоззренческим. Сущность процесса массовизации в том, что в его рамках количественные и качественные изменения постепенно сливаются воедино, взаимно детерминируя друг друга.

Процессы омассовления привели к созданию массового общества, характеризующегося растущими массовым спросом и массовым предложением на научные знания. Результатом этой динамики стало рождение большой «массовой» науки современности, которая, превратившись в производительную общественную силу, одновременно утратила исторически присущую ей аксиологическую закрытость и эзотеричность – «башня из слоновой кости» классической, духовно элитарной науки растворилась в массовых социокультурных реалиях. При этом наука усилила свои позиции в обществе, но во многом поступилась изначальной этической и мировоззренческой самобытностью.

Процессы массофикации – качественно-аксиологической трансформации социокультурной сферы, характеризующиеся появлением и развитием в ней ценностей и императивов массовой культуры, затронули все области

постиндустриального общества, поскольку в его рамках каналы передачи информации тоже стали массовыми – глобальными, охватившими своими сетями все уголки техногенной цивилизации и абсолютное большинство ее представителей.

Бытие науки оказалось последовательно включенным в массовые социокультурные процессы, сначала в количественном (омассовление), а впоследствии и в качественном (массофикация) аспекте. При этом субъективный пласт науки – личность ученого, оказался подвержен не только внешним факторам существования науки в массовом обществе (экстрамассофикация), но и внутренним аксиологическим импульсам активно распространяющейся массовой культуры (интромассофикация).

Массовизация науки – процесс постепенного вхождения современной науки в массовое техногенное общество с его основным аксиологическим измерением – массовой культурой. В ходе данного процесса научное бытие претерпело характерные изменения и трансформации во всех своих системообразующих гранях.

Глава II. Грани бытия науки в условиях массовизации социокультурной сферы

Являясь неотъемлемой частью современности, наука синтезирует, аккумулирует и преломляет в своем становлении многие ключевые материальные и духовные импульсы ее противоречивого исторического функционирования и развития. Сохраняя при этом относительную внешнюю субкультурную автономию, самобытность и характерные институциональные признаки, наука все более растворяется в обществе внутренне, имплицитно – посредством бессознательной этической и аксиологической мимикрии человека науки в окружающий социокультурный контекст и его доминантную ментальность, активно формируемые становящейся эпохой нивелирующей массовости. Ореол научности, расширяясь над глобализирующимся человечеством, окрашивая и направляя развитие многих сторон его жизни, параллельно становится все более аморфным и синкретичным - размытым бесчисленными вкраплениями иных культурных форм, смыслов и концептов в науку, оказавшуюся встроенной в единое информационное поле современности с остальными областями культуры и пребывающей в монополизирующихся декорациях культуры массовой.

Небывалый количественный рост науки и разнообразных ее элементов, ознаменовавший становление техногенного общества и являясь его закономерным порождением, привел к значительному расширению социокультурных рубежей науки, а, следовательно, к определенному вытягиванию и растяжению границы соприкосновения научной области с другими областями цивилизационного универсума. Это вылилось не только во взаимный обмен и обогащение культурной информацией с данными областями, но и стимулировало неизбежные смещения, разрывы субкультурного контура науки, через которые не замедлили диффундировать модусы иных, чуждых ее изначально элитарным экзистенциальным идеалам, ценностей, акцентуаций и смыслов. Начиная с вхождения в индустриальный

период человеческой истории и до сегодняшнего дня, наука, став ведущей силой цивилизационного развития, все более поступалась не только внешней, но и внутренней – духовно-аксиологической, этической, мировоззренческой – автономией, что, в комплексе, не смогло не сказаться на становлении, формировании и развитии всех областей, измерений, сторон жизни науки – граней, оформляющих ее бытие, как самобытного элемента культуры и общества.

В рамках современной науки, исследователями выделяется ряд ключевых, системообразующих, так или иначе включающих в себя все остальные ее составляющие, слагаемых и компонентов. К числу подобных базовых системообразующих оснований науки традиционно и обосновано относятся знание, деятельность и социальный институт. Данное триединство аккумулирует в себе всю социокультурную сущность науки, остальные проявления которой, являются, по сути лишь историческими модусами, следствиями и результатами становления и развертывания этих трех компонентов.

Поэтому, определяя одной из ведущих целей настоящего исследования комплексное рассмотрение и анализ характерных метаморфоз, происходящих в развитии науки в контексте процесса двуединой социокультурной массовизации, требуется уделить особо пристальное внимание изучению указанных граней современной науки, как доминантных лакмусов и первооснов состояния всего ее бытия в рамках становления массовой техногенной цивилизации. При этом, естественно, не ставится задача осмысления всех изменений, наблюдающихся в науке как особой форме знания, специфичной деятельности и самобытном социальном институте за период становления массового общества и массовой культуры, а лишь тех новообразований и процессов в данных системообразующих научных гранях, которые были в значительной степени обусловлены и стимулированы собственно омассовлением и массофикацией научного бытия. Поскольку очень многие изменения, произошедшие в сфере науки в данный период,

имели своими непосредственными причинами совершенно иные экономические, политические, идеологические, социокультурные, религиозные, гносеологические, мировоззренческие процессы становления техногенной цивилизации, нередко косвенно связанные с феноменом массовизации, выступающим одной из глобальных декораций современности, но далеко не всецело объясняющиеся этим феноменом.

Системообразующие грани бытия науки – знание, деятельность и социальный институт – внутренне всегда существуют и развиваются в нерасторжимом органичном комплексе, взаимодополняют, обуславливают, стимулируют и направляют историческое становление друг друга в рамках единой социокультурной области, которая именуется наукой. Однако интеллигибельное вычленение и последующее относительно автономное изучение данных граней в контексте процесса массовизации представляется продуктивным, для приближения к подлинным истокам, путям, направлениям и проявлениям массовизации всей науки в целом. Иными словами, осмысляя базовые части, основания науки, функционирующие в условиях омассовления и массофикации, т.е. под действием социокультурных факторов, мы параллельно постигаем феномен массовизированной науки современности как целое, в его метафизических, инвариантных сущностях и проявлениях. Данный подход представляется продуктивным еще и в том плане, что «выявление компонентов оснований науки и их связей позволяет перейти от простой констатации влияния социокультурных факторов на развитие науки к конкретному анализу того, как эти факторы интегрируются в ткань научного исследования. Основания являются именно тем слоем в системной динамике знания, который, с одной стороны, непосредственно связан с конкретными теориями и фактами каждой дисциплины, а с другой – определен мировоззренческими установками и другими социокультурными фактами, опосредуя их влияние

на специальные процедуры эмпирического и теоретического исследования»¹. Анализируя развитие граней науки под действием социокультурных факторов, мы тем самым приближаемся к всестороннему осмыслению измерений ее современного бытия, в котором «социокультурные аргументы»², их роль и значимость, как никогда существенны, многое определяют и детерминируют.

Массовая техногенная цивилизация привнесла новые измерения, идеи и смыслы в жизнь всех сфер культуры, во многом наполнив их самобытные формы унифицированным духовным содержанием. Современная наука является неотъемлемой частью и порождением этой цивилизации, незримо самоидентифицирующей себя с ней, ее экзистенциальной ментальностью и смысложизненной прагматикой. Чтобы приблизиться к комплексному пониманию сути метаморфоз науки в наступившую эпоху социокультурной массовости, необходимо учесть реалии данной эпохи, диагностируя и осмысляя их роль в развитии системообразующих граней научного бытия.

§ 1. Проблемные контуры массовизации научного знания

Симптомы процесса массовизации социокультурной сферы, развивающегося в двуединстве своих базовых измерений – омассовления и массофикации - проникали в бытие науки постепенно, но их влияние неизменно увеличивалось, как отражение повышения зависимости растущего научного сообщества от особенностей вбирающего и стимулирующего его жизнедеятельность техногенного цивилизационного контекста. Масса, первоначально воздействующая на науку извне, в виде специфических общественных интересов формирующегося массового индустриального общества, заказы которого наука была призвана выполнять, по мере омассовления и, особенно, массофикации научного сообщества стала во

¹ Степин В.С. Основания науки и их социокультурная размерность // Наука в культуре. М., 1998. С. 81.

² См.: Казютинский В.В. Истина и ценность в научном познании // Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI века. СПб., 1999. С.71.

многим детерминировать его становление и функционирование изнутри. В результате социокультурная область науки не смогла остаться в стороне от набравших обороты процессов массовизации, которые, так или иначе, сказались на функционировании всех системообразующих граней науки, стимулируя в них появление характерных изменений и новообразований.

Принимая во внимание тот факт, что «наука обычно отождествляется с системой научных знаний»¹, комплексное осмысление подобных новообразований целесообразно начать именно с анализа тенденций, наблюдающихся в контексте массовизации в бытии такого важнейшего измерения науки как знания. Поскольку именно научные знания, а также специфика, мотивация, аксиология и иные особенности их получения, во многом формируют интегральный исторический культурный облик науки, как самобытной сферы человеческой деятельности акцентированной, преимущество на продуцирование нового знания². В знаниях, поставляемых наукой обществу, зачастую, словно в зеркале отражается современный уровень развития всей науки – как формы деятельности и особого социального института – ее познавательные акценты, доминантные исследовательские области, гносеологические трудности и, опосредованно, даже смысложизненные императивы и ценности ее создателей – ученых. Научные знания неизменно коррелируют со всей наукой, в целом, и окружающим, а параллельно стимулирующим и детерминирующим ее развитие, социокультурным контекстом, в частности. Поэтому, осмысляя изменения и характерные новообразования, наблюдающиеся в структуре научного знания на волне массовизации, мы одновременно диагностируем симптоматические метаморфозы всей научной области и, шире, всей современной культуры, вбирающей и духовно окрашивающей эту область, в контексте данных процессов.

¹ Горохов В.Г. Научно-техническая политика в обществе не-знания // Вопросы философии. 2007. №12. С. 69.

² См.: Основы философии науки. Отв. ред. В.П. Кохановский. М., 2007. С. 25. и др.

Знания, являясь важнейшей системообразующей гранью науки, также оказались подверженными действию процесса массовизации в двух его базовых аспектах – количественно-онтологическом и качественно-аксиологическом. Иными словами, они подобно всей социокультурной сфере и науке, как ее части, подверглись омассовлению и массофикации.

Под омассовлением научного знания следует понимать, в первую очередь, рост его количественного массива, опредмеченного в разнообразных научных изданиях и изобретениях, что стало непосредственным результатом динамичного развития научной сферы, начиная с индустриального периода становления цивилизации, когда наука, востребованная обществом, главным образом, в прикладной своей плоскости, постепенно превратилась в мощнейшую производительную силу¹. Именно со второй половины XIX века наука, как уже отмечалось в предыдущей главе, закономерно, вслед за остальным обществом и в ответ на его запросы, вступает в стадию комплексного омассовления – количественно-онтологического увеличения элементов своего бытия.

В ходе омассовления научное знание вскоре потеряло свою изначальную культурную исключительность, обрело вместе с небывалой социальной важностью и беспрецедентную обыденность, привычность, став очередным элементом разрастающейся массовой повседневности. С течением времени, особенно с наступлением постиндустриального периода, наука и знания, продуцируемые ей, настолько сливаются с повседневной жизнью техногенной цивилизации, автоматически ассоциируются с нею в массовом сознании, что даже начинают испытывать со стороны повседневности и ее элементов все более мощное обратное влияние, вынуждены учитывать его и, нередко, под него подстраиваться: «Влияние повседневности на науку становится явным, когда мировоззренческое значение повседневности

¹ См.: Горохов В.Г. Междисциплинарные исследования научно-технического развития и инновационная политика // Вопросы философии. 2006. №4. С. 84; Никифоров А.Л. Фундаментальная наука в XXI веке. Фундаментальная наука умирает? // Вопросы философии. 2008. №5. С. 59. и др.

сравнивается со значением науки, а то и превышает его, соответственно снижая авторитет научного знания. Происходит это в последней четверти XX столетия. <...> Образы научного знания становятся в ряд с другими картинами повседневного бытия, и их обоснованность, доброкачественность, продуктивность должны быть доказаны во взаимодействии с другими представлениями повседневности»¹.

Именно в процессе омассовления, научное знание, в том числе и в рамках своего предметного бытия², становится очень распространенным, а потому обыденным и привычным элементом массовой повседневности. Естественно, подобная «обыденность» отнюдь не является залогом того, что научное знание адекватно понимается, а тем более успешно продуцируется преобладающей частью представителей массового общества, однако сегодня оно определенно не воспринимается ими как исключительный, уникальный, единичный духовный артефакт. Кроме того, сама возможность приобщиться к целенаправленному производству научного знания, став ученым, получило в рамках техногенной цивилизации и в процессе омассовления науки значительное количество людей, постепенно нивелировавших тем самым профессиональную социокультурную исключительность данной деятельности.

Омассовление научного знания, как процесс объективный, постоянно ускорялось во времени, прогрессируя не только в количественном, но и в качественном плане на гребне во многом стимулируемого им самим общественного научно-технического прогресса. Неуклонно возрастающий в ходе динамичного омассовления науки, детерминированного не столько познавательными, сколько производственными интересами и задачами, массив научных знаний, в первую очередь прикладного характера, постепенно обретал все более ярко выраженные товарные черты. Последнее

¹ Кемеров В.Е. Социальная обусловленность познания: динамика проблемы // Вопросы философии. 2008. №10. С.30-31.

² См.: Касьян А.А.. Контекст образования: наука и мировоззрение. Н.Новгород, 1996. С. 28.

обстоятельство было обусловлено тем немаловажным и принципиальным фактом, что «в демократической системе рыночного хозяйства знания рассматриваются как товар»¹. В результате, в рамках массового общества омассовленное, т.е. получившее широкое социокультурное распространение, научное знание одновременно становится объектом не только массового производства, но и массового потребления, со всеми вытекающими отсюда мировоззренческими, этическими и аксиологическими последствиями.

Именно в процессе омассовления научного знания оно все чаще обретает, в преимущественном количестве исследований, проектов и разработок, прикладные черты и направленность, продиктованную рынком, тем самым, подпадая под его влияние: «Как только была осознана прикладная ценность научного знания, оно все больше стало попадать под власть крупного капитала»². В экономической ценности, рентабельности и прибыльности научного знания, в первую очередь в рамках прикладного его измерения, коренится еще один базовый источник омассовления этого типа знания. Омассовляясь, в угоду потребностям общественного развития и коммерческим интересам инвесторов, научное знание плавно, но неуклонно утрачивало черты элемента элитарной духовной культуры, динамично перемещаясь в опредмеченную плоскость массовой материальной цивилизации и прочно укореняясь в ней в качестве одного из ее оснований.

Здесь же, применительно ко всем граням бытия науки, принципиально важно отметить, что омассовляются (так же как и массофицируются) в первую очередь не научные знания (деятельность, социальный институт), а их творцы - ученые – одухотворенные монады цивилизации, изначальные источники и проводники всех новообразований и тенденций в сфере науки. Пребывая в ситуации определенной общественной необходимости, ученые вынуждены, вольно или невольно, подстраиваться под нее, даже если не

¹ Горохов В.Г. Научно-техническая политика в обществе не-знания // Вопросы философии. 2007. №12. С. 70.

² Никифоров А.Л. Фундаментальная наука в XXI веке. Фундаментальная наука умирает? // Вопросы философии. 2008. №5. С. 59.

принимая, то постоянно учитывая ее нормы, идеалы и требования. Массовое общество породило новую общественную необходимость, ставшую источником соответственно массовой потребности в научном знании, которую и призвано было удовлетворить растущее сообщество ученых. Иными словами, процесс омассовления научного знания является столь же объективным и исторически закономерным, как и омассовление всей науки, поскольку выступает следствием фактически нерасторжимой зависимости современного ученого от окружающего и формирующего его социокультурного контекста.

Процессу омассовления подверглось, в первую очередь, прикладное – более востребованное массовым обществом и потребителями, как его ключевыми фигурами, – научное знание¹. По сути, процесс развития и расцвета техногенной цивилизации, особенно начиная с индустриальной ее стадии, стал одновременно процессом развития и расцвета прикладного знания - порождения данного цивилизационного типа и, одновременно, основного катализатора его стремительного становления. Прикладное научное знание и созданные на его основе технические разработки кардинально изменили материальный мир человечества, став одними из главных источников роста консюмеристских настроений и тенденций в обществе и его культуре. Современное общество, испытывая потребность в постоянном обновлении элементов материальной сферы, необходимых для отправления имманентно неисчерпаемого культа потребления, является обществом, которое просто «вынуждено стимулировать нововведения»², а потому регулярно поставляет все новые заказы на данный тип знания, что выступает постоянным стимулом и источником его дальнейшего стремительного омассовления. Принимая во внимание справедливость тезиса

¹ См.: Порус В.Н. Этика науки в структуре философии науки // Этнос науки. М., 2008. С. 104-105.

² Горохов В.Г. Междисциплинарные исследования научно-технического развития и инновационная политика // Вопросы философии. 2006. №4. С. 83.

о том, что «потребление – другой диалектический полюс производства»¹, следует отметить, что динамичное расширение производства научного знания, четко обозначившееся в начале индустриального периода, было в значительной степени обусловлено возрастанием «потребительской ценности» данного типа знания. В результате, именно омассовление научного знания, главным образом, в прикладном его измерении, выступило одним из доминантных импульсов для стремительного роста потребления в рамках техногенного общества, оформив при этом основной вектор и парадигму его цивилизационного прогресса. Иными словами, прикладное научное знание во многом обязано своим широким социальным распространением и укоренением неисчерпаемой потребительской ментальности социокультурного пространства современности, которая, в сущности, таит в себе глубокую экзистенциальную угрозу для всего социума: «Фундаментальное противоречие между ограниченностью ресурсов и безграничностью потребностей ведет потребительно ориентированное общество к кризису»². Все это позволяет сделать вывод о том, что фактически неконтролируемое омассовление прикладного научного знания, стимулированное имманентно присваивающей природой человека, удовлетворяя и порождая все новые его запросы, одновременно актуализирует разрушительный потенциал эсхатологической перспективы вида homo, о чем отдельные представители научного сообщества заговорили во второй половине XX века: «Искусственная направленность техногенной трансформации общества ведет к разрушению природной среды и нарастанию эволюционного экологического кризиса и экологического коллапса человечества, о котором предупреждали ученые Римского клуба три десятилетия назад»³. Таким образом, омассовление научного знания,

¹ Кузнецова Л.В. Дурная бесконечность символического потребления // Философия и общество. 2008. №3. С. 127.

² Сапожников Е.И. Общество потребления в странах Запада // Вопросы философии. 2007. №10. С. 57.

³ Дергачева Е.А. Социоприродная проблематика в глобалистике // Философия и общество. 2008. №3. С. 119.

взятого в модусе его прикладного измерения, неся на себе отпечаток породившей данный процесс техногенной цивилизации, не только обеспечило ей развитие и материальное процветание до сегодняшнего дня, но и заложило в ее онтологические основы ряд серьезных экзистенциальных противоречий.

В рамках массового индустриального, а, впоследствии, постиндустриального общества, процесс омассовления закономерно затронул научные знания, причем в рамках не только прикладного (преобразующего, изменяющего), но и фундаментального (познающего, объясняющего) их типа. При этом омассовление последнего протекало с характерной спецификой, тоже в значительной степени обусловленной окружающим социокультурным контекстом.

Рассуждая об особенностях процесса омассовления фундаментального научного знания, который также имеет место в ходе исторического становления техногенного общества, важно учитывать то немаловажное обстоятельство, что в своем самобытном элитарном культурном прошлом, наука появилась и существовала, преимущественно, в модусе фундаментального знания. Прикладное знание выделилось уже на фоне фундаментального, став характерной чертой современной науки – науки массовой. Однако, несмотря на веяния и реалии техногенной действительности, не вызывает сомнений следующий тезис и вложенный в него смысл: «То, что действительно делает науку великой, заключается в том, что она объясняет мир. И выполняет эту функцию преимущественно фундаментальная наука»¹. Действительно, духовная исключительность науки как отдельного элемента культурной сферы связана именно с ее познающей бытие в различных его проявлениях функцией, аккумулятивной в виде фундаментального научного знания. Поэтому так важно осмыслить метаморфозы, происходящие со знанием данного типа, некогда исходной первоосновой науки, конституирующей ее уникальность и самобытность как

¹ Мамчур Е.А. Образы науки в современной культуре. М., 2008. С. 356-357.

отдельного элемента культуры человечества, в контексте процессов современной массовизации.

Сегодня, когда «прикладная наука отрывается от фундаментальной, образуя и свое сообщество, и свое знание и свое самосознание»¹, для развития и сохранения высоких темпов продуцирования фундаментального типа научного знания складываются непростые социокультурные условия. Фундаментальное знание, несомненно, уступает прикладному в плане своей коммерческой приложимости и рыночной востребованности, что в современной ситуации, когда «научное знание становится товаром, ученый – работником, производящим этот товар»², делает перспективы развития «чистого знания» туманными и тревожными в глазах многих представителей научного и философского сообщества. Однако, несмотря на то, что основной вектор развития техногенной цивилизации определил преимущественную роль прикладного знания, обусловив тем самым его динамичное развитие и широкое распространение, омассовлению в исторических условиях складывания массового общества закономерно подверглось и фундаментальное научное знание.

Действительно, за период становления техногенного общества, выступившего колыбелью «большой науки» - науки, как мощной производительной силы - количество и размах выдающихся открытий, совершенных значительно возросшим количеством ученых в области фундаментальной науки, являются поистине значительными, пусть, зачастую, так и оставшимися неопредмеченными практикой: «Симптоматично, что одним из самых бесполезных на практике открытий XX века стала... теория относительности, одновременно признанная величайшим научным открытием истекшего столетия»³.

¹ Пружинин Б.И. Фундаментальная наука в XXI веке. Надеюсь, что будет жить // Вопросы философии. 2008. №5. С. 71.

² Никифоров А.Л. Фундаментальная наука в XXI веке. Фундаментальная наука умирает? // Вопросы философии. 2008. №5. С. 59.

³ Юревич А.В. Асимметричное будущее // Вопросы философии. 2008. №7. С. 80.

Фундаментальное научное знание на волне массовых процессов формирующегося техногенного общества – индустриализации, урбанизации, демократизации – омащовлялось подобно прикладному, хотя и менее динамично, поскольку с самого начала его базовый духовный принцип – производство знания для получения нового знания – мало коррелировал с смысложизненными установками формирующегося общественного типа и его представителей. Истоки омащовления фундаментального знания – количественно-онтологического расширения его модусов и элементов в культуре – коренились, главным образом, в ситуации объективно возросшего количества представителей научного сообщества, многие из которых, особенно на первых порах становления индустриального общества и на основе идеалов, сформированных подвижническим опытом великих предшественников-ученых, искренне полагали главной задачей науки получение нового знания, а потому активно занимались именно фундаментальными исследованиями. Однако общество, продолжая во многом воспринимать науку в русле ее прежних культурных образов и стереотипов, параллельно все более настойчиво требовало от ученых производства, в первую очередь, знания полезного, преобразующего, прибыльного, экономически целесообразного. Последние, будучи вынужденными выполнять социальный заказ, наличие которого они, собственно, и были обязаны широким развитием и подлинной институционализацией своей профессии, все чаще переключали познавательный интерес с фундаментального исследовательского поиска на прикладные разработки. В результате, крен от фундаментального к прикладному знанию произошел в массовой науке техногенного общества довольно быстро. При этом, разумеется, не следует забывать, что здесь анализируются самые общие, метафизические основы научного развития последних полутора столетий, и при этом рассматриваются, учитываются и прекрасно осознаются факты выступающие нередкими исключениями из осмысляющихся здесь закономерностей. Подобными фактами являются

сочетание фундаментальных и прикладных разработок в деятельности значительного числа ученых, и даже существование вплоть до сегодняшнего дня множества талантливых «чистых» (производящих преимущественно фундаментальное знание) исследователей. Но данные и близкие им факты являются, все же, немаловажными исключениями, правило же развития массовой науки техногенного общества можно кратко обозначить следующим тезисом: «Современная наука во все большей степени приобретает прикладной характер»¹. Иными словами, доминантная общественная ментальность и необходимость просто не могли не сказаться на науке, которая в ходе своей комплексной массовизации теснейшим образом переплелась с обществом, стимулирующим, направляющим и, нередко, даже определяющим магистральные направления и пути ее развития. В результате производство фундаментального знания в современной науке, естественно, сохранилось, по-прежнему конституируя и оформляя ее как самобытную и имманентно высокую область культуры человечества, но закономерно отошло на второй план, заслоненное прикладными результатами науки, обращенными, преимущественно, не к истинам бытия, но к реалиям быта, а потому лучше сочетающимися с социокультурными ритмами массовой повседневности.

Таким образом, фундаментальное знание омащовлялось, в первую очередь, не потому, что было, подобно прикладному знанию, востребовано формирующимся массовым техногенным обществом, а по причине духовно-ментальной укорененности его в сознание многих исследователей как образца подлинного, собственно научного знания, который они усвоили от своих великих предшественников. В результате омащовление (количественное увеличение в культуре) образцов фундаментального знания осуществлялось, по сути, на базе некой субкультурной инерции современного научного развития, внешние условия которого претерпели

¹ Никифоров А.Л. Фундаментальная наука в XXI веке. Фундаментальная наука умирает? // Вопросы философии. 2008. №5. С. 58.

коренные изменения, а внутренние, мировоззренческие и экзистенциальные основы и идеалы, остались, у многих исследователей, традиционно классическими – духовно элитарными. В связи с этим можно подчеркнуть, что омассовление фундаментального знания было естественным процессом – закономерным отражением роста числа исследователей, значительная часть из которых сохраняла классические представления о целях и задачах науки, а, следовательно, стремилась, пусть, порой, и в том числе, к получению «чистого» знания, знания ради самого знания.

В данном смысловом контексте динамичное омассовление прикладного знания следует охарактеризовать как искусственный, в рамках самобытного исторического бытия науки, процесс, санкционированный почти исключительно внешними, вненаучными социокультурными факторами и причинами.

Анализируя процесс омассовления научного знания, как фундаментального так и прикладного его типов, следует помнить, что оно разворачивалось в разные периоды становления техногенного общества, каждый из которых откладывал на диалектику их соотношения и взаимовлияния в рамках науки свой неповторимый духовно-ценностный отпечаток. Говоря об омассовлении научного знания, в частности, фундаментального знания, следует также отметить, что со временем отмеченная нами «классическая» субкультурная инерция, по которой, во многом, развивалось и прогрессировало «чистое» знание в новых исторических условиях, стала постепенно ослабевать. Что явилось результатом отхода многих исследователей, выросших в качественно новой информационно-культурной среде, от былых – классических представлений о науке, и обусловило дальнейшее снижение позиций фундаментальной науки по отношению к прикладной, которое мы наблюдаем сегодня. Подобный отход, ослабление элитарных принципов и идеалов научного поиска был во многом детерминирован и предопределен ускорением процесса научной массофикации – аксиологического, этического и

мировоззренческого перерождения антропологического измерения науки – к комплексному анализу которого мы обратимся позднее.

Изучая феномен омассовления научного знания, сложившийся и оформившийся в рамках становления техногенной цивилизации, следует рассмотреть еще одно немаловажное смысловое измерение современного взаимодействия фундаментального и прикладного в науке. Данное измерение обозначилось и проявилось в рамках проблемы «затоваривания научного знания»¹. Суть этой проблемы заключается в том, что «фундаментальная наука накапливает производимое ею знание быстрее, чем прикладная наука превращает его в практически полезное, прибыльное знание. Наблюдается «затоваривание» фундаментального знания, накапливается его «непереваренный» прикладной наукой избыток, и общество стремится «притормозить» фундаментальную науку, пока производимое ею знание не будет утилитаризировано»². Иными словами, в ходе своего комплексного омассовления, обусловленного, главным образом, субкультурными внутринаучными факторами, фундаментальное знание в массовой науке техногенной цивилизации прогрессировало и накапливалось, несмотря на сравнительно незначительную его стимуляцию со стороны общества, настолько быстро, что ученые-прикладники не успевали его своевременно использовать и перерабатывать для практических нужд. Следствием чего и стало «затоваривание» данного знания – «говорящая» категория, которая могла возникнуть применительно к этому, «чистому» типу знания для характеристики знаковых тенденций его современного состояния, только в соответствующем социокультурном контексте, где знание, в том числе фундаментальное, рассматривается в первую очередь как товар со всеми вытекающими отсюда последствиями. В рамках проблемы «затоваривания» фундаментальное знание выступает уже не как культурная первооснова, базис науки и интеллектуально-духовная вершина всего цивилизованного

¹ См.: Юревич А.В. Асимметричное будущее // Вопросы философии. 2008. №7. С. 78-81.

² Юревич А.В. Асимметричное будущее // Вопросы философии. 2008. №7. С. 80.

человечества, а лишь как теоретический фундамент для производства знания прикладного – фасада современной науки.

Такое понимание места и роли фундаментального знания в единой системе научных знаний заставляет задуматься о перспективах и путях дальнейшего развития всей науки, в частности о том, что «чистая наука теперь может сохранить себя как самостоятельный социокультурный феномен только в качестве основания (фундамента) для прикладного исследования»¹. А подобная постановка обозначенной проблемы, очерчивает для науки как исторически элемента высокой культуры сомнительные перспективы, порождая тревожные опасения: «И если этот смысл термина «фундаментальный» применительно к науке становится сегодня главным, то, на мой взгляд, в этом качестве она обречена на культурное вырождение и в перспективе может стать ненужной. Вместе с породившей ее культурой»². Несмотря на присущий пессимизм, подобные прогнозы далеко не беспочвенны, ведь современная наука, оказавшаяся на перепутье ценностей и идеалов, получает все меньше духовных импульсов от своих элитарных культурных истоков, зародившихся в прошлом, и все больше обращается к массовизированному настоящему, где «фундаментальное» производится, главным образом», для того, чтобы «опредметить» на его основе нечто «прикладное» - полезное, прибыльное, а потому ценное и перспективное. В контексте данных рассуждений синдром затоваривания – закономерный итог современного развития фундаментального знания, которое в процессе своего комплексного омащивления достигло значительных высот в рациональном постижении мира, но оказалось, применительно к большинству многочисленных его результатов, не оцененным прагматичным техногенным обществом. Иными словами, аскетично-подвижнический этос фундаментальной науки, являющийся наследием ее элитарных культурных истоков, когда она была делом, а нередко и целью жизни относительно

¹Пружинин Б.И. Фундаментальная наука в XXI веке. Надеюсь, что будет жить // Вопросы философии. 2008. №5. С. 71.

²Пружинин Б.И. Фундаментальная наука в XXI веке. Надеюсь, что будет жить // Вопросы философии. 2008. №5. С. 71.

небольшого числа ученых-энтузиастов, вступил в закономерное противоречие с доминантной ментальностью консюмеристски ориентированного массового общества. Следствием этого стало социальное равнодушие к результатам фундаментального познания, которые в рамках отмеченной нами духовно-культурной традиции по инерции активно накапливались в формирующейся «большой» науке.

Подлинные корни «затоваривания» омассовленного фундаментального научного знания кроются, на наш взгляд, в принципиальном различии духовно-нравственных парадигм, лежащих в основе фундаментального и прикладного научного знания, первое из которых ориентировано, преимущественно, на поиск истины, второе - на извлечение пользы. Дело в том, что фундаментальное знание, его результаты и следствия всегда много богаче вытекающей из них научной практики, поскольку данная практика, опредмеченная посредством прикладного знания, является лишь одним из множества проявлений какого-либо фундаментального закона, принципа, положения. Любое фундаментальное открытие создает новый колоссальный простор для развития практики в той сфере бытия, в которой оно было сделано. Поэтому затоваривание «чистого» знания обусловлено принципиальной неспособностью прикладного знания опредметить весь сконцентрированный в фундаментальном знании преобразовательный потенциал, который, будучи не использован, представляется в рамках новой духовно-нравственной парадигмы цивилизованного развития застывшим, «затоваренным» балластом, остающимся неиспользованным до лучших времен развития научной практики. Иными словами, фундаментальное знание внутренне несоизмеримо богаче и многограннее прикладного, поскольку несет в себе базовые законы, практическое проявление и применение которых, как правило, очень многообразно и часто просто невозможно на современном им уровне развития техники. При этом фундаментальное знание по сути своей ориентировано не коммерчески, а познавательно. Однако укоренившееся в техногенной цивилизации

представление о необходимости извлекать прибыль из всего, что стало объектом тех или иных инвестиций, заставляет и на фундаментальное знание смотреть как на подобный объект, а потому считать затоваренным, если уровень его развития, как количественный, так и качественный, превышает на данный момент насущные потребности и возможности практики.

Таким образом, синдром затоваривания является, в том числе, закономерным последствием омассовления фундаментального знания, которое, в рамках массовой науки техногенного общества значительно расширило свои теоретические количественно-онтологические пределы и, одновременно, в рамках формирующейся потребительской ментальности стало представляться, главным образом, как своеобразный товар, выступающий в качестве имманентной основы для практики. Существование неопредмеченного практикой «избытка» данного товара и позволило говорить о затоваривании фундаментального знания, а, следовательно, необходимости приостановить, или, как минимум, не форсировать его приращение, в котором, якобы, отсутствует непосредственная производственная необходимость. Все это на фоне динамичного ускорения прикладных разработок дополнительно стимулировало отход фундаментальных знаний и исследований на вторые, подчиненные роли в современном научном развитии, протекающем в социокультурных условиях, где «люди весьма скептически относятся к «открытиям, опередившим свое время», которые подобно теории относительности, не приносят коммерческих результатов»¹.

Омассовление научного знания, как фундаментального, так прикладного, отразило и преломило в себе ритмы и векторы становления массовой цивилизации, где науке была уготована роль важнейшей производительной (главным образом, в прикладном аспекте) силы, что естественно повысило социальную роль преобразующей ее составляющей и ослабило, в глазах общества, значение познающей. Результатом чего выступило резкое

¹ Юревич А.В. Асимметричное будущее // Вопросы философии. 2008. №7. С. 81.

увеличение числа прикладных изобретений на фоне постепенного снижения количества и темпа фундаментальных открытий (хотя и не во всех сферах)¹, которые, становясь, как правило, все более затратными, и нередко опережая научно-технические возможности своего времени, предстают малорентабельным, затоваренным теоретическим ресурсом, ждущим нового уровня развития базирующейся на нем практики.

В социокультурных условиях техногенной цивилизации научное развитие было искусственно встроено в новую систему духовно-культурных координат, в которой полезность знания, стала котироваться выше его истинности. Это отнюдь не свидетельствует об упадке науки: внешние темпы ее институционального становления впечатляют, а массив производимых знаний, как прикладных, так и фундаментальных постоянно растет, нередко становясь неподъемным грузом для истощенной планетарной экосистемы². Но подобная смена координат подвергла кардинальным изменениям этические, мировоззренческие культурные основы науки, которая, через исторически закономерное омассовление элементов своего бытия, стала важной, но, по сути, рядовой производительной силой массового общества, сменив былой пафос бесконечного познания бытия на прагматику современного преобразования его элементов. Омассовление размыло элитарные духовные традиции науки, нивелировало социокультурную исключительность производимого ею интеллектуального ресурса - знания, которое в рамках консюмеристской ментальности потребительского общества стало представлять, в том числе, нередко, в глазах самих ученых, обыкновенным товаром, массовым элементом повседневности.

Принципиальные количественно-онтологические и статусные изменения, которые претерпело научное знание и его базовые типы в контексте процесса своего омассовления существенно изменили отношение к

¹ См.: Мамчур Е.А. Фундаментальная наука в XXI веке. Нет, она будет жить! // Вопросы философии. 2008. №5. С. 61.

² См.: Дергачева Е.А. Социоприродная проблематика в глобалистике // Философия и общество. 2008. №3. С. 119-120.

данному виду знания в обществе и культуре. Обретя внешнюю массовость, через возросшее число производящих его ученых, оно вскоре стало улавливать из того же антропологического источника импульсы внутренней массовости – оказалось подверженным процессу массофикации вместе с продуцирующими его людьми, функционирующими в манипулятивных аксиологических рамках титульной культурной формы техногенной цивилизации.

Став обыденным элементом массовой повседневности, активно соприкасаясь и взаимодействуя с другими ее областями, научное знание не могло не воспринять и определенным образом трансформировать в себе доминантные духовные импульсы и веяния данной повседневности, аккумулированные в рамках массовой культуры и ставшие одним из источников массофикации научного знания.

Расширившиеся в ходе омассовления онтологические границы науки, одновременно стали проницаемыми, более зависимыми извне и менее защищенными изнутри от многообразного влияния окружающего социокультурного контекста, изначальный внутренний иммунитет к которому науки постепенно начал слабеть. Постоянно усиливая воздействие на него, и, одновременно, обретая все большую комплексную зависимость, наука постепенно становилась имманентной его частью, органичным системным элементом, тесно переплетенным и связанным с остальными гранями современной цивилизации, а потому развивающимся с ними в едином информационном и ментальном поле. Доминантные смысложизненные установки данного поля, нередко имеющие манипулятивные, искусственно стимулируемые для достижения определенных целей, истоки¹, просто не могли не проникнуть в науку в рамках модуса ее массофикации, который необходимо осмыслить применительно к научному знанию.

¹ См.: Тульчинский Г.Л. Массовая культура как воплощение гуманизма Просвещения, или Почему российское общество самое массовое // Философские науки. 2008. №10. С. 43.

Говоря о массофикации научного знания, мы рассуждаем, прежде всего, о воздействии социокультурных факторов, обусловленных становлением массового общества и массовой культуры, на различные его духовно-ментальные стороны и субъективные – в значительной степени зависящие от императивов и акцентуаций личностной сферы ученых - составляющие: идеалы, цели и задачи, рациональность, на базе которой оно продуцируется, этические нормы, познавательные принципы и т.д. Поскольку социокультурные импульсы воздействуют в первую очередь на антропологический пласт науки, а уже через него экстраполируют во все ее системообразующие грани и основания, в том числе и в научные знания. В результате последние, как правило, не являются оторванными от окружающего, стимулирующего, детерминирующего, дозирующего их общественного контекста и его доминантных духовно-культурных веяний. Более того, специфические процедуры эмпирического и теоретического научного исследования всегда опосредуются социокультурными факторами, и тем выше, чем выше единство, синкретичность и проницаемость информационного пространства современности. Иными словами, информационные условия массовой техногенной цивилизации, особенно начиная с постиндустриального ее этапа, стали, своего рода тепличными для интервенции внешних массовизированных социокультурных факторов в научное бытие. Это и обусловило появление в его границах, в том числе, в знаниях, характерных изменений, коррелирующих с базовыми идеалами и ментальностями своего времени: «Результатом вторжения масс в элитарные прежде виды деятельности – науку, искусство, политику – является привнесение в них соответствующих эталонов мышления и практики»¹. Иными словами, подобное «вторжение» осуществляется в рамках становления техногенной цивилизации не только в количественном, но и качественном – аксиологическом - аспекте, причем последний, нередко,

¹ Мартишина Н.И. Наука и паранаука в духовной жизни современного человечества. Омск, 1997. С. 143.

представляется гораздо более значимым, поскольку преобразует не столько внешнюю форму того или иного феномена, сколько видоизменяет его проявления, состояния и даже суть.

Омассовление научного знания выступило непосредственным отражением омассовления всего социального организма – становления массового общества. Аналогично массофикация научного бытия и его системообразующих граней, в том числе знания, протекала под действием массофикации всей культурной сферы – в контексте и под влиянием силового ценностного поля формирующейся массовой культуры. Именно процесс массофикации – качественно-аксиологического видоизменения – научного знания обусловил многие принципиальные сдвиги в антропологическо-субъективной составляющей этого знания, существенно опосредующей его получение – идеалах, целях, нормах, рациональности, этосе. Поскольку знание всегда, так или иначе, укоренено в производящего его человека, стимулируется и направляется мировоззрением, ценностями, интересами и идеалами своего создателя, то изменение данных субъективных характеристик и составляющих личности ученого закономерно ведет и к определенному изменению продуцируемого им знания.

Качественно-аксиологический аспект проникновения массовых ценностей в науку, в том числе в научные знания, связан, в первую очередь, с общественным укоренением, распространением и воздействием на сознание ученого тех духовных явлений и процессов современности, которые синтезировались и проявились в рамках противоречивого феномена массовой культуры. При этом важно подчеркнуть то обстоятельство, что «массовой» эту культуру делают не столько количественные характеристики ее элементов, сколько качественные аспекты: ценности, идеалы, смыслы, оформляющие ее бытие¹.

Массовая культура обозначается и диагностируется как полюс культуры элитарной, во многом, по принципу иной ментальной и аксиологической

¹ См.: Соколов Е.Г. Аналитика масскульты. СПб., 2001. С.38-41.

базы, лежащей в ее основе, а отнюдь не большей онтологической распространенности своих артефактов. В рамках интересующей нас проблемы массофикации научного знания нужно попытаться установить и осмыслить пути, признаки и последствия проникновения элементов данной аксиологии в указанную грань бытия науки.

Научные знания, как нами уже отмечалось, подвергаются массофикации через манипулятивное воздействие ценностей глобализирующейся массовой культуры на личность ученого, продуцирующего данные знания, его ментальность и экзистенциальные императивы. «Массовая культура растворяет человека в стихиях бессознательного»¹, аффективно-чувственного, притупляя высокие творческие идеалы, стимулируя сиюминутные потребительские инстинкты. В результате элитарные области культуры через своих представителей наполняются массой изнутри, сохраняя идентификационные признаки высокой культурной традиции чисто внешне, внутренне же – этически, аксиологически, мировоззренчески – становясь, во многом, духовным инобытием, модусом массовой культуры. Вектор исторического становления массового техногенного общества – вектор глобализационный, в том числе и в культурной сфере, глобализация которой осуществляется путем унификации культурного универсума в категориях масскульты, что выражается в постепенном испарении внутренней элитарности из высоких областей культуры через ослабление ментальных границ между ними и всепроникающей культурой масс: «Свидетелями процесса дальнейшего разрушения казавшихся некогда достаточно прочными социальных границ, процесса утраты гипотетической демаркационной линией, пролежавшей между поклонниками высокой культуры и потребителями культуры массовой, той определенности, которая признавалась за ней еще в сравнительно недавнем прошлом, мы в настоящее

¹ Тульчинский Г.Л. Массовая культура как воплощение гуманизма Просвещения, или Почему российское общество самое массовое // Философские науки. 2008. №10. С. 42.

время и являемся»¹. Действительно, «фактически заменяя государственные институты, массовая культура выступает манипулятором-регулятором психического и нравственного состояния общества»², а потому полностью укрыться от гравитационного воздействия ее силового аксиологического поля в современных информационных условиях представляется маловероятным.

Массофикация культурных областей техногенного общества, в том числе области науки, привела к существенной унификации их аксиологического поля, незримо, замещению традиционных, классических идеалов, смыслов, ценностей их духовной экзистенции одномерными симулякрами масскульта, изначально встроенными во всеохватывающую систему товарно-денежных отношений. Посредством манипулятивной диффузии ценностей масскульта в высокие сферы культуры данная система и имманентные ей этика и прагматика все более прочно укореняются в бытие этих сфер: «В массовой культуре товарно-денежные отношения втягивают в себя не только экономику, но и культуру в целом, включая научное и художественное творчество. Практически все артефакты культуры становятся товаром, а деньги буквально становятся «всеобщим эквивалентом»³. Иными словами, оказавшись органично встроенным в массовое техногенное общество, бытие науки не могло остаться в стороне от формируемой данным обществом системы основных смысложизненных, в том числе и культурных, координат и парадигм, которые в значительной степени определяют духовные состояния, качества, смыслы, лежащие в основе данного бытия и его элементов, в том числе в основе научных знаний. В результате эти знания, меняясь вместе с современной наукой, не теряют своей внешней принадлежности к данной области культуры, но постепенно утрачивают вместе с ней свои элитарные духовно-этические первоосновы,

¹ Акопян К.З. По направлению к масскульту: наука и религия сквозь призму масскульта // Массовая культура и массовое искусство: «За» и «против». М., 2003. С. 213.

² Тульчинский Г.Л. Массовая культура как воплощение гуманизма Просвещения, или Почему российское общество самое массовое // Философские науки. 2008. №10. С. 43.

³ Там же. С. 40.

что находит выражения в характерных изменениях идеалов, целей, задач получения данных знаний, рациональности, лежащей в основе их производства. То есть, в процессе массофикации научного знания, оно не утрачивает, зачастую, внешних признаков и критериев научности, будучи продуцируемо на основе объективных научных правил, методов, стандартов и подходов, но видоизменяет свои традиционные ментальные основания, внутренние побудительные и направляющие импульсы его производства, укорененные в субъективность ученого, более подверженную влиянию окружающих социокультурных факторов, чем объективные научные элементы, признаки и составляющие. Однако роль данных, имеющих социокультурные корни, внутренних духовных «побудителей» – идеалов, ценностей, целей – в современной науке настолько велика, что во многом принципиально меняет всю картину научного бытия, в результате чего «Теперь уже доминантой становится позиция, которая основывается на социокультурном образе науки, вплетает ее в социальную и культурную действительность и старается размыть границы, установленные в стандартной концепции науки между научными и вненаучными формами знания»¹. Естественно, целенаправленное, ангажированное теми или иными вненаучными интересами размытие данных границ является недопустимым, но критичное осмысление реальных участков подобного «размытия» представляется продуктивным для комплексного изучения состояния и тенденций развития современного научного знания. Эти участки, нередко, и возникают в местах вкрапления в научное знание элементов массофицированной субъективности ученого – характерных идеалов, установок, целей, рациональных ориентиров – модусов, которые в значительной степени окрашивают знания, продуцируемые на их основе. Если в доиндустриальный период становления цивилизации данные духовные модусы у представителей разных культурных областей

¹ Лейси Х. Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание. Под ред. В.А. Яковлева. М., 2001. С. 18.

различались, то со временем, в рамках унифицирующего и манипулятивного воздействия массового общества и его титульной культурной формы, они во многом обрели схожие, инвариантные черты. Изучение подобных инвариантов позволяет критично осмыслить пути и механизмы проникновения элементов массовой аксиологии и ментальности в грани научного бытия.

В свете всего вышеизложенного, не вызывает принципиальных сомнений, положение о социокультурной соразмерности современного научного знания, о том, что «научные знания, хотя и произведены учеными с помощью научных методов, проявляются в обществе, как связанные социальным контекстом»¹. Выше, анализируя феномен омассовления научного знания, мы уже касались проблемы воздействия внешних - социальных факторов на знания, их количество и статус в культуре, диалектику фундаментального и прикладного знания и т.д. Здесь предстоит осмыслить внутренние - аксиологические, духовно-ментальные, этические - инварианты, сформировавшиеся в культуре в процессе массификации, и воздействующие ныне на субъективный пласт продуцирования научного знания. При этом, разумеется, следует учитывать то обстоятельство, что данные внешние и внутренние факторы всегда воздействуют на бытие науки и ученого, как антропологическую квинтэссенцию этого бытия, в едином, нерасторжимом социокультурном комплексе.

Итак, наука всегда соразмерна, релятивна той культуре, частью которой на определенном этапе исторического развития она выступает, что приводит к неизбежной социокультурной «субъектизации» научного знания: «Наука, будучи релятивной к той или иной культуре, несет на себе ее отпечаток. Этот отпечаток неустраним, и в этом смысле научное знание не является всецело объектным, а оказывается в определенной степени «субъектным»². Иными словами, научное знание в значительной степени имманентно современной

¹ Горохов В.Г. Научно-техническая политика в обществе не-знания // Вопросы философии. 2007. №12. С. 74.

² Мамчур Е.А. Образы науки в современной культуре. М., 2008. С. 277.

ему культуре, поскольку «оно содержит в себе компоненты, отражающие особенности познающего субъекта»¹, а данные компоненты, в частности модусы духовного плана – мировоззренческие, этические, ценностные – всегда укоренены, в той или иной степени, во вбирающий их носителя социокультурный универсум. Именно подобные компоненты и изменения, происходящие с ними в ходе все более интенсивно ускоряющегося в духовной плоскости культуры массового общества процесса массофикации, вызывают в нашем исследовательском контексте наибольший познавательный интерес.

Стремительное становление техногенной цивилизации, обернувшееся расцветом материальной и распылением духовной культуры, которая также оказалась встроенной в систему товарно-денежных отношений, привело к существенным мировоззренческим сдвигам в сознании субъекта познания, сказалось на его ментальности, психологии, соотношении смысложизненных императивов и ценностей. Прежние системы аксиологических координат, сложившиеся в различных областях культуры, подверглись существенному воздействию новой экзистенциальной аксиологии – аксиологии потребления, укоренившейся в массовом обществе и проявившейся в его титульной культурной форме. Черты данной аксиологии проявились и в науке, являясь отражением органичной включенности ученого в окружающий и во многом формирующий его массофицированный социокультурный контекст современности, диктующий новые цели, отражающий и стимулирующий иные идеалы: «В современном обществе наука развивается в направлении основных денежных потоков, которые, в свою очередь, направляются доминирующими общественными интересами, выражающими психологию современного человека»². В результате духовные компоненты человека науки, налагающие отпечаток, в том числе, и на производимое им знание – его мировоззрение, идеалы, рациональность, ценности, этические принципы

¹ Там же. С. 277.

² Юревич А.В. Асимметричное будущее // Вопросы философии. 2008. №7. С. 83.

– подверглись характерным изменениям, которые необходимо установить, проанализировать и осмыслить.

Итак, массофикация научного знания имеет своим источником массофикацию антропологического измерения науки – соответствующего изменения души и сознания исследователя под действием монополизирующейся в техногенном обществе аксиологии масскульта. Действительно, «если допустить, что сегодняшняя социокультурная ситуация способна деформировать даже антропологические характеристики человека»¹, то перед наукой, как самобытной областью культуры рисуются противоречивые перспективы. Однако, подобные «антропологические метаморфозы», угрожают, в первую очередь, не науке, а самому ее творцу – человечеству, поскольку ведут к созданию знаний, основанных на новых, видоизмененных в ходе массофикации, идеалах и целе-рациональных основаниях.

Духовные модусы, лежащие в основании субъективного пласта получения научного знания, а потому во многом определяющие его итоговые вид, назначение и характер, находятся в глубокой зависимости от социокультурного контекста, в который погружен носитель данных модусов - ученый. Массовые процессы современности не способствовали сохранению классических – элитарных идеалов научного познания, поскольку привели не только к модификации общественной формы техногенной цивилизации, но и к трансформации ее культурного содержания. Массовизация, действуя в двуединстве своих модусов, преобразовывала не только внешние декорации социокультурной жизни, но и ее исходную антропологическую составляющую – человека: «Растущая массовизация общества принципиально изменяет характер осмысления человеком собственной индивидуальности».² Утратив в рамках техногенного

¹ Пружинин Б.И. Фундаментальная наука в XXI веке. Надеюсь, что будет жить // Вопросы философии. 2008. №5. С. 67.

² Мартишина Н.И. Наука и паранаука в духовной жизни современного человечества. Омск, 1997. С. 144.

общества профессиональную социокультурную исключительность, оказавшись в конкурентной омассовленной научной среде, ученый бессознательно вовлекается в единое информационное, смысловое и ценностное пространство массовой цивилизации, активно воздействующее на его мировоззрение и идентификацию. Из субъекта, доминантно преданного элитарным идеалам познающей науки, он видоизменяется в субъекта, бессознательно претворяющего в жизнь массовые идеалы науки преобразующей, либо преследующей цели, далекие от собственно научных.

Процесс массофикации – становления массовой культуры в масштабах общества и массового человека внутри индивида – затрагивает научное знание и другие системообразующие грани научного бытия через изменение духовных модусов, лежащих в основе субъективного пласта науки, укорененного в личность ученого. Данные модусы – идеалы, цели, ценности, рациональные и этические нормы и т.д. – в значительной степени подвержены воздействию окружающей их носителя массофицированной социокультурной среды, а потому именно они оказались главными проводниками базовой аксиологии и ментальности массы в сферу науки.

Изменения указанных модусов, происходящие в науке в духе и под влиянием потребительски и прагматически ориентированной массовой культуры, диагностируются повсеместно. Одно из самых симптоматичных в их числе – фактическое замещение классического идеала науки, ориентированной, главным образом, на бесконечное постижение истины, идеалом науки, преимущественно направленной на современное преобразование бытия с целью извлечения практической пользы. Что не могло не сказаться на состоянии ценностных измерений научного знания: «В XX веке прагматическая полезность научного знания стала определяющим мотивом его получения»¹. Подобное замещение парадигмы познания, устремленной в будущее, парадигмой преобразования, встроенной в

¹ Никифоров А.Л. Фундаментальная наука в XXI веке. Фундаментальная наука умирает? // Вопросы философии. 2008. №5. С. 60.

настоящее, свидетельствует о формировании в контексте массовизации науки духовного феномена «реалитизации» научных идеалов. Суть данного феномена заключается в том, что если во времена классической науки научные идеалы, связанные с получением истинного знания, были потенциально неисчерпаемы, а потому принципиально недостижимы, то в современных условиях, прагматическо-прикладные идеалы науки, диктуемые ученым социокультурным контекстом, вполне достижимы, а потому реальны, что выступает своеобразным проявлением «здесь-и-теперь-психологии», характеризующейся «преобладанием узко прагматических ориентаций и быстро осуществимых намерений»¹ в науке.

Подобное «приближение», «приземление» идеалов, являясь отражением динамичного развития техногенной цивилизации, а также манипулятивным распространением потребительских и гедонистических, укорененных в сегодня, ценностей массовой культуры, нивелирует элитарные познавательные установки ученого, незримо заменяя их массовыми. Иными словами, замещение классических идеалов науки происходит как на базе экстрамассофикации – вынужденной ориентации исследователя на запросы массового общества в рамках выполнения того или иного социального заказа, чаще всего имеющего прикладную направленность, так и на основе интромассофикации – в результате принятия или усвоения ученым аксиологии, этики и ментальности масскульта.

Последнее обстоятельство, как нами уже отмечалось, особенно касается молодого поколения исследователей, выросших в условиях информационной гегемонии массовой культуры, а потому взирающих на элитарное прошлое науки как на красивое предание, элементы которого духовно возвышенны, но сегодня неактуальны, а потому мало привлекательны. В результате духовные первоосновы науки перерождаются вместе с их носителями – учеными, а диспропорция между элитарным и массовым в масштабах современного научного бытия становится все глубже: «Диспропорция, сложившаяся в

¹ Юревич А.В. Асимметричное будущее // Вопросы философии. 2008. №7. С. 81.

культуре, не безобидна, особенно если она принимает затянувшийся характер и люди, родившиеся после ее возникновения, уже не знают иной культуры»¹.

Массофикация, так или иначе, затрагивает все элементы субъективного – укорененного в личность ученого – измерения науки. Ментально-аксиологическому влиянию данного глобального процесса подвергаются не только идеалы и цели получения научного знания, становясь доминантно прагматичными, акцентуированными на востребованное обществом и культурой преобразование бытия, а не на постижение его устройства и сущности, но и рациональные основы данного типа знания.

Дело в том, что рациональность, являясь духовной составляющей познающего субъекта, теснейшим образом связана с окружающим его социокультурным контекстом, в значительной степени определяется и направляется им: «Сам стиль рациональности эпохи, складывающийся стихийно-исторически, укоренен в целостной ее культуре, а не в каких-то господствующих в конкретный исторический период идеях, философских, религиозных, научных или иных концепциях. Социально-историческая обусловленность стилей рациональности опосредуется стилем мышления эпохи, представляющим собой систему глобальных, по преимуществу имплицитных предпосылок мышления»². Подобными предпосылками мышления и выступают, зачастую, соответствующие идеалы, ценности и акцентуации личности – духовные модусы, определенным образом направляющие ее рациональность в русле той эпохи, под воздействием аксиологии и ментальности которой данные модусы были сформированы.

Эпоха массовой цивилизации формирует единый базовый тип рациональности, который, в общих чертах, исчерпывается «веберовским пониманием рациональности, как исчислимости, как выгоды, как

¹ Миронов В.В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. №2. С. 40.

² Философия: энциклопедический словарь. Под ред. А.А. Ивина. М., 2006. С. 720.

бухгалтерской калькуляции»¹. Иными словами, рациональным в техногенном обществе становится все прибыльное, рентабельное, окупаемое, ликвидное – приносящее по возможности значительный финансовый доход, выступающий незаменимой составляющей потребительства. Черты подобной рациональности, во многом сформированной имманентной прагматикой и ментальностью массовой культуры, всецело циркулирующей в аксиологических и онтологических пределах системы товарно-денежных отношений, прослеживаются сегодня в любой области культурной сферы, активно глобализирующейся в духе масскульта, в том числе и в области науки. Поскольку рациональность, как уже отмечалось, – интеллектуально-духовное проявление и выражение культурного фона определенной эпохи. Доминантным культурным фоном техногенной эпохи является массовая культура, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Массофикация, посредством унификации ментального пространства цивилизации на базе характерных ценностей, ориентирует рациональность человека по потребительскому вектору спроса-предложения, бессознательно направляя его активность в русло всеобъемлющих товарно-денежных отношений, замещающих духовно-нравственные начала в нем, плоским социорациональным набором инстинктов и рефлексов: «Современный человек живет в мире, где духовное и нравственное повсеместно подменяется социальным и рациональным. В свою очередь это не могло не сказаться на типе самого человека. В результате целой цепочки превращений в области фундаментальных констант возник социорациональный тип человеческой личности... Рациональный человек (в современных условиях. – М.С.) – продукт общества, он весь вовне и следует извне внушаемым правилам поведения»². Иными словами, доминирующий тип рациональности массового общества продиктован смысложизненными императивами данного

¹ Ракитов А.И. Регулятивный мир: знание и общество, основанное на знаниях // Вопросы философии. 2005. №5. С. 82-94.

² Лосева О.А. Культурологические парадигмы личности в XXI веке // Философия и общество. 2008. №2. С. 72-73.

общества и его культуры, в которых «этос эффективности, погони за успехом, престижем, трансформирует наличные идентичности»¹.

В результате действия обозначенных глобальных социокультурных механизмов рациональность ученого, лежащая в основе производимого им продукта – научного знания, и во многом определяющая его направленность, проблематику, специфику, содержание, существенным образом меняется, будучи в значительной степени обусловлена не внутринаучными основаниями, целями и задачами, а внешними, по отношению к науке, интересами личности, продиктованными массовым потребительским обществом. Следствиями данного обстоятельства становятся ментальные установки на производство знания, главным образом, востребованного, эффективного, прибыльного – отвечающего доминантной рациональной направленности техногенной эпохи, современником, участником и работником которой выступает ученый. Что в итоге опять же оборачивается процессом замены познавательных целей прагматическими, который «захватил, конечно, также общественные и гуманитарные науки»², а не только естественно-математические.

Обозначенные причины и следствия массофикации научного знания обусловлены воздействием социокультурных факторов на субъективный пласт науки – личность ученого, производящего данное знание, который в условиях техногенной цивилизации все более глубоко погружается в массовую повседневность, окрашивая через себя ее аксиологией, рациональностью и ментальностью все грани научного бытия. Иными словами, в контексте массофикации, меняются, в первую очередь, не сами научные знания, а духовные модусы ученого, от состояния которых зависит специфика производимого им знания. Наметившийся в контексте массовизации науки приоритет внешних, социокультурных целей научного

¹ Мариносян Х.Э. Национальное самосознание в эпоху глобализации // Философские науки. 2008. №7. С. 17.

² Никифоров А.Л. Фундаментальная наука в XXI веке. Фундаментальная наука умирает? // Вопросы философии. 2008. №5. С. 61.

развития над внутринаучными, преимущественно познавательными идеалами, ведет к дальнейшему погружению науки в повседневность, что влечет за собой много негативных последствий, вплоть до «снижения уровня методологических стандартов»¹. Поскольку получается, что «контекст применения (научного знания. – М.С.) становится конституирующим по отношению к процессу производства. <...> Решающим становится не столько «объективность» знания, но и практическая польза его в самых различных сферах применения. Такого рода изменения затрагивают... и эпистемологическое ядро науки»².

Таким образом, массофикация научного знания не только отражает рост зависимости души и сознания исследователя от окружающей социокультурной сферы, что выражается в производстве знаний, востребованных обществом, но и ведет к глубинным изменениям в объективных эпистемологических основаниях самой науки, которые тесным образом связаны с ее субъективным пластом и его духовными модусами – идеалами, целями, рациональностью, ценностями, этосом и т.д.

Массофикация, как процесс и результат становления ментально-аксиологического фона массовой культуры в массовом техногенном обществе, приводит к характерной унификации систем смысложизненных ценностей индивидов, в какой бы части социума и области культуры не протекала их жизнь и профессиональная активность. Неизбежно затрагивая сферу науки, антропологическое измерение которой пребывает в единых информационных условиях с остальными представителями современной цивилизации, она нивелирует элитарные духовные первоосновы научного творчества, замещая их массовыми, потребительскими по сути своей, ценностями и смысложизненными императивами. В результате, массофикация окрашивает субъективный пласт науки – духовную сферу

¹ Кемеров В.Е. Социальная обусловленность познания: динамика проблемы // Вопросы философии. 2008. №10. С. 30.

² Горохов В.Г. Научно-техническая политика в обществе не-знания // Вопросы философии. 2007. №12. С. 68.

ученого – аксиологией и ментальностью массового потребительского общества, черты которой ярко проявляются в его титульной культурной форме, что приводит к проникновению данных аксиологии и ментальности во все грани научного бытия, в том числе в научное знание, характер которого в значительной степени определяется состоянием и спецификой духовных модусов познающего субъекта.

Таким образом, контуры массовизации научного знания диагностируются на стыках и во взаимодействии двух измерений данного социокультурного процесса – омассовления и массофикации. При этом омассовление знания выступает как категория внешнего, объективного – количественно-онтологического - порядка, а его массофикация как категория внутреннего, субъективного – качественно-аксиологического – порядка. Данные феномены всегда развиваются и воздействуют, в масштабах науки как элемента социокультурной сферы, в комплексе, разделение их возможно лишь умозрительным путем.

Так омассовление знания, увеличивая его онтологический массив, снижая социальную исключительность, усиливая прикладную направленность и всестороннюю зависимость от общества - погружая в массовую повседневность, во многом потенциально содержало в себе его массофикацию – способствовало нивелированию, размыванию изначально присущей ему духовной уникальности, эзотеричности, неповторимости как элемента высокой культуры, в том числе в сознании самих ученых. Иными словами омассовление знания во многом размывало элитарные духовные модусы, опосредующие его получение, существенно дезактуализировало классические аксиологические и ментальные установки его производства, в которые постепенно диффундировали из глобализирующегося информационно-культурного пространства техногенной цивилизации модусы новых ценностей, императивов и идеалов – массовых, по сути.

Массофикация научного знания, выражающаяся, главным образом, в характерном изменении субъективных личностных модусов – идеалов, целей, рациональности, ценностей - на основе которых оно продуцируется, способствовала устранению былого прометеевского, подвижнически-возвышенного отношения к научному знанию и процессу его производства. Последнее обстоятельство стимулировало вовлечение в данный процесс значительного количества индивидов со средними интеллектуальными и личностными способностями, не разделяющих высоких и, как правило, мало оплачиваемых познавательных научных дерзаний, нередко рассматривающих научные знания лишь как средство, а не как одну из значимых целей своей профессиональной активности. Тем не менее, включаясь в производство данного типа знания, подобные исследователи, пусть и на основе массофицированной аксиологии, создавали все новые образцы научного знания, в основном преобразовательно-прикладной направленности, способствуя тем самым его дальнейшему омассовлению. Так массофикация знания, через снижение, в духе ментальности и прагматики масскульта, субъективных качественно-аксиологических критериев и основ его получения, опосредовано способствует его количественно-онтологическому росту в обществе – омассовлению.

Таким образом, омассовление и массофикация действуют в комплексе в рамках единого процесса социокультурной массовизации научного знания, который выводит его на новые преобразовательные высоты, но сдерживает фундаментальный познавательный потенциал, представляющийся в контексте массовой повседневности «затоваренным». Иными словами, массовизация привела с одной стороны к расцвету научного знания, особенно в плане прикладной его составляющей, в обществе, а с другой к постепенному забвению элитарных духовных основ получения данного знания, что существенно нивелирует его изначальную внутреннюю специфику и самобытность, отражаясь на культурном облике всей науки.

Любые знания, в том числе и научные, производятся только в ходе определенной деятельности, являясь ее непосредственным результатом, во многом обусловленным спецификой данной деятельности. В связи с этим целесообразно обратиться к осмыслению и анализу тех изменений, которые диагностируются в контексте массовизации в структуре такой важной системообразующей грани научного бытия, как деятельность.

§ 2. Особенности массовизации науки как деятельности

Важнейшей системообразующей гранью научного бытия, в определенном ключе аккумулирующей в себе его активную, созидательную, продуцирующую, преобразующую сторону, является научная деятельность. Вне деятельности невозможно появления основного компонента, результата и продукта функционирования и развития данного бытия – научного знания. Деятельность в различных ее проявлениях и видах во многом оформляет и конституирует науку как специфичный и самобытный социальный институт, представители которого часто идентифицируют себя с ним именно по профессиональному – деятельностному, по сути, признаку. В рамках научной деятельности раскрывается, обогащается и проявляется личность ученого, отражаются, синтезируются и видоизменяются модусы его духовной сферы. Деятельность выводит познание на новые горизонты, от ее направленности, мотивации и аксиологии во многом зависит характер и социокультурный облик всей науки. Иными словами, научная деятельность преломляет в себе и в существенной степени опосредует все ключевые импульсы развития научного бытия на том или ином историческом этапе его становления, а потому изучение и анализ изменений, наблюдающихся в ее элементах в контексте процессов формирования массового техногенного общества, является важнейшей познавательной задачей современной философии науки.

Любая деятельность человека, так или иначе, укоренена в цивилизацию и ее культуру, которые являются одновременно источником и, отчасти, результатом данной деятельности. Так и техногенная цивилизация, духовное

пространство которой постепенно монополизирует массовая культура, оказала существенное влияние на специфику и характер научной деятельности. Общие контуры данного влияния были в базовых чертах рассмотрены в рамках предыдущей главы данного исследования, здесь же предстоит комплексно осмыслить те изменения, которые наблюдаются в системе, типах, мотивации, аксиологии научной деятельности в процессе массовизации науки – в рамках ее омассовления и массофикации.

В настоящем исследовании уже отмечалась мысль о том, что наука становится «большой», превращается в мощную производительную силу лишь со становлением индустриального общества, являющегося подлинным материальным и духовным фундаментом техногенной цивилизации. В рамках данного общественного организма научная деятельность динамично оформляется в социально значимую и распространенную профессию – становится относительно широко востребованной и массовой. Иными словами именно индустриальное общество, исходя из базовых императивов, задач и целей своего исторического существования, придало и обеспечило научной деятельности беспрецедентно широкое распространение и высокое развитие, темпы и уровень которого, в общих чертах, сохранились и в последующие этапы становления техногенной цивилизации, доминантно покоящейся на научно-техническом базисе, а потому зависящей от его постоянного приращения и обновления¹. Но, получив широкое социальное распространение, научная деятельность одновременно обрела и многие характерные, имманентные внешние и внутренние черты детерминирующего ее массового индустриального социума: «Стандартизованная во всех своих основных звеньях, характеризующаяся выраженной обезличенностью результатов эта деятельность крайне далека от былых представлений о науке как об индивидуальном, «кабинетном» творчестве. Это подлинно массовое

¹ См.: Лазаревич А.А. Наука и технология как факторы глобализации // Философия науки. 2008. №2. С.12-13.

производство информации (знаний), осуществляющееся в типично «фабричных», индустриальных формах»¹.

Иными словами, массовое техногенное общество не только активно стимулировало научную деятельность, но и, создав предпосылки и условия для того, чтобы она стала по-настоящему распространенной и профессиональной, в значительной степени подчинило ее себе, наполнив ее количественные и качественные измерения своей характерной социокультурной спецификой - закономерно детерминировало и обусловило процесс массовизации этого вида деятельности, протекающий в двуединстве его базовых модусов.

Омассовление научной деятельности, как и омассовление всей социокультурной сферы, в целом, и науки, как ее самобытной области, в частности, предшествовало ее массофикации. Оно было обусловлено и детерминировано, главным образом, той высокой востребованностью, которую получило научное знание в техногенном обществе. Потребность данного общества во все новых знаниях, в первую очередь прикладного характера, стимулировала и развитие соответствующего вида деятельности, результатом и продуктом которой эти знания являлись. В итоге омассовление научной деятельности – количественно-онтологическое увеличение элементов, измерений и компонентов оформляющих, обеспечивающих, обслуживающих и поддерживающих процесс ее протекания в системе общественного производства – было обусловлено, главным образом, социальным заказом, поставляемым массовым обществом на научные знания. Выступая необходимым компонентом их получения, данный вид деятельности стал широко востребованным, распространенным, повседневным, финансируемым на постоянной основе, детально институционализированным и формально регламентированным.

¹ Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М., 1987. С. 177.

В рамках своего комплексного омассовления научная деятельность постепенно обрела современный вид и проявления, потеряв изначально присущие ей черты социокультурной исключительности, неформальности, фрагментарности и эзотеричности, и обретя устойчивый статус массовой профессии. Подобные изменения определили рост комплексной зависимости данного вида деятельности от общества, всесторонне детерминирующего и направляющего ее протекание в русле собственных базовых социокультурных интересов, часто не учитывающих изначально внутренние познавательные ориентиры, цели и задачи, решаемые посредством осуществления этой деятельности, а потому используя ее, главным образом, чисто инструментально: «Детерминация науки обществом может привести к деформации социального института науки, инструментализации научного исследования».¹ Техногенное общество сделало черты подобной детерминации всеобъемлющими, в результате чего омассовленная – беспрецедентно расширившая свои социокультурные пределы – научная деятельность оказалась практически полностью встроенной в массовую повседневность, стимулируемой ею и зависящей от характера ее материальных и духовных запросов. Подобная зависимость науки от массового общества фактически обернулась зависимостью ее от массы и даже потребностью в ней, как питательной жизненной среде для своего нового, омассовленного, состояния: «Дело в том, что все науки в сущности... эзотеричны, и стать экзотерическими могут, только способствуя какому-либо роду деятельности; обратившись же к деятельности, иными словами, став экспериментальными, науки нуждаются в массе так же, как она нуждается в них, одно без другого не может существовать»². Разумеется, научная деятельность, в зависимости от того на получение какого типа знания она направлена, стимулирует и опосредует развитие не только

¹ Горохов В.Г. Научно-техническая политика в обществе не-знания // Вопросы философии. 2007. №12. С. 70.

² Акопян К.З. По направлению к масскульту: наука и религия сквозь призму масскульту // Массовая культура и массовое искусство: «За» и «против». М., 2003. С. 238.

прикладной, но и фундаментальной области науки, однако в рамках техногенного общества, исходя из базовых парадигм его становления, ключевой из которых является парадигма преобразования, приоритет получает именно прикладная научная деятельность.

Иными словами, омассовление научной деятельности протекающее в рамках массового общества и в контексте его ментальности и аксиологии, отчетливо проявляющихся в чертах и духовных модусах массовой культуры, также способствовало углублению диспропорции между фундаментальным и прикладным измерением в науке. Корни данной диспропорции, таким образом, заключались также в том, что омассовленная научная деятельность, в силу своей доминантной социокультурной, а не внутринаучной детерминации, обрела, главным образом, преобразующую, а не познающую мотивационную направленность. В результате базовая элитарная установка представителей научного сообщества, изначально рассматривающих научную деятельность, в первую очередь, как средство познания бытия, закономерно сменилась массовой установкой, расценивающей ее, преимущественно, как инструмент, опосредующий преобразование и создание его элементов в промышленных масштабах.

Если базовым внутренним признаком омассовленной научной деятельности стала ее имманентная зависимость от всесторонне стимулирующего, контролирующего и направляющего ее, в рамках выполнения определенного социального заказа, техногенного общества, то внешним проявлением омассовления данного вида деятельности, явилось ее подлинное профессиональное и институциональное становление и распространение. Только став массовой профессиональной деятельностью индустриального общества, наука превратилась в мощную производительную силу, во многом преломляющую и преобразующую жизненный мир цивилизации, динамично превращая его из доминантно биосферного в техноосферный: «Опираясь на коллективный разум человечества (науку) и созданные им научно-технические производительные

силы, человечество создает техноосферный мир, изо дня в день замещая им биосферный»¹. Иными словами, омасовление научной деятельности, детерминированное возросшей общественной потребностью в ее результатах, и ставшее одним из количественно-онтологических оснований научно-технической революции XX века, обернулось значительным увеличением социокультурной роли науки, выдвинувшейся на основе своего широкого профессионального распространения на передний край техногенной цивилизации: «В процессе НТР исключительно большую роль стала играть наука, которая превратилась в непосредственную производительную силу общественного развития и социоприродных преобразований»². Наука техногенного общества стала «большой» во многом вследствие активного омасовления ее деятельностного системного измерения, результатом функционирования которого стал рост массива разнообразных научных знаний. При этом еще раз следует подчеркнуть принципиально важную мысль о том, что омасовление научной деятельности, как и омасовление науки в целом, является закономерным результатом и проявлением омасовления всего техногенного общества – его объективного вхождения на рубеже сер. XIX – начала XX веков в историческую стадию социокультурной массовости. Научная деятельность подверглась омасовлению именно потому, что ее результаты были жизненно необходимы для формирующегося массового потребительского общества, вследствие чего оно всесторонне встроило науку в свою структуру, сделав ведущей производительной силой и одновременно подчинив ее собственной экзистенциальной направленности, прагматике и ментальности.

В свою очередь, наука, на основе омасовления своей деятельностной грани, и, как его основной результат, омасовления научных знаний, все более широкого и комплексного их включения в сферу техногенного общества, оказывает на данный социальный организм существенное

¹ Дергачева Е.А. Социоприродная проблематика в глобалистике // Философия и общество. 2008. №3. С. 111.

² Там же. С. 118-119.

преобразовательное воздействие, во многом способствуя своей продукцией активному развертыванию большинства современных процессов, в том числе массовизации, в нем. Иными словами, техногенное общество, исходя из внутренних потребностей своего развития, предопределило омассовление всего научного бытия, в целом, и научной деятельности, как активно-преобразующего измерения данного бытия, в частности, при этом, не только усилив социальную роль результатов данной деятельности, но и сделал ее соразмерной собственным унифицированным императивам и ценностям, опосредованной ими: «Именно в условиях техногенного развития сформировались основные механизмы и принципы экспансии технологических (как правило, имеющих научную основу. – М.С.) новшеств, началось их влияние на социально-исторический и культурный динамизм. <...> На этой основе формируются мировоззрение, культурные и социальные программы жизни, способ производства, сложная система отношений между людьми, типов их поведения и деятельности. Складывается особый идеал социального успеха, основанный на экономическом прагматизме, научно-технической мощи, задачах преобразования природы, подчинении биосферных закономерностей техносферным. Все это приобретает национально обезличенный характер, дистанцируется от локальных культур, традиций, этнических спецификаций»¹. Научная деятельность органично встроилась в массовое потребительское общество, в качестве одной из его производственных основ. При этом в ходе омассовления она утрачивает свою изначальную социокультурную эзотеричность, исключительность, доминантно познавательную акцентуированность и, одновременно, проникается, в сознании своих исполнителей, чертами новой ментальности и аксиологии, почерпнутыми из массовой повседневности, в контексте которой она протекает, чье становление поддерживает и обслуживает. Последнее

¹ Лазаревич А.А. Наука и технология как факторы глобализации // Философия науки. 2008. №2. С.12-13.

обстоятельство оформляет контуры проблемы проявлений и черт массофикации научной деятельности.

Итак, наука и техногенная цивилизация сформировали прочный симбиоз, в котором науке была уготована высокая, хотя и подчиненная общественным интересам социокультурная роль. При этом омасовленная научная деятельность, протекая в глобализирующемся цивилизационном пространстве массового общества и оказывая на него существенное воздействие, воспринимала, в рамках своего растущего антропологического измерения, не только его внешние – производственно-преобразовательные импульсы, но и базовые внутренние – духовно-аксиологические модусы, в результате чего последовательно подвергалась процессу массофикации. Иными словами, омасовление научной деятельности – количественно-онтологическое увеличение элементов, оформляющих и обеспечивающих ее протекание в обществе, в значительной степени обусловило и подготовило процесс массофикации данного типа деятельности.

Массофикация научной деятельности – качественно-аксиологическое изменение ее мотивационного ядра и процессуальной специфики на основе ценностей и идеалов массового общества, проявляющихся в рамках его имманентного духовного измерения – массовой культуры. Массофикация науки как деятельности осуществляется не только за счет того, что данная деятельность направляется техногенным обществом, в основном, на удовлетворение его массовых потребительских интересов, но и за счет изменения субъективного измерения бытия науки – личности ученого. Поскольку исследователь под действием монополизирующегося информационного воздействия аксиологии масскульты нередко начинает рассматривать свою профессиональную деятельность как средство для решения, в первую очередь, не познавательных (собственно научных), а иных задач, продиктованных ментальностью и прагматикой окружающей и поглощающей его техногенной повседневности. Иными словами, включаясь в массовое производство требуемой обществом информации (знаний), наука

утрачивает изначально присущий ее деятельностному измерению базовый мотив на познание бытия, а в результате расплывает свою самобытность, самобытность области высокой культуры: «Наука во все большей мере лишается своей культуротворческой роли, за ней остаются только утилитарные функции: обеспечение технического развития и решение практических проблем как конечное, целевое оправдание самого ее существования»¹. Именно в ходе массовизации науки как деятельности она всесторонне встраивается в опосредующую ее количественные масштабы и качественные модусы массовую повседневность, теряя при этом элитарные духовные черты: «Наука перестает рассматриваться как цитадель Разума и становится лишь одной из многочисленных интеллектуальных профессий»².

В рамках двуединой социокультурной массовизации омассовление научной деятельности обуславливает и детерминирует ее массофикацию. Более того, ментальные предпосылки массофикации, в определенном плане, содержатся уже в самой специфике количественно-онтологического увеличения компонентов и элементов научной деятельности в рамках техногенной цивилизации. Данная специфика заключается в том, что научная деятельность начала омассовляться в результате появления и постоянного роста социального заказа на ее продукцию – знания.

Иными словами омассовление научной деятельности изначально стимулировало экстрамассофикацию личности исследователя – его ориентацию на нужды и потребности массового общества, выступающего фактическим заказчиком его профессиональной активности. Отсюда росла комплексная укорененность науки, в лице исследователей, производящих знания, в массовую повседневность, которая оказывала на них не только внешнее – социальное – воздействие, но и внутреннее – духовно-культурное. Причем оба этих типа воздействия осуществлялись в неразрывном комплексе. В результате экстрамассофикация личности ученого в массовом

¹ Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. М., 2002. С. 294

² Там же.

обществе, как процесс вынужденный, обусловленный его профессиональной обязанностью выполнять определенный социальный заказ, создавала мировоззренческие предпосылки для интромассофикации – личностного принятия исследователем базовых ментальности, аксиологии и прагматики формирующегося техногенного социокультурного пространства, частью которого он являлся. Даже в случае, если ученый внутренне не принимал духовные модусы массовой культуры, он, зачастую, не мог не учитывать в своей жизни реалии и особенности породившего ее общества: «все, что возникает, существует, задумывается в массовом обществе – должно пользоваться спросом на рынке»¹. Данная формула в рамках техногенной цивилизации стала распространяться и на основную продукцию научной деятельности, очерчивая новые контуры ее мотивационного ядра.

Таким образом, массификация научной деятельности, в значительной степени подготовленная и обусловленная ее динамичным омассовлением, выразилась, главным образом, в проникновении в мотивы и цели, побуждающие к занятию данным типом деятельности, черт потребительской аксиологии и прагматики массового общества. Результатами данного проникновения стали процессы коммерциализации и формализации научной деятельности, обусловленные уже не только материальными и духовными реалиями массовизированной социокультурной жизни, но и характерными изменениями личностной сферы исследователей, обусловленными подобными реалиями.

Коммерциализированное, инструментальное, по сути, отношение к научной деятельности, получающее распространение в ходе ее массификации, преломило и отразило в себе потребительскую установку массовой культуры, носители ценностей которой не стремятся к утомительному, предполагающему высокое личностное сосредоточение, творчеству, а предпочитают заниматься тем, что хорошо знакомо и отточено

¹ Тульчинский Г.Л. Массовая культура как воплощение гуманизма Просвещения, или Почему российское общество самое массовое // Философские науки. 2008. №10. С. 40.

до профессионального автоматизма, не требуя проблематичных прорывов к новому, непознанному, и при этом сулит высокие материальные выгоды: «Масса не может творить, но лишь «захватывать», потреблять и разрушать. Она не способна к креативному живому порыву, стремиться лишь к механической переработке всего живого в мертвое»¹. Проникая в науку не столько в антропологическом, сколько в духовно-аксиологическом модусе, масса стимулирует, главным образом, преобразовательную – более востребованную обществом и, как правило, менее сложную индивидуально – деятельность, подвигая многих исследователей на профессиональный путь коммерческих прикладных разработок: «Изучение окружающего нас мира с целью понять, из чего он состоит, как устроен, какие законы управляют течением событий, постепенно преобразуется в разработку технологий. Научное открытие замещается научным изобретением»².

Широкая коммерциализация научной деятельности, затрагивающая не только прикладные, но и фундаментальные исследования, является с одной стороны результатом комплексной зависимости современной, омассовленной науки от стимулирующего и направляющего ее развитие потребительского общества, в котором взаимоотношения составляющих его индивидов во многом основаны на коммерциализированных принципах социал-дарвинизма, а с другой выступает итогом массофицированной, по сути, установки отдельных исследователей на получение финансовой прибыли, мотивирующей их занятия наукой. Действительно, подобная установка изначально игнорирует собственно научные – познавательные цели научной деятельности, проявляя потребительское, ориентированное лишь на финансовое воздаяние, отношение к труду, характерное для носителей базовых ценностей массового капиталистического общества, в среде которых «господствует более “обмирщенная” ориентация на личное благополучие, то есть стратегическая цель деятельности начинает отождествляться с

¹ Соколов Е.Г. Аналитика масскультура. СПб., 2001. С. 20.

² Никифоров А.Л. Фундаментальная наука в XXI веке. Фундаментальная наука умирает? // Вопросы философии. 2008. №5. С. 61.

обозримой тактической целью. Такое целеполагание представляет собой не что иное, как целеполагание в чистом виде. Поскольку «фона» стратегической цели больше нет, человек впадает в соблазн сделать тактическую цель пределом своих возможностей. При достижении цели возникает искушение этот цикл повторить»¹. Во времена классической науки данной стратегической целью научной деятельности выступало постижение абсолютной истины, на бесконечном познавательном пути к которой ученых заботили, главным образом, фундаментальные открытия. В контексте омассовленной науки подобная стратегическая цель для многих исследователей попросту исчезает, будучи подмененной набором четко определенных и потенциально достижимых тактических целей – сравнительно легко достижимых на проторенных путях коммерциализированного научного производства.

Элементы подобной массовой потребительской ментальности, объективно не способствующей высоким и, преимущественно, бескорыстным познавательным научным дерзаниям проникают сегодня и в сферу фундаментальной научной деятельности, которая также оказалась многопланово зависящей от «содержащего» ее социокультурного пространства современности, существенно преломляющего и направляющего ее в рамках основных смысложизненных интересов своих представителей: «происходящее с современным человечеством можно отобразить схемой: человек – рынок – наука – цивилизация. Изменение психологии современного человека, предпочитающего развлечения “расширению горизонтов познания”, находит воплощение в “решениях рынка”, крайне не выгодных для фундаментальной науки и изменяющих общую траекторию ее развития, которая, в свою очередь, изменяет и траекторию развития цивилизации»². Иными словами массовое техногенное общество отчасти подчиняет своему всестороннему воздействию и фундаментальную науку,

¹ Кузнецова Л.В. Дурная бесконечность символического потребления // Философия и общество. 2008. №3. С. 133.

² Юревич А.В. Асимметричное будущее // Вопросы философии. 2008. №7. С. 84.

направляя профессиональную деятельность ее представителей, преимущественно, в русло потребительских и преобразовательных социокультурных задач, что притупляет их собственные познавательные интересы, делает исполнителями социального заказа, во многом движимыми теми же коммерческими соображениями. Подобное замещение в научной деятельности базового мотива познания, базовым мотивом получения определенной личной выгоды, чаще всего финансовой, либо статусной, формирует к ней чисто потребительское, инструментальное отношение со стороны многих ее исполнителей, дискредитируя тем самым высокие идеалы этой культурной деятельности. В результате чего наука во многом утрачивает свои элитарные духовные черты, диффундирует в аксиологическое пространство массы: «Наука стремительно, на глазах одного - двух поколений, перемещается на периферию культуры, становится маргинальной по отношению к ней (если под культурой понимать горизонт фундаментальных ценностей и идеалов и способы ориентации людей по отношению к ним)»¹. Причины подобных духовных трансформаций обусловлены не только омассовлением научной деятельности, но и массофикацией, детерминирующей ее духовного пласта – проникновением в мотивационное ядро данного типа деятельности ценностей массовой культуры, фактически не имеющих «трансцендентного измерения», укорененных в «реальную», далекую от высоких творческих дерзаний потребительскую жизнь².

Другим проявлением массофикации научной деятельности стала ее широкая формализация – использование при написании научных трудов приемов, конституирующих их «научность» лишь по внешним, чисто формальным признакам и критериям – ссылочному аппарату, специальным

¹ Порус В.Н. Рациональность. Наука. Культура. М., 2002. С. 294.

² См.: Тульчинский Г.Л. Массовая культура как воплощение гуманизма Просвещения, или Почему российское общество самое массовое // Философские науки. 2008. №10. С. 41; Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2008. С. 90; Гибелев И.В. Массовая культура: теория и современность. Белгород, 2005. С. 82.

терминам и формулам, определенной парадигме, традиции и логике той или иной науки и т.д. При этом написанные в рамках подобного «формального» подхода работы, как правило, не отличаются ни познавательной новизной, ни исследовательской глубиной, ни подлинным раскрытием предмета изучения, ни действительной актуальностью, будучи, порой, составлены на завуалированной реферативно-плагиативной основе. В результате реальная, познающая бытие наука, подменяется ее формальной имитацией – «неизбежно появляется имитация научной деятельности, подобная имитации на эстраде»¹ - результаты которой бесполезны для общества и тривиальны для науки, но при этом, так или иначе, отвечают мотивам и интересам продуцирующего их «ученого»: «Формальные критерии научной деятельности заменяют в повседневности ученого (или полагающего себя ученым) сущностные. Предполагается, что тот, кто способен обучиться правилам оформления ссылочного аппарата, также способен к научному производству»². В действительности, одномерно формализованное отношение к научной деятельности, имеющее, фактически, потребительские, укорененные в ментальность масскульта, истоки, губительно для науки и ее результатов, нивелируя в них высокие духовные основания, замещая их пустой внешней формой без актуального культурного содержания: «Формализация же знания означает его стерилизацию, обеднение, по сути, трансформацию самого способа человеческого мышления, человеческой природы»³. Иными словами, формализация научной деятельности не движет вперед познание, не развивает живого пространства науки, а лишь засоряет и размывает его бесплодными печатными артефактами.

В рамках чисто внешней формализации и стандартизации современной научной деятельности, во многом, проступает аксиология, прагматика и ментальность массовой культуры, носители ценностей и идеалов которой,

¹ Миронов В.В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. №2. С. 39.

² Радов А. Наука как формальность // Свободная мысль – XXI. 2004. №10. С. 78.

³ Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2008. С. 91.

будучи, по сути, потребителями, как правило, не склонны к подлинному творчеству, предпочитая «брать от жизни все», лишь имитируя какую-либо деятельность. Носитель массового сознания является не творцом, а инструменталистом по сути, для которого в первую очередь важна не истина, а польза: «Для инструменталиста важна эффективность – не в научном, а в практическом смысле, для него наука – это деятельность, а не Деятельность. К этому примешивается снисходительная релятивистская улыбка в отношении Всего, что пишется с большой буквы. Инструменталистские исследования, как правило, не формируют поле науки, но используют его в собственных целях: для подкрепления своей деятельности, придания ей осмысленности»¹. Формализованное отношение к научной деятельности, имеющее не познавательные, а потребительские, своекорыстные мотивы, получившее в массовой науке техногенного общества широкое распространение, выступило одним из главных источников и результатов массофикации ее мотивационного ядра и процессуальной стороны – внешней мимикрии представителей массовой повседневности под научную профессиональную активность, за которой скрывается внутренняя установка человека-массы на «обладание в науке», а не на «бытие в ней».

Итак, массофикация научной деятельности, опосредованная ее омассовлением, проявилась, главным образом, в изменении мотивов и способов ее осуществления в духе смысложизненных установок потребительского массового общества и в контексте всесторонне коммерциализированного, симулятивного, гедонистического и виртуализированного ментально-аксиологического фона его культуры. Массофицируясь, научная деятельность утрачивает в глазах многих ее исполнителей, являющихся базовыми источниками данной массофикации, исторически присущие ей черты элитарной, доминантно ориентированной на познание духовной активности, трансформируясь в массовую формализованную и коммерциализированную интеллектуальную профессию.

¹ Радов А. Наука как формальность // Свободная мысль – XXI. 2004. №10.. С. 79.

Таким образом, в результате процесса двуединой – в рамках омассовления и массофикации - массовизации научной деятельности, развернувшегося в социокультурном контексте становления массового общества, данный вид деятельности, с одной стороны значительно расширил свои количественно-онтологические пределы, прочно укоренившись в промышленно-технологическую сферу общества, в качестве одного из ключевых ее оснований, а с другой во многом приобрел качественно-аксиологическую мотивационную установку техногенной цивилизации на потребление, как императив существования.

Омассовление научной деятельности, явившееся результатом потребности индустриального общества в ее основной продукции – знаниях, на которые оно поставляло обширный социальный заказ, привело к профессиональной оформленности и распространенности труда ученого. Другой стороной омассовления научной деятельности стала ее комплексная, всесторонняя зависимость от массового общества, которое выступало главным стимулятором, материальной основой и источником ее динамичного развития, а потому во многом контролировало и направляло данное развитие, преимущественно, в русле своих базовых социокультурных интересов, часто далеких от внутренних целей самой науки. Иными словами, омассовленная научная деятельность – деятельность профессиональная, регламентированная и управляемая обществом, выступившим инициатором ее широкого распространения в рамках техногенной цивилизации. В условиях своего омассовленного состояния научная деятельность, в том числе в лице ее непосредственных исполнителей – ученых, теснейшим образом сплелась с социокультурным организмом современности, закономерно восприняв многие его характерные черты и духовно-аксиологические модусы, что выступило предпосылкой и прологом ее последующей массофикации.

Массофикация научной деятельности – изменение ее мотивационного ядра и процессуальной специфики в ментальных категориях потребительски ориентированной массовой культуры, стала результатом не только

экстрамассофикации личности современных исследователей, вынужденных ориентироваться в своей профессиональной деятельности на нужды и запросы массового общества и его культуры, но и постепенной интромассофикации – внутреннего принятия отдельными учеными идеалов и ценностей масскульта. Проявлениями массофикации научной деятельности выступили, главным образом, ее динамичная коммерциализация, подменяющая цели науки почти исключительно личными интересами ее представителей, и формализация – чисто внешняя «имитация» подлинной научной активности.

Омассовление и массофикация научной деятельности способствовали формированию к ней и ее результатам, преимущественно, потребительского, инструментального отношения, что во многом способствовало постепенной утрате наукой элитарного культурного статуса.

§ 3. Специфика массовизации науки как социального института

Существование и функционирование современной науки в качестве отдельного социального института – еще одна базовая системообразующая грань ее бытия в рамках социокультурного пространства техногенной цивилизации. Пребывая в неразрывном внутреннем единстве и взаимодействии с остальными, рассмотренными нами применительно к процессу их массовизации, основными гранями науки – знанием и деятельностью – социальный институт науки не только существенно определяется ими, но и в значительной степени детерминирует их состояния, направления и развитие. Только находясь в отмеченном имманентном триединстве, данные грани и образуют самобытную социокультурную область, именуемую наукой, выступая ее несущими внутренними основаниями.

Социальный институт, под которым в самом обобщенном смысле понимается «комплекс устойчивых принципов, норм, установок,

регулирующих определенную сферу человеческой деятельности»¹ - всегда оформляется вокруг соответствующего общественно значимого вида деятельности, параллельно конституируя и закрепляя ее в культуре: «Понятие “социальный институт” отражает степень закреплённости того или иного вида человеческой деятельности»². Именно осознание роли и ценности научной деятельности, как способа и инструмента для получения научного знания – основы прогресса техногенной цивилизации – обеспечило оформление науки в массовом индустриальном обществе в значимый и разветвленный социальный институт. Иными словами, «то, что она является институтом, в котором десятки и даже сотни тысяч людей нашли свою профессию, - результат недавнего развития»³.

Будучи сформированным вокруг соответствующего вида деятельности, получившего в ходе массовизации четко выраженные профессиональные черты, социальный институт науки не только обеспечил протекание этой деятельности и получение ее основной продукции – знания – в требуемых обществом масштабах, но и позволил перейти данным граням науки на количественно и качественно иной уровень, поддерживающий, стимулирующий и обеспечивающий их полноценное существование в социуме. Иными словами, только оформившись в самобытный социальный институт, «включающий в себя такие элементы, как научные учреждения, издательства, научные сообщества, материально-техническую базу науки и т.д.»⁴, современная наука смогла, по существу, раскрыть свой многогранный знаниевый и преобразовательно-деятельностный потенциал. Институциональность стала основой общественного развития и культурной значимости науки, обусловила укоренение научного бытия и его модусов в различные измерения техногенной цивилизации. В рамках социального института науки данная цивилизация сформировала универсальный

¹ Современный философский словарь. Под ред. В.Е. Кемерова. М., 2004. С. 664.

² Основы философии науки. Отв. ред. В.П. Кохановский. М., 2007. С. 555.

³ Джегутанов Б.К. История и философия науки. СПб., 2006. С. 99.

⁴ Касьян А.А. Контекст образования: наука и мировоззрение. Н.Новгород, 1996. С.

информативно-продуцирующий и преобразующий фундамент своего динамичного развития и материального процветания.

Принимая во внимание тот факт, что «институты обслуживают все главные направления человеческой жизнедеятельности, имея свои особенные цели и задачи, выполняя соответствующие цивилизационные функции организационно-управленческого, нормативно-регулятивного характера»¹, следует заключить, что познавательное-исследовательское направление жизнедеятельности человечества постепенно оформилось, главным образом, в рамках социального института науки. Поскольку в его масштабах производство научного знания получило статус устойчивой профессии, оформилось во всем многообразии сопутствующих ему и, в той или иной степени, обеспечивающих успешное получение данного знания компонентов.

Именно то обстоятельство, что наука «сильна своей институциональной стороной»² во многом обеспечивает ее существование и преемственность в контексте массовой техногенной цивилизации, которая не только активно способствует институализации данного вида деятельности, чья продукция представляет интерес для ее представителей, но и во многом опосредует этот процесс, его содержание, проявления и результаты, окрашивает их характерной социокультурной спецификой.

Наука обрела устойчивые и четкие контуры социального института относительно недавно – в рамках перехода к индустриальной стадии становления техногенного общества³. И хотя ряд исследователей фиксируют отдельные черты социальной институализированности науки и в предшествующие периоды ее развития, все же о подлинном оформлении научного бытия в рамках самобытного социального института корректно говорить не раньше периода сер. XIX - начала XX века. Именно в данное время наука, включаясь в процесс массовизации граней своего бытия, превращается в производительную силу общественного развития, для

¹ Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 832.

² Основы философии науки. Отв. ред. В.П. Кохановский. М., 2007. С. 554.

³ См.: Джегутанов Б.К. История и философия науки. СПб., 2006. С. 99.

оформления и поддержания соответствующего уровня активности которой и потребовалась всесторонняя институциональная оформленность.

Иными словами, анализируя становление науки в рамках отдельного социального института, мы, так или иначе, выходим на проблему массовизации ее элементов, во многом в процессе которой институт науки обрел свои современные внешние – количественно-онтологические и внутренние, укоренные в его антропологическое измерение, – качественно-аксиологические черты и признаки.

Принципиальной представляется мысль о том, что социальный институт науки не просто изменился или деформировался в рамках массового техногенного общества, в силу того обстоятельства, что «детерминация науки обществом может привести к деформации социального института науки»¹, он, по сути, возник как таковой в рамках данного общественного организма. В предыдущие исторические эпохи научное бытие не было институализировано в полном смысле этого слова, его элементы формировались спорадически, стихийно и носили, зачастую, временный, неформальный по отношению к государству и социуму характер. Деятельность ученых в то время, как правило, имела черты свободного увлечения, а не определенной преемственной, общественно значимой и востребованной профессии. Именно в ходе массовизации социокультурной сферы институт науки последовательно обрел свои современные черты – наука стала формальным социальным институтом, функционирование и развитие которого «обеспечивают люди, имеющие специальную профессиональную подготовку и подчиняющиеся четкому распределению ролей, функций и обязанностей»². В его рамках и на основании устанавливаемых им регулятивов, норм и правил занятия наукой перестали быть лишь увлечением одиночек-энтузиастов или их разрозненных групп:

¹Горохов В.Г. Научно-техническая политика в обществе не-знания // Вопросы философии. 2007. №12. С. 70.

²Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 833.

«аморфные сообщества обретали свойства целенаправленно действующих социальных систем»¹.

Указанные обстоятельства доказывают принципиальный тезис о симбиотическом сосуществовании массового техногенного общества и науки, которая не только вывела данный общественный тип на качественно новый уровень познания и преобразования бытия, но и получила в его рамках небывалые прежде возможности для своего всестороннего развития. Одной из важных сторон подобного развития стало динамичное оформление массовизирующейся науки современности в обширный, разветвленный, многогранный, самобытный, хотя и детерминируемый обществом, социальный институт, вбирающий и преломляющий в себе все многообразие элементов научной сферы.

Массовизация данной сферы, протекающая в двуединстве своих базовых модусов, закономерно стимулировала как омассовление так и массофикацию социального института науки, имеющие характерные феноменологические и эмпирические проявления и отличающиеся определенной спецификой.

Омассовление науки как социального института было обусловлено, главным образом, динамичным омассовлением научной деятельности начавшимся в массовом индустриальном обществе, поскольку процесс институализации всегда регулирует и оформляет определенную общественно значимую сферу человеческой деятельности. Опосредуя протекание данной деятельности, требующей все новое число слагаемых и компонентов для своего осуществления, социальный институт науки, вбирающий эти компоненты и связывающий их воедино, постепенно укоренялся и расширялся в обществе вместе с ней, усиливая свою социальную роль и наращивая количественно-онтологические пределы. Подобными компонентами, необходимыми для успешного протекания научной деятельности выступают как ученые, их сообщества, поскольку «институт это еще и форма объединения индивидов, способ их включения в

¹ Там же. С. 832.

коллективную деятельность, участие в социальном действии»¹, так и многочисленные научные организации и учреждения, ведомства, издания, оборудование и т.д.

Таким образом, под омассовлением науки как социального института в указанном познавательном контексте следует понимать формально упорядоченное, структурированное и организованное количественно-онтологическое увеличение компонентов, обеспечивающих полноценное и эффективное осуществление научной деятельности в соответствии с требованиями и интересами общественного развития. Именно в массовом техногенном обществе наука не только оформилась в полноценный и устойчивый социальный институт, но и значительно расширила, упорядочила и систематизировала свои институциональные пределы. Омассовление данной грани научного бытия, имеющей, прежде всего, социальные корни, было обусловлено омассовлением стимулирующего его развитие общества, которое в русле решения своих цивилизационных задач стремилось «подчинить стихийную энергию масс дисциплинирующим, нормативным началам»². В случае с наукой - стихийная, неформальная и неконтролируемая активность отдельных исследователей и их групп во времена, предшествующие индустриальной эпохе, сменились в данную эпоху регламентированной, формальной и упорядоченной на базе определенных норм и принципов профессиональной деятельностью многочисленного и дисциплинарно структурированного научного сообщества в рамках соответствующего социального института.

Омассовление науки как социального института эмпирически выражается, в первую очередь, в стремительном расширении ее антропологического измерения – увеличении количества ученых, совокупная численность которых за время исторического становления массовой техногенной цивилизации возросла многократно и достигла существенных

¹ Основы философии науки. Отв. ред. В.П. Кохановский. М., 2007. С. 556.

² Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 832.

величин: «В конце XX века численность ученых в мире превысила 5 млн. человек»¹. Действительно, «наука как социальный институт включает также ученых с их знаниями, квалификацией и опытом»², и именно ученые одухотворяют все научное бытие, являются передним краем развития научной мысли, генераторами, проводниками и исполнителями научных идей и замыслов. Социальность института науки заземлена в общество, в первую очередь, через составляющих данный институт индивидов, без которых он был бы безжизненной конструкцией, структурой, лишенной интеллекта, активности, внутреннего потенциала и смысла. Являясь полноправными членами данного общества, ученые не только выполняют в процессе своей профессиональной деятельности его заказы, но и всячески добиваются повышения общественного внимания к нуждам и потребностям самой науки, в том числе и внутренним, за счет чего ее развитие протекает в контексте не только социальных, но и собственно научных интересов, что очень немаловажно для сохранения относительной культурной автономии научного бытия.

В результате, ученые являются не просто компонентом, частью науки как социального института, а важнейшим источником его реального, а не формально-декларативного функционирования и развития. Они выступают антропологическим измерением, вокруг активности которого, регулируемой и направляемой, преимущественно, в русле интересов общества, и формируются все остальные элементы и составляющие данного института. Последние используются для того, чтобы упорядочить, регламентировать, направить, обеспечить, поддержать, стимулировать, реализовать эту активность в русле осуществления учеными своей профессиональной деятельности. Среди данных элементов выделяются научные учреждения, фонды и организации, форумы и издания, конференции и симпозиумы, материальная база науки, система научного образования и т.д.

¹ Джегутанов Б.К. История и философия науки. СПб., 2006. С. 102.

² Там же. С. 107.

Стремительное количественно-онтологическое увеличение и распространение подобных элементов в массовом техногенном обществе также обуславливает омассовление науки как социального института.

Одним из наглядных проявлений данного процесса выступает, в частности, динамичный рост различных научных публикаций, в частности, журнального плана: «По разным источникам, сегодня насчитывается от 24 до 40 тыс. научных журналов – в зависимости от того, какой тип изданий считать таковым. По самым критическим меркам, т.е. если исходить из числа 24 тыс., это означает около 2, 5 млн. отрецензированных статей в год. Сюда можно добавить около тысячи электронных научных журналов открытого доступа. Важным нововведением в этом отношении является создание и функционирование научных электронных библиотек»¹. По другим данным подобных журналов в настоящее время уже более сотни тысяч². Даже если ориентироваться на более «скромные» цифры, картина, характеризующая степень омассовления данного элемента социального института науки представляется внушительной и вместе с тем симптоматичной, если принять во внимание тезис о том, что «наука – это то, что публикуется в научных журналах, газетах, докладах и книгах»³.

Фактически безграничные возможности для омассовления элементов социального бытия науки предоставляют информационные ресурсы постиндустриального общества – число всевозможных научных Интернет-ресурсов - форумов, конференций, библиотек и т.д. за последние годы постоянно увеличивается, причем, как отмечают специалисты без особых потерь в плане качества и продуктивности данных ресурсов. Иными словами, стремительное омассовление элементов социального института науки, начавшееся в индустриальный период становления массового техногенного общества и продолжающееся в настоящее время, в том числе на новых –

¹ Лазаревич А.А. Наука и технология как факторы глобализации // Философия науки. 2008. №2. С. 9.

² См.: Джегутанов Б.К. История и философия науки. СПб., 2006. С. 102.

³ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 24.

информационных основаниях, не только отразило многоплановое расширение граней научного бытия, но и вывело их, а вместе с ними и всю науку, на иные рубежи познания и преобразования окружающей действительности, как природной, так и социокультурной.

Омассовление науки как социального института, выразившееся в общественном увеличении и распространении формализованных, упорядоченных, регламентируемых, контролируемых компонентов научного развития, опосредующих и обеспечивающих эффективное протекание научной деятельности и массовое получение ее основного продукта – знания, способствовало тому, что данный социальный институт довольно быстро занял не только обширную, но и значимую нишу в институциональной общественной иерархии, обеспечив тем самым относительный престиж и преэминентность профессии ученого.

В то же время, в ходе своего количественно-онтологического расширения в масштабах техногенной цивилизации, формирующийся и усложняющийся социальный институт науки неизбежно соприкасался с остальными ключевыми институтами общества, и со всем социокультурным пространством современности в целом, во многом испытывая их влияние и трансформируясь в его материальном и духовном контексте. Действительно, наука современности неразрывно связана с обществом, не только стимулируется, но и поддерживается им, а потому «как социальный институт взаимосвязана и зависит от других социальных институтов, которые обеспечивают для ее развития необходимые социальные и материальные условия»¹. В результате, декларативно провозглашаемая автономность социального института науки нередко оказывается ширмой, скрывающей уже отмеченную нами комплексную зависимость омассовленного научного бытия от общества, которая формируется, в том числе и на институциональном уровне развития элементов данного бытия.

¹ Основы философии науки. Отв. ред. В.П. Кохановский. М., 2007. С. 561.

Итак, социальный институт «большой» науки является во многом зависимым от порождающего и формирующего его социокультурного пространства массового техногенного общества, а потому, как правило, восприимчивым к его доминантным материально-экономическим и духовно-нравственным веяниям. Последнее обстоятельство создает очевидные мировоззренческие и аксиологические предпосылки для проникновения ментальности, ценностей и императивов данного общественного организма, проявившихся в массовой культуре, в социальный институт науки, а конкретно, в его важнейшее – антропологическое – измерение, вокруг которого, собственно, и выстраивается и которым, в значительной степени, направляется система всех остальных компонентов данного института. Иными словами, здесь мы выходим на проблему массофикации науки как социального института, которая выражается не столько в характерном изменении его антропологического пласта, сколько в том, что данные изменения затрагивают интересы всего общества и остальных его социальных институтов. Поскольку приводят к существенным метаморфозам социальной ответственности представителей научного сообщества, а от уровня и содержания этого вида ответственности во многом зависит судьба всей цивилизации, ее социокультурного измерения, входящих в него социальных институтов и их представителей.

Массофикация всех системообразующих граней научного бытия, в том числе и науки как социального института, укоренена в личность исследователя, воспринимающего ментальность и прагматику массового общества, а также потребительски акцентуированную систему ценностей манипулятивно насаждаемую его основной культурной формой: «Как зарубежные, так и отечественные исследователи указывают на массовизацию общества, унификацию духовной жизни, тотальное потребительство, шоу-медиаальный характер политики, прямое, но скрытое влияние транснациональных корпораций на идеологию общества, становление новой тоталитарной формы власти – анонимной, как составляющие элементы

социально-ритуального пространства массовой культуры»¹. При этом ценности массовой культуры способствуют стандартизации духовной жизни человека, погружению его в порочный круг симулятивного бытия, в рафинированных элементах которого он постепенно теряет связь с реальностью и подлинными ценностями, расшатывает свою социальную и профессиональную идентичность²: «Массовая культура направлена на создание такого положения, при котором потребитель ее изделий постоянно узнавал бы то, что он уже знает, и видел бы в этих изделиях доказательство извечности существования известных ему ценностей. Она приучает множество людей смотреть на все разнообразие и сложность современного мира через жестко фиксированную призму распространяемых ею стандартов»³. В результате ученый, выступающий рядовым членом массового общества, живущий в рамках силового поля экономически оформленных законов социал-дарвинизма, также незримо омассовляется и, как результат, массофицируется, внутренне приближаясь к «человеку-массы», который «в условиях капитализма омассовляется, становится «одномерным», теряя внутреннюю свободу и уникальность»⁴. Все это выступает питательной средой для проникновения аксиологии и этики массовой культуры в антропологическое измерение социального института науки, следствием чего становятся глубинные мировоззренческие изменения его представителей, в том числе и непосредственно касающиеся, затрагивающие интересы других социальных институтов, их членов, всего общества в целом.

Здесь оформляются контуры проблемы социальной ответственности института науки и тех метаморфоз, которые возникают в его базовом

¹ Гибелев И.В. Массовая культура: теория и современность. Белгород, 2005. С. 14.

² См.: Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. №2. С. 18-19.

³ Терин В.П. Массовая коммуникация: социо-культурные аспекты политического воздействия. Исследование опыта запада. М., 1999. С. 72.

⁴ Гибелев И.В. Массовая культура: теория и современность. Белгород, 2005. С. 36.

антропологическом измерении – личности ученого - в процессе массовизации.

Принципиальным представляется то обстоятельство, что непосредственная социальная ответственность – личностная сопричастность с последствиями создания, применения, распространения элементов своего бытия и их влияния на окружающий социум - распространилась на науку в лице ученых лишь с появлением и развитием массовой техногенной цивилизации, в которой наука, постепенно обретя масштабы развитого и обширного социального института, оказалась одной из ведущих производительных сил. В предшествующие эпохи социальная ответственность небольшого числа ученых - создателей научного познания или даже отдельных их академических групп имела место, но носила, преимущественно, потенциальный характер, поскольку их деятельность существенного практического воздействия на жизнь окружающего социума не оказывала. Иными словами, в массовой науке современной цивилизации социальная ответственность единичного ее представителя – ученого - не столько возникает как таковая, сколько подлинно актуализируется и динамично возрастает, наполняя свою имманентную, изначально существующую с момента появления научного способа освоения мира, форму конкретным содержанием.

Актуализировав в процессе динамичного омассовления – количественно-онтологического увеличения элементов научного бытия – измерение собственной социальной ответственности и в дальнейшем только расширяя и углубляя ее перед обществом, институт массовой науки современности, тем не менее, нередко обнаруживал неготовность не только нести данный груз, но и полноценно ощутить его, вызвав в обществе волну антисциентизма. Причины подобной ситуации также оказались, на наш взгляд, сокрытыми в исторической специфике развития феномена массовизации научной сферы – в особенностях протекания и развертывания составляющих его измерений - омассовления и массофикации науки.

Хронологически омассовление науки предшествовало ее массофикации. Именно в ходе процесса комплексного омассовления граней своего бытия наука становится «большой», эволюционирует в мощную производительную силу, создатели которой автоматически возлагают на себя повышенные социальные обязательства перед обществом за последствия своего труда. Однако, как показала историческая практика, подобные обязательства имманентно присущие науке в рамках техногенной цивилизации, вектор и динамику развития которой наука во многом определяет, по сути, оказались лишь абстракцией, не имеющей под собой никаких оснований в личности творца науки – ученого – который, единственно и может являться носителем подлинной социальной ответственности. Причины подобной ситуации, на наш взгляд, укоренены в самом характере массовой науки современности, которая в ходе омассовления неизбежно обрела анонимность, нивелирующую личность конкретного исследователя, затеняющую его реальный вклад в научное развитие. В связи с этим ученый, как правило, перестает видеть конечный результат приложения своих профессиональных усилий, а потому не испытывает никакого чувства ответственности перед обществом за подобное приложение. Обозначенную ситуацию усугубляет глубокая зависимость, которую обрела наука от общества в процессе своего омассовления, став во многом послушным орудием в руках влиятельных политических и экономических сил, осуществляющих финансирование науки и определяющих вектор научного развития.

Процесс массофикации – второй модус социокультурной массовизации – коснулся бытия науки несколько позднее омассовления. Традиционно являясь носителем высокой культурной традиции, научное сообщество изначально обнаружило стойкий иммунитет к аксиологическим веяниям массовой культуры. Но со временем, особенно в глобализирующихся информационных условиях современности подобный иммунитет стал слабеть, в первую очередь, у молодого поколения исследователей, выросших в условиях омассовления общества и манипулятивно-симулятивной среде

маскульта и бессознательно усвоивших его потребительские и гедонистические ценности, нормы и экзистенциальные императивы. В результате формирующаяся у ученого ментальность человека-массы также не способствует возрастанию его социальной ответственности, которая представляется чем-то вроде внешнего атрибута, не затрагивающего ядро личности исследователя, в котором, единственно и должна быть заложена.

Массовая техногенная цивилизация формирует особый – социорациональный тип человеческой личности, носитель которого – «продукт общества, он весь вовне и следует извне внушаемым правилам поведения. Благодаря искреннему вживанию в миф о решающей роли социальной среды, он получил целый ряд преимуществ, прежде всего – вытеснение всякой идеи личной ответственности за свои поступки»¹. Подобный тип личности нередко проникает и в науку как социальный институт, снижая общий уровень его социальной ответственности перед обществом через собственную безответственность массового потребителя.

Следующим проявлением массофикации института науки, тесно связанным с предыдущим, выступает снижение личностных критериев и качеств современного ученого, а так же тех моральных и этических требований, которое предъявляет к нему научное сообщество и общество в целом, как правило, равнодушно лишь к знаниям, а не продуцирующему их человеку. Сам образ жизни массовой цивилизации, характеризующийся калейдоскопом идентичностей размывает в этом смысле элитарный этос науки, а вместе с ним и образ ученого, который все больше приобретает черты менеджера, а не производителя знаний. В обозначенной ситуации кроется проблема мимикрии современной науки, в лице ее представителей, под массовые стандарты и идеалы личности, господствующие в техногенном обществе. В этом плане социальный институт современной науки обретает

¹ Лосева О.А. Культурологические парадигмы личности в XXI веке // Философия и общество. 2008. №2. С. 73.

массовые черты не только внешне - количественно, но и внутренне - качественно.

Обозначенные качественно-аксиологические изменения, происходящие в антропологическом пласте науки, косвенным образом затрагивают и другие элементы данного социального института. Так все большее количество научных изданий, борясь за экономическую рентабельность, постепенно приобретает доминирующие черты научно-популярных, адаптированных под восприятие как можно большего числа людей, зачастую далеких от подлинной науки. Особенно это касается Интернет ресурсов, где научные сведения нередко поданы в игровой, развлекательной форме, призванной, скорее позабавить пользователя, нежели заставить его задуматься над той или иной проблемой, что является закономерной данью массовой эпохе.

Таким образом, процесс массовизации науки как социального института, протекая в двуединстве своих базовых измерений, привел к существенным изменениям данной системообразующей грани научного бытия. В ходе процесса омассовления своих элементов, призванных обеспечить успешное и эффективное в продуктивном плане протекание процесса профессиональной научной деятельности в социуме, институциональность науки была оформлена как таковая, получила всестороннее общественное укоренение и развитие. Именно в процессе омассовления социальный институт науки стал обширным, многогранным и разветвленным, вобравшим в себя многомиллионное научное сообщество, множество научных учреждений, организаций, изданий, ведомств и т.д., в сущности, во многом обусловив ее превращение в непосредственную производительную силу цивилизационного становления.

Однако за подобным внешним развитием и разрастанием науки как социального института в процессе его омассовления скрывалась противоречивая перспектива духовно-личностной атомизации и нивелирования входящих в него индивидов, которые, растворяясь в

приобретающем анонимные черты сообществе себе подобных, зачастую переставали видеть конечные результаты приложения своих профессиональных усилий или задумываться о данных результатах. Данная ситуация оформила контуры проблемы метаморфоз социальной ответственности института науки и ее рядовых представителей – ученых, которые в своем омассовленном состоянии, с одной стороны автоматически возложили на себя данную ответственность, а с другой, из-за внутренней специфики омассовления, оказались, зачастую, неспособны к ее полноценному несению. Последнее обстоятельство обусловлено также процессом массофикации личностной сферы исследователей, проникновением в нее элементов ментальности, аксиологии и прагматики массовой культуры, которые, формируя потребительский образ жизни, отнюдь не способствуют росту ответственности индивида, в том числе и за последствия приложения им своих профессиональных усилий. Иными словами, массофикация науки как социального института выразилась, главным образом в характерном духовно-аксиологическом видоизменении его антропологического измерения, чьи представители - ученые, пребывая в унифицирующих условиях массового техногенного общества, так или иначе воспринимают манипулятивно насаждаемые в нем смысложизненные модусы его титульной культурной формы. Последнее обстоятельство, в свою очередь, находит отражение и в характере других элементов социального бытия науки, которые постепенно приобретают все более четко выраженный, научно-популярный, развлекательный, по сути, массовый характер.

В целом, массовизация института науки привела к превращению ее в мощную производительную силу, оказавшуюся, во многом, имманентно безответственной в социальном плане, всесторонне погруженной в массовую повседневность.

Грани бытия науки – знание, деятельность, социальный институт – приобрели современные формы и содержание во многом в результате действия процессов научной массовизации. Именно в контексте динамичного

омассовления данные измерения науки (в особенности знания и деятельность) пронизали остальные сферы техногенной цивилизации, слились с ними, в значительной степени определив ее облик и конкретные исторические проявления.

Массовизация научного знания обусловила его широкое распространение во все сферы социокультурной жизни, одновременно сняв с него ореол элитарности и эзотеричности. Отвечая интересам растущего массового общества, оно наращивало, главным образом, свой прикладной потенциал, направленный на выполнение социального заказа.

Наука как деятельность в контексте массовизации обрела контуры мощной производительной силы, меняющий облик человеческой цивилизации, выводящей ее за планетарные масштабы. Характерными чертами этой массовой в общественных масштабах деятельности стали ее растущие коммерциализация и формализация, откладывающие существенный отпечаток на практических результатах науки и личностную сферу ученого.

Социальный институт науки в ходе массовизации сложился как таковой, однако развитие процессов массофикации в субъектном его измерении поставило под сомнение его реальную ответственность перед обществом.

Заключение

Проведенное исследование и теоретический анализ позволили прийти к нижеследующим основным выводам по проблеме массовизации современной науки.

Массовизация науки, как и массовизация всей социокультурной сферы техногенной цивилизации, - процесс двуединый, имеющий количественное и качественное измерение, получившие терминологическое оформления в виде «омассовления» и «массофикации».

Омассовление науки – процесс количественно-онтологического увеличения и расширения элементов ее бытия в культуре, превращения науки в производительную силу, обретения наукой статуса социального института. Омассовление науки, активно начавшееся в период формирования индустриального общества и продолжившееся в еще более быстрых темпах в обществе постиндустриальном, сделало грани науки и их элементы не только значимыми, но и массовыми, обыденными проявлениями жизни техногенной цивилизации. Иными словами, омассовление послужило основой и источником утраты наукой ее закрытого, элитарного статуса в культуре, обусловило и подготовило переход количественных изменений в науке в качественные, оформившие контуры ее массофикации.

Массофикация науки – качественно-аксиологический процесс проникновения в научное бытие ценностных установок и императивов массовой культуры, которые, затрагивая, в первую очередь, субъектное измерение науки – личность ученого, через него проникают в бытие всех ее системообразующих граней. Массофикация науки не столь очевидна, как омассовление, ее проявления носят косвенный, опосредованный характер. Массофикация затрагивает аксиологический центр современной науки, последовательно нивелируя в нем классические познавательные идеалы и замещая их ценностными установками массовой культуры. В результате широкое распространение получают процессы научной коммерциализации, маркетинга, имитации научных знаний и деятельности.

Омассовление, ставшее, в первую очередь, результатом возросшего социального заказа на научные результаты в техногенной цивилизации, оказало, преимущественно, положительное воздействие на развитие науки, способствовало ее динамичному количественному росту и широкой демократизации. Однако омассовление содержало в себе и предпосылки массофикации, поскольку обусловило более плотное и многоплановое вхождение граней научного бытия в массовое общество с имманентной ему массовой культурной средой.

Массофикация науки получает наибольшее распространение на информационной стадии развития постиндустриального общества, когда технологии массмедиа приобретают глобальный и манипулятивный, по сути, характер. В результате классические познавательные идеалы науки размываются под действием бессознательно воспринимаемых императивов массовой культуры, что особенно характерно для молодого поколения исследователей, воспитанных под мощным влиянием данных императивов и ценностей.

В целом, массофикацию науки следует охарактеризовать с отрицательной стороны, поскольку она формирует потребительское отношение к научной деятельности и ее результатам – знаниям, как в среде самих ученых, так и в кругах, отвечающих за развитие науки, определяющих его вектор и приоритеты. Наука постепенно перестает быть одной из смысложизненных целей ее творцов, превращаясь в средство преобразования бытия на путях достижения задач далеких от подлинно познавательных. Лакмусом подобных процессов выступает диспропорция, сложившаяся в современной мировой науке между фундаментальными и прикладными исследованиями, наличие которой признают большинство специалистов в области философии науки. Учитывая тот факт, что прикладные исследования и их результаты играют значительную положительную роль в жизни современного общества и именно им наука обязана своим «массовым» состоянием, нельзя не отметить того обстоятельства, что чрезмерное

усиление прикладного измерения научного бытия ведет к утрате его самобытных исторических черт, переводя науку в плоскость интеллектуального бизнеса. В данном аспекте наука перестает быть совестью и разумом культуры, становясь преобразовывающим интеллектом цивилизации. В целом, процесс массовизации науки является свидетельством и следствием комплексного перехода культуры в стадию техногенной цивилизации, в которой потребление повсеместно доминирует над созиданием, а материальное над духовным.

Процесс массовизации, взятый в двуединстве его измерений – омассовления и массофикации – затронул все основные системообразующие грани бытия современной науки – знание, деятельность и социальный институт. При этом омассовление данных граней представляется очевидным, а массофикация носит опосредованный, но не менее значимый по своим результатам характер.

Особое место в рамках проблемы массовизации науки занимает вопрос о месте и роли личности ученого в данном процессе. Здесь следует подчеркнуть то обстоятельство, что если источником омассовления науки выступает, преимущественно, окружающий ее социокультурный контекст, то массофикация проникает в бытие науки, в первую очередь, через ее субъектное измерение – личность ученого. При этом необходимо различать экстрамассофикацию – внешнее соответствие профессиональной активности ученого целям и задачам, которые ставит перед ним современное массовое общество, и интромассофикацию – внутреннее, зачастую бессознательное, принятие человеком науки аксиологии массовой культуры, как смысложизненной. Укоренению процессов массофикации современной науки способствует сама специфика жизни массового общества и его членов, в рамках которого к личности ученого и характеру его профессиональной активности предъявляются весьма скромные требования, которые носят чисто внешний, формальный характер, и не выступают подлинными моральными императивами. Подобное обстоятельство является, в свою

очередь, закономерным результатом омассовления социального института науки в рамках которого вклад отдельного ученого все больше теряется в результатах коллективных усилий научных коллективов, а потому нередко обретает анонимный характер. Анонимность труда ученого снижает его личностную мировоззренческую ответственность за последствия своих профессиональных усилий, что является еще одним существенным проявлением процесса научной массофикации. Здесь же важно отметить, что анонимная массовая наука современности демонстрирует и невысокий уровень социальной ответственности – действительной сопричастности к последствиям своей активности в масштабах культуры и социума.

Таким образом, процесс массовизации современной науки, который охватывает или затрагивает практически все явления и тенденции, наблюдающиеся в системе ее бытия в социокультурных рамках современности, представляется процессом противоречивым и неоднозначным применительно к его воздействию на судьбы самой науки и, шире, вбирающего ее социокультурного универсума. Данный процесс существенно изменил и трансформировал не только саму науку, в рамках как объективной (знаниево-деятельностной), так и субъектной (личностной) ее сферы, но и стимулировал принципиальное изменение роли науки в культуре и обществе, превращение ее в одну из ведущих производительных сил современности, что стимулировало с одной стороны преклонение перед ее результатами, а с другой рост антисциентизма. Тем не менее, процесс научной массовизации был объективно обусловлен и опосредован спецификой исторического развития и задачами техногенной цивилизации, в его рамках наука закономерно утратила свои изначальные неповторимые органичные субкультурные черты и обрела универсальные механистичные цивилизационные признаки и атрибуты.

Разумеется, далеко не все процессы и явления в рамках бытия современной науки полностью объясняются, а, тем более, исчерпываются действием феномена массовизации. Однако, как показало настоящее

исследование, роль массовизации в развитии научного мира и формировании человека науки в масштабах техногенной цивилизации поистине значительно и заслуживает самого пристального внимания. Действительно, массовые процессы современности способствовали появлению «большой» массовой науки, для комплексного и систематического изучения реалий которой предложенные в настоящей работе познавательные подходы и понятийный аппарат представляются методологически оправданными и гносеологически перспективными.

Проблема массовизации науки и, шире, всей социокультурной сферы современности находится на сегодняшний день на стадии постановки и начального рассмотрения, поскольку ей, несмотря на ее значимость, уделяется пока недостаточно высокое внимание исследователей. При этом актуальность данной проблемы, ее укорененность во все грани научного бытия, как было показано в рамках настоящего исследования, требует, на наш взгляд, дальнейшего осмысления феномена массовизации, на основе как собственно философского, так и междисциплинарного его изучения и комплексного анализа.

Библиографический список

1. Абрамов, Р.Н. Трансформации массовой культуры как индикатор социетальных изменений: на примере российского общества // URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Abramov_trans.pdf (дата обращения 07.10.2014).
2. Акопян, К.З. По направлению к масскульту: наука и религия в эпоху шлягера // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». – М.: Гуманитарий, 2003. – С. 205 – 253.
3. Алюшин, А.Л., Князева Е.Н. Телесный подход в когнитивной науке // Философские науки. – 2009. – №2 . – С. 106 – 125.
4. Ананьев, Ю. В. Культура как интегратор социума. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1996. – 171 с.
5. Багдасарьян, Н.Г., Король, М.П. Наука как призвание и профессия: опыт современного прочтения М. Вебера // Вопросы философии. – 2014. – №11. – С. 174 – 180.
6. Бажанов, В.А. Наука как самопознающая система. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1991. – 181 с.
7. Бакштановский, В. Университетская этика: заповедная? Корпоративная? Профессиональная? // Философские науки. – 2009. – №8. – С. 29 – 44.
8. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
9. Бачинин, В.А. Энциклопедия философии и социологии права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 1093 с.
10. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 2004. – 788 с.
11. Бердяев, Н. А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 175 с.
12. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 607 с.

13. Берелехис, А.А., Ильинская, С.Г. О конфликте различных систем ценностей // *Философские науки*. – 2007. – №3. – С. 111 – 129.
14. Блюменкранц, М. Глобальные проблемы современного культурного процесса // *Вопросы философии*. – 2006. – №5. – С. 160 – 164.
15. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Культурная революция, Республика, 2006. – 269 с.
16. Бодрийяр, Ж. Система вещей. – М.: Рудолино, 1995. – 169 с.
17. Власова, В.Б. Человек как творец социальной сферы // *Философские науки*. – 2009. – №4. – С. 114 – 123.
18. Водопьянова, Е. Наука западной Европы: реалии и перспективы // *Свободная мысль – XXI*. – 2002. – №3. – С. 74 – 81.
19. Волков, А.В. Наука в эпоху биокапитализма // *Вопросы философии*. – 2014. – №10. – С. 57 – 68.
20. Воропай, Т.С. Между глобализацией и масскультурой (несколько фрагментов об идентичности) // *Философские науки*. – 2009. – №10. – С. 11 – 20.
21. Выжлецов, Г. П. Аксиология культуры. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. – 148 с.
22. Гаджиев, К.С. Масса. Миф. Государство // *Вопросы философии*. – 2006. – №6. – С. 3 – 20.
23. Гайденок, П. П. Эволюция понятия науки (XVII—XVIII вв.). – М.: Наука, 1987. – 448 с.
24. Гарсия, Д. О понятиях «культура» и «цивилизация» // *Вопросы философии*. – 2002. – №12. – С. 228 – 234.
25. Гибелев, И.В. Массовая культура: теория и современность. – Белгород: БГТУ, 2005. – 110 с.
26. Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме). – СПб.: Алетейя, 2000. – 320 с.

27. Горохов, В.Г. Междисциплинарные исследования научно-технического развития и инновационная политика // Вопросы философии. – 2006. – №4 . – С. 80 – 96.
28. Горохов, В.Г. Наноэтика: значение научной, технической и хозяйственной этики в современном обществе // Вопросы философии. – 2008. – №10. – С. 33 – 49.
29. Горохов, В.Г. Научно-техническая политика в обществе не-знания // Вопросы философии. – 2007. – №12. – С. 65 – 80.
30. Горохова, А.В. Основные теории медиа-индустрии и коммуникаций в современном массовом обществе // Вопросы философии. – 2009. – №12. – С. 43 – 55.
31. Грабельников, А.А. Массовая информация в России: от первой газеты до информационного общества. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2001. – 330 с.
32. Гранин, Ю.Д. «Глобализация» или «вестернизация»? // Свободная мысль. – 2013. – №1/2 (1637). – С.51 – 64.
33. Грушин, Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. – М.: Политиздат, 1987. – 369 с.
34. Гуревич, П. С. Философия культуры. – М.: Nota bene, 2000. – 352 с.
35. Даллмар, Ф. Глобальная этика: преодоление дихотомии «универсализм — партикуляризм» // Вопросы философии. – 2003. – №3. – С. 13 – 30.
36. Декарт, Р. Рассуждение о методе... Первоначала философии. Соч. в 2-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.
37. Делез, Ж. Логика смысла. – М.: Раритет, 1998. – 480 с.
38. Дергачева, Е.А. Социоприродная проблематика в глобалистике // Философия и общество. – 2008. – №3. – С.109 – 122.
39. Деррида, Ж. Позиции. – М.: Академический Проект, 2007. – 160 с.
40. Джегутанов, Б.К. История и философия науки / Б.К. Джегутанов и др. – СПб.: Питер, 2006. – 368 с.

41. Дубровский, Д.И. Природа человека, массовое сознание и глобальное будущее // Философские науки. – 2013. – №9. – С. 5 – 14.
42. Дуденкова, Т.А. Формальное и неформальное в научной коммуникации: культур-философский аспект. Дис. ... канд. философ. наук : 09.00.13. – Н. Новгород, 2011. – 188 с.
43. Еременко, Д.В. Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы // Вопросы философии. – 2010. – №1. – С. 49 – 61.
44. Жукова, Н.Г. Глобализация и сохранение национальной идентичности // Философия и общество. – 2006. – №2. – С. 146 – 152.
45. Захаров, А.В. Массовое общество в России. // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». – М.: Гуманитарий, 2003. – С. 86 – 101.
46. Зима, Н.А. Глобализация культуры и специфика ее проявления в России. Дис. ... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2005. – 170 с.
47. Идеология и наука (дискуссии советских ученых середины XX века) / А. А. Касьян и др.; отв. ред. А.А. Касьян. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 288 с.
48. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // URL: <http://wvv.v.politstudies.ru/fulltext/1997/4/2.htm> (дата обращения 07.05.2014).
49. Каган, М. С. Философия культуры. – СПб.: Университет, 1996. – 216 с.
50. Каган, М.С. Философская теория ценности. – СПб.: Петрополис, 1997. — 205 с.
51. Казинцев, А. Возвращение масс. – М.: Наш современник, 2010. – 688 с.
52. Казютинский, В.В. Истина и ценность в научном познании // Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI века. – СПб.: РХГИ, 1999. – С. 56 – 74.
53. Кармин, А. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вопросы философии. – 2006. – №2. – С. 52 – 60.

54. Карпухин, О., Макаревич, Э. Формирование масс: Природа общественных связей и технологии «паблик рилейшенз»: Опыт историко-социологического исследования. – Калининград: Янтарный сказ. – 2001. – 547 с.
55. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
56. Касьян, А.А. Контекст образования: наука и мировоззрение. – Н.Новгород: НГПУ, 1996. – 183 с.
57. Каххорова, М. Этическая глобализация и ее влияние на духовно-нравственное формирование личности // Актуальные проблемы современной науки. – 2009. – №4. – С. 72 – 78.
58. Кемеров, В.Е. Социальная обусловленность познания: динамика проблемы // Вопросы философии. – 2008. – №10. – С. 20 – 32.
59. Кессиди, Ф.Х. Глобализация и культурная идентичность // Вопросы философии. – 2003. – №1. – С. 76 – 79.
60. Киселев, Г.С. Смыслы и ценности нового века // Вопросы философии. – 2006. – №4. – С. 3 – 16.
61. Киселева, А.М. Глобализация общества и культура мира (Лекция). – М.: МГУКИ, 2002. – 65с.
62. Климова, Л.Е. Массовая культура и личность. Культурфилософский аспект. Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – Ставрополь, 2005. – 146 с.
63. Ковалев, А.М. Промышленная цивилизация и судьба России. Идеи, размышления, гипотезы. – М.: ЧеРо, 2003. – 395 с.
64. Коган, Л.А. Свобода – самость созидания // Вопросы философии. – 2009. – №7. – С. 78 – 90.
65. Коган, Л. Н. Социология культуры. – Екатеринбург: УрГУ, 1992. – 120 с.
66. Коган, Л. Н. Теория культуры. - Екатеринбург: УрГУ, 1993. – 125 с.
67. Козловский, П. Культура постмодерна. – М.: Республика, 1997. – 240 с.

68. Колбасова, Е. А. Эстетические аспекты философии Ф. Ницше: проблема массовизации искусства и культуры: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.04. – Москва, 2005. – 175 с.
69. Костина, А.В. Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики. – М.: Либроком, 2010. – 146 с.
70. Костина, А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. – М.: Изд. ЛКИ, 2008. – 352 с.
71. Кочетков, В.В., Кочеткова, Л.Н. К вопросу о генезисе постиндустриального общества // Вопросы философии. – 2010. – №2. – С. 23 – 33.
72. Кравченко, И.И. Модернизация мира и современной России. Выход из кризиса // Вопросы философии. – 2002. – №9. – С. 3 – 19.
73. Кувшинов, С.В., Ярославцева, Е.И. Человек в оцифрованном мире // Философские науки. – 2009. – №6. – С. 120 – 138.
74. Кузнецова, Л.В. Дурная бесконечность символического потребления // Философия и общество. – 2008. – №3. – С. 127 – 137.
75. Кукаркин, А.В. Буржуазная массовая культура. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1985. – 400 с.
76. Культурология XX век. Антология / Гл. ред. и сост. С.Я. Левит. – М.: Юрист, 1995 — 703 с.
77. Кутырев, В. А. Естественное и искусственное: борьба миров. – Нижний Новгород: Изд. Нижний Новгород, 1994. – 200 с.
78. Кучуради, И. Философия перед лицом мировых проблем // Вопросы философии. – 2004. – №3. – С. 5 – 11.
79. Лазаревич, А.А. Наука и технология как факторы глобализации // Философия науки. – 2008. – №2. – С. 3 – 17.
80. Лебедев, С.А. Уровни научного знания // Вопросы философии. – 2010. – №1. – С. 67 – 75.
81. Лейси, Х. Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание: пер. с англ. – М. : Логос, 2001 . – 360 с.

82. Лекторский, В.А. Рациональность как ценность культуры // Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В.С. Степина / под. ред. В.И. Аршинова, И.Т. Касавина. – М.: Альфа-М, 2014. – С. 313-326.
83. Лекторский, В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2006. – 256 с.
84. Леонова, О.Г. Вызовы глобализации и актуальные тренды общественного сознания в России XXI века // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – №1. – С. 3 – 17.
85. Лиотар, Ж. Ф. Заметка о смыслах “пост” // Иностранная литература. – 1994. – №1. – С. 56 – 59.
86. Лосева, О.А. Культурологические парадигмы личности в XXI веке // Философия и общество. – 2008. – №2. – С. 71 – 77.
87. Майданов, А.С. Методология научного творчества. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 512 с.
88. Макаревич, Э.Ф., Карпухин, О.И. Глобальные коммуникации и культурно-политическая экспансия // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – №3. – С. 61 – 76.
89. Мамонова, В.А. Глобализация в пространстве культуры: векторы развития // Теоретический журнал «Credo», 2006 // URL: <http://credone.v.ru/content/view/534/31/> (дата обращения 11.10.2013).
90. Мамчур, Е.А. Есть ли основания говорить о кризисе в естественных науках? // Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В.С. Степина / под. ред. В.И. Аршинова, И.Т. Касавина. – М.: Альфа-М, 2014. – С. 205 – 219.
91. Мамчур, Е.А. Образы науки в современной культуре. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2008. – 400 с.
92. Мамчур, Е.А. Фундаментальная наука в XXI веке. Нет, она будет жить! // Вопросы философии. – 2008. – №5. – С. 61 – 65.
93. Мариносян, Х.Э. Национальное самосознание в эпоху глобализации // Философские науки. – 2008. – №7. – С. 9 – 22.

94. Маркузе, Г. Одномерный человек. – М: REFL-book, 1994. – 368 с.
95. Мартишина, Н.И. Наука и паранаука в духовной жизни современного человечества. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 1997.- 178 с.
96. Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». – М.: Гуманитарий, 2003. – 521 с.
97. Массовая культура на рубеже веков (Сб. статей). – М.: Дмитрий Буланин, 2005. – 261 с.
98. Массовое сознание и массовые действия. – М.: ИС, 1994. – 149 с.
99. Межуев, В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. – М.: Прогресс-традиция, 2006. – 408 с.
100. Микешина, Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. – 464 с.
101. Миронов, В.В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. – 2006. – №2. – С. 27 – 43.
102. Мирский, Э. Наука как социальный институт // Высшее образование в России. – 2004. – № 8. – С. 89–108.
103. Митиль, А. Дилеммы глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски // Вопросы философии. – 2002. – №9. – С. 178 – 181.
104. Мороз, В.В. Глобализация и перспективы современной цивилизации // Философские науки. – 2006. – №4. – С. 138 – 144; №5. – С. 147 – 155.
105. Москвичи, С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. – 480 с.
106. Наука в культуре / Под ред. В.Н. Поруса. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – 384 с.
107. Наука и государственная научная политика: теория и практика. – М.: Наука, 1998. – 287 с.
108. Наука и культура (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. – 1998. – №10. – С. 3 – 38.

109. Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В.С. Степина / под. ред. В.И. Аршинова, И.Т. Касавина. – М.: Альфа-М, 2014. – 768 с.
110. Наука. Общество. Человек. / Отв. ред. В.С. Степин. – М.: Наука, 2004. – 416 с.
111. Наука, технология, культура (глобальный прогресс и проблемы России) / Сост. и науч. ред. А.И. Ракитов. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – 218 с.
112. Непейвода, Н.Н. Вызовы логики и математики XX в. и ответ на них цивилизации // Вопросы философии. – 2005. – №8. – С. 118 – 128.
113. Никифоров, А.Л. Наука и ее роль в развитии человечества // Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В.С. Степина / под. ред. В.И. Аршинова, И.Т. Касавина. – М.: Альфа-М, 2014. – С. 327-346.
114. Никифоров, А.Л. Философия науки. История и теория. – М.: Идея-Пресс, 2006. – 264 с.
115. Никифоров, А.Л. Фундаментальная наука в XXI веке. Фундаментальная наука умирает? // Вопросы философии. – 2008. – №5. – С. 57 – 61.
116. Никонов, В.А. Россия в глобальной политике XXI века // Общественные науки и современность. – 2002. – №6. – С. 115 – 123.
117. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое. Соч. в 2-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – 829 с.
118. Образование – Наука – Идеология (опыт отечественной истории): монография / А. А. Касьян и др.; отв. ред. А.А. Касьян. – Нижний Новгород: НГПУ, 2012. – 393 с.
119. Ожогоина, Ю.В. Трансформация массовой культуры в условиях глобализации. Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – Н. Новгород, 2009. – 196 с.
120. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 509 с.
121. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – 588 с.

122. Основы философии науки /В.П. Кохановский и др.; отв. ред. В.П. Кохановский. Изд. 4-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 608 с.
123. Панарин, А.С. Искушение глобализмом. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 416 с.
124. Панарин, А.С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств // Вопросы философии. – 2003. – №6. – С. 16 – 36.
125. Панарин, И.С. Информационная война и геополитика. – М.: Поколение, 2006. — 560 с.
126. Пастухов, А.Л. Глобализация в мировоззрении человека (онтогносеологический аспект). Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Челябинск, 2005. – 148 с.
127. Печенкин, А.А. Современная философия науки. – М.: Логос, 2005. – 400 с.
128. Пирожков, В.В., Пирожкова, С.В. Можно ли измерять научное творчество? Материалы «круглого стола». Участвовали: В.А. Лекторский, А.А. Гусейнов, А.Л. Никифоров, А.Н. Паршин, А.В. Дыбо, С.А. Крылов, А.Ф. Яковлева, Е.О. Труфанова, С.В. Пирожкова, И.В. Усольцева, Д.А. Кибальчич // Вопросы философии. – 2014. – №4. – С. 50 – 74.
129. Пирожков, В.В. Обсуждение книги академика В.С. Стёпина «Цивилизация и культура». Материалы «круглого стола». Участники: В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, А.А. Гусейнов, А.С. Запесоцкий, И.Т. Касавин, Е.А. Мамчур, Н.М. Смирнова, В.С. Стёпин, В.Г. Федотова, И.В. Черникова // Вопросы философии. – 2013. – №12. – С. 3 – 47.
130. Плотников, А.В. Особенности формирования массовой культуры современного российского общества. Дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Ростов н /Д, 2005. – 163 с.
131. Порус, В.Н. Рациональность. Наука. Культура. - М.: Университет Российской Академии образования. Кафедра философии, 2002. - 352 с.

132. Порус, В.Н. Этика науки в структуре философии науки // Этнос науки / отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. – М.: Академия, 2008. С. 87—107.
133. Постмодернизм и культура. Материалы круглого стола // Вопросы философии. — 1993. – №3 . – С. 3 – 16.
134. Проблема ценностного статуса науки на рубеже XXI в. / Отв. ред. Л.Б. Баженов. – СПб.: РХГИ, 1999. – 280 с.
135. Пружинин, Б.И. О том, что мерить нельзя // Вопросы философии. – 2014. – №4. – С. 75 – 78.
136. Пружинин, Б.И. Фундаментальная наука в XXI веке. Надеюсь, что будет жить // Вопросы философии. 2008. №5. С. 66 - 71.
137. Псевдонаучное знание в современной культуре. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2001. – №6. – С. 3 – 31.
138. Радов, А. Наука как формальность // Свободная мысль – XXI. – 2004. – №10. – С. 77 – 81.
139. Разлогов, К. Геополитика культуры // Свободная мысль – XXI. – 2002. – №9. – С. 91 – 98.
140. Разлогов, К.Э. Коммерция и творчество: враги или союзники? – М.: Искусство, 1992. – 271 с.
141. Ракитов, А.И. Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях. – М.: ИНИОН РАН, Центр ИСТИНА, 1998. – 104 с.
142. Ракитов, А.И. Регулятивный мир: знание и общество, основанное на знаниях // Вопросы философии. – 2005. – №5. – С. 82 – 94.
143. Ракитов, А.И. Стратегия и прогноз. Взгляд на общество, образование и науку в России // Философские науки. – 2013. – №7. – С. 22 – 32.
144. Розин, В.М. Вызов познанию: стратегия развития науки в современном мире // Вопросы философии. – 2005. – №10. – С. 180 – 184.
145. Розин, В.М. Методология: Становление и современное состояние. – М.: МПСИ, 2006. – 414 с.
146. Розин, В.М. Мышление и творчество. – М.: ПЭР СЭ, 2006. – 360 с.

147. Савенко, С. Постмодернизм: между элитой и массами // Искусство XX века: элита и массы: сб. ст. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. консерватории, 2004. – С. 43 – 50.
148. Савин, М.В. Базовые модусы феномена массовизации науки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: серия «Социальные науки». – 2008. – №2. – С.92 – 98.
149. Савин, М.В. Массовизация науки: социокультурные контуры феномена // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – №4. – С. 42 – 45.
150. Савин, М.В. Динамика фундаментальной и прикладной науки под призмой феномена массовизации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – №5. – С. 74 – 76.
151. Садовничий, В.А. Знание и мудрость в глобализирующемся мире // Вопросы философии. – 2006. – №2. – С. 3 – 15.
152. Самохвалова, В.И. Массовый человек – реальность современного информационного общества // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». – М.: Гуманитарий, 2003. – С. 102 – 147.
153. Сапожников, Е.И. Общество потребления в странах Запада // Вопросы философии. – 2007. – №10. – С. 53 – 63.
154. Сачков, Ю.В. Фундаментальные науки как стратегический ресурс развития // Вопросы философии. – 2007. – №3. – С. 76 – 89.
155. Светлов, В.А. История научного метода. – М.: Академический проект, 2007. – 700 с.
156. Семенов, В.С. О перспективах человека в XXI столетии // Вопросы философии. – 2005. – №9. – С. 26 – 37.
157. Сергеев, В.В. О безопасности духовной культуры в российском обществе // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – №4. – С. 43 – 56.
158. Соколов, Е.Г. Аналитика масскульты. – СПб.: Петерб. филос. о-во, 2001. – 280 с.

159. Сорокин, П. Человек, цивилизация, общество. – М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
160. Степанянц, М.Т. Восточные сценарии глобального мира // Вопросы философии. – 2009. – №7. – С. 35 – 43.
161. Степин, В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. – 1989. – №10. – С. 3 – 18.
162. Степин, В.С. Основания науки и их социокультурная размерность // Наука в культуре. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – С. 75 – 87.
163. Степин, В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. – 2003. – №8. – С. 5 – 17.
164. Степин, В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. – 2006. – №2. – С. 16 – 26.
165. Степин, В.С., Кузнецова, Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М.: Институт философии РАН, 1994. – 274 с.
166. Суродина, Н.Р. Культурная интроспекция XX столетия и современности. Материалы к спецкурсу. – Волгоград: ВГПУ, 2002. – 50 с.
167. Тард, Г. Общественное мнение и толпа. – М.: Издательство «КСП+», 1999. – 203 с.
168. Теплиц, К.Т. Все для всех: массовая культура и современный человек. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – 123 с.
169. Терин, В.П. Массовая коммуникация: социокультурные аспекты политического воздействия. Исследование опыта запада. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1999. – 220 с.
170. Тищенко, Я.В. Культурно-цивилизационные стратегии глобализации. Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – СПб., 2006. – 169 с.
171. Толстоухов, А.В. Глобальный социальный контекст и контуры эко-будущего // Вопросы философии. – 2003. – №8. – С. 49 – 63.
172. Тоффлер, Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2003. – 557 с.

173. Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2003. – №1. – С. 3 – 32.
174. Труфанова, Е.О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. – 2010. – №2. – С. 13 – 23.
175. Тульчинский, Г.Л. Массовая культура как воплощение гуманизма Просвещения, или Почему российское общество самое массовое // Философские науки. – 2008. – №10. – С. 38 – 57.
176. Уткин, А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М.: Логос, 2001. – 253 с.
177. Федотова, В.Г. Академическая и (или) постакадемическая наука? // Вопросы философии. – 2014. – №8. – С. 44 – 53.
178. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2006. – 1074 с.
179. Философия и методология науки / под ред. В. И. Купцова. – М.: Аспект пресс, 1996. – 551 с.
180. Философский энциклопедический словарь / Сост. Л.Ф. Ильичев и др. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
181. Философский энциклопедический словарь / Сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 575 с.
182. Фрейд, З. Психоанализ. Религия. Культура. – М.: Ренессанс, 1992. – 296 с.
183. Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого «Я». – М.: Академически проект, 2011. – 128 с.
184. Фролов, И.Т., Юдин, Б.Г. Этика науки. Проблемы и дискуссии. – М.: Либроком, 2009. – 256 с.
185. Фромм, Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1990. – 269 с.
186. Фуко, М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
187. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: Издательство «А-сад», 1994. – 408 с.

188. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2004. – 588 с.
189. Хайдеггер, М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.
190. Хейзинга, И. Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры. – М.: Прогресс, 1992. – 460 с.
191. Хренов, Н.А. Зрелища в эпоху восстания масс. – М.: Наука, 2006. – 646 с.
192. Чернов, Г.Ю. Понятие массовизации: антропосоциокультурный подход // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – Вып. 23. – 2012. – №4 (258). – С. 85 – 88.
193. Чернов, Г.Ю. Социально-массовые явления: онтогносеологический анализ. – Челябинск: «Полиграф-Мастер», 2013. – 320 с.
194. Чинакова, Л. О потребительстве и его носителях // Свободная мысль – XXI. – 2002. – №3. – С. 82 – 89.
195. Чистякова, С.С. Глобализация культуры: генезис, типология, современные смыслы. Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – Белгород, 2007. – 168 с.
196. Шайхутдинов, Р.Г. Современные технологии власти // Вопросы философии. – 2007. – №11. – С. 3 – 12.
197. Шاپинская, Е.Н. Массовая культура в теоретических исследованиях // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». – М.: Гуманитарий, 2003. – С. 58 – 85.
198. Шишков, И.З. В поисках новой рациональности: философия критического разума. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 400 с.
199. Шишминцев, А.Н. Философский анализ жизнедеятельности современного массового человека. Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. – Ростов н/Д., 2004. – 288 с.
200. Шпенглер, О. Закат Европы. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.
201. Шубина, И.Б. Зрелище в культуре. Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – Ростов н/Д, 2005. – 146 с.

202. Шупер, В.Ф. Россия и Запад: новые интеллектуальные отношения // Вопросы философии. – 2002. – №7. – С. 155 – 167.
203. Эпштейн, М.Н. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманологию // Философские науки. – 2009. – №2. – С. 91 – 105.
204. Эпштейн, М. Техника – религия – гуманистика. Два размышления о духовном смысле научно-технического прогресса // Вопросы философии. – 2009. – №12. – С. 19 – 29.
205. Юревич, А.В. Асимметричное будущее // Вопросы философии. – 2008. – №7. – С. 76 – 89.
206. Яковец, Ю. В. История цивилизаций. – М.: Владос, 1997. – 352 с.
207. Яхнин, Е.Д. Эволюция и будущее человеческого социума (общенациональная идея России в мировом контексте) // Вопросы философии. – 2006. – №5. – С. 165 – 175.
208. Berger, A.A. Popular Culture Genres: Theories and Texts, Newbury Park: Sage, 1992. – 171 p.
209. Carroll, N. A Philosophy of Mass Culture, New York: Oxford UP, 1998. – 495 p.
210. Docker, J. Postmodernism and Popular Culture: A Cultural History, Cambridge: Cambridge UP, 1994. – 313 p.
211. Harrington, C.L. and Bielby, D. Popular Culture: Production and Consumption, Malden, Mass.: Blackwell, 2000. – 328 p.
212. Meyer J.W. Globalization. Sources and Effects on National States and Societies//International Sociology, June 2000, Vol.15 (2), p. 233-248.
213. New Cultural Studies: Adventures in Theory / eds. G. Hall, C. Birchall. Athens: The Univ. of Georgia Press, 2006. – 326 p.
214. New Media: A Critical Introduction / ed. J. Dovey et all . L.&N.Y.: Routledge, 2009. – 464 p.
215. Robertson R. Globalisation: Social Theory and Global Culture. – London, 1992. – 205 p.

216. Strinati, D. *An Introduction to Theories of Popular Culture*, London: Routledge, 1995. – 286 p.
217. Wilson, E. The bohemianization of mass culture//*International Journal of Cultural Studies*, 1999, 2/11, pp.11 – 32.